

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ОСТРЫЕ

ПРЕДМЕТЫ

СКАЗАТЬ, ЧТО ЭТО ПОТЯСАЮЩИЙ ДЕБЮТ, —
НЕ СКАЗАТЬ ПОЧТИ НИЧЕГО...

Стивен Кинг

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Annotation

Дебютный роман автора детективных триллеров, мгновенно ставших супербестселлерами и с восторгом принятых такими крупными литературными авторитетами, как Стивен Кинг, Вэл Макдермид, Кейт Аткинсон и другие мастера жанра.

Камилла Паркер, не особо удачливый репортер одной из не особо успешных газет Чикаго, мечтает о блестящей карьере. И вот девушке выпадает счастливый шанс, способный резко повысить ее журналистский статус, – Камиллу посылают корреспондентом в маленький городок, где жертвой маньяка стали несколько малолетних девочек. Ее задача – выдать читателям сенсационное сообщение с места событий. Дело в том, что Камилла в этом городе родилась и выросла, а потому кому, как не ей, легче других найти общий язык с жителями и выяснить нюансы расследования. Но погружение в страшную реальность провинциальной жизни оборачивается для нее цепью кошмаров, достойных кисти Иеронима Босха...

- [Гиллиан Флинн](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Глава шестнадцатая](#)
 - [Глава семнадцатая](#)
 - [Эпилог](#)

- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
-

Гиллиан Флинн
Острые предметы

Моим родителям Мэтту и Джудит Флинн

Глава первая

На мне был новый свитер, жгуче-красный и некрасивый. Сегодня двенадцатое мая, но на улице всего градусов десять. Четыре дня я мерзла в легкой одежде, а потом решила купить что-нибудь теплое на распродаже – не хотелось копаться в коробках с зимней одеждой. Такая в Чикаго весна.

Я сидела в своем рабочем закутке, отделанном рогожкой, и смотрела на монитор. В моей сегодняшней статье речь шла о преступной небрежности. В Саут-Сайде^[1] обнаружили четверых детей, от двух до шести лет, запертых в комнате одних. Из съестного в доме – пара сэндвичей с тунцом и бутылка молока. Три дня дети носились, как перепуганные цыплята, по загаженному ковру. Мать ушла покурить травки и просто о них забыла. Вот как иногда бывает. Ни брошенного окурка, ни хруста костей. Просто ушла и не вернулась. Мне удалось увидеть ее после ареста: Тэмми Дэвис, двадцать два года, толстая блондинка, на щеках розовые круги румян, маленькие и ровные, как следы от доньшка рюмки. Я представила, как она сидит на полуразвалившемся диване, в зубах трубка, изо рта клубы дыма. Потом все поплыло, дети остались где-то далеко, и вот она снова – тринадцатилетняя школьница с блестящими губками, которая еще нравится мальчикам, ведь она самая хорошенькая в классе и, прежде чем целоваться, жует коричневые палочки.

Вижу брюхо. Чувствую запах сигарет и старого кофе. Устало ковыляя в изношенных ботинках, входит редактор, всеми уважаемый Фрэнк Карри. Зубы в коричневом налете от табака.

– Как статья, детка?

У меня на столе лежит кнопка острием вверх. Он слегка надавил на нее пожелтевшим ногтем.

– Почти готова.

Написано три абзаца. А требовалось десять.

– Ладно. Плевать на нее, подшивай в папку и давай ко мне.

– Я и сейчас могу прийти.

– Плевать, подшивай и приходи.

– Отлично. Десять минут.

Мне хотелось забрать у него чертежную кнопку.

Он направился к выходу. Его галстук свисал почти до ширилки.

– Прикер?

– Да, Карри?

– Плевать на нее!

Фрэнк Карри считает меня доверчивой дурочкой. Может, потому, что я женщина. А может, потому, что я и впрямь такая.

Кабинет Карри находится на третьем этаже. Держу пари, его чертовски раздражает, когда он видит из окна ствол дерева. Хорошие редакторы видят не кору, а листья – если они вообще могут разглядеть деревья с двадцатого-тридцатого этажа. Но для «Дейли пост», четвертой по значимости газеты Чикаго, которую перевели в пригород, такого простора больше нет. Хватит с нас и трех этажей, безжалостно распластанных, растекшихся по земле, незаметных среди магазинов, торгующих коврами и лампами. Наш поселок построили в рекордный срок, за три года, с 1961 по 1964-й. Заказчик, корпоративный предприниматель, назвал его в честь дочери, которая за год до окончания строительства получила серьезную травму, упав с лошади. «Аврора Спрингз», – провозгласил он и сфотографировался рядом с указателем нового населенного пункта. А потом забрал свою семью и уехал. Дочь, которой теперь за пятьдесят (со здоровьем у нее порядок, иногда только в руках покалывает), живет во Флориде и раз в несколько лет приезжает сюда сфотографироваться возле указателя со своим именем, как когда-то ее отец.

Я написала статью о ее последнем приезде. Карри она не понравилась: он вообще не любит реалистические сюжеты. Читая статью, он распил бутылку выдержанного ликера «Шамбор», и потом, когда выходил из кабинета, от него пахло малиной. Карри напивается часто, но ведет себя тихо. Однако пьет он не потому, что из его окна открывается такой приятный вид. Просто для того, чтобы отвадить невзгоды.

Я вошла к нему и закрыла дверь: кабинет редактора мне представлялся совсем другим. Здесь хотелось видеть большие дубовые панели, застекленное окно в двери с табличкой «Начальник», чтобы начинающие репортеры могли полюбоваться, как мы яростно спорим о правах^[2], данных нам Первой поправкой к конституции. Кабинет Карри безликий и казенный, как и все здание. Там хоть журналистские дебаты веди, хоть мазок гинекологу сдавай – никому дела нет.

– Расскажи мне о Уинд-Гапе.

Карри приложил шариковую ручку стержнем к подбородку. В зарослях седой щетины наверняка осталась синяя точка.

– Он находится в долине Миссури, в дальней части, на юго-востоке. Рукой подать до Теннесси и Арканзаса, – принялась докладывать я.

Карри любил натаскивать репортеров по всем темам, которые считал нужными: количество убийств, совершенных в Чикаго в прошлом году,

демографические показатели округа Кук, а теперь ему зачем-то понадобилась информация о моем родном городе, хотя о нем мне говорить не хотелось.

– Уинд-Гап стал известен до Гражданской войны, – продолжала я. – Он стоит на Миссисипи, поэтому некоторое время служил портом. Теперь там основной промысел – убой скота. Жителей около двух тысяч: потомственная денежная аристократия и отбросы общества.

– А ты к кому относишься?

– К отбросам. Из потомственной денежной аристократии.

Я улыбнулась. Он нахмурился.

– И что же, черт побери, там происходит?

Я сидела молча, перебирая в уме бедствия, которые могли произойти в Уинд-Гапе. Это захолустный городишко, где вполне может что-нибудь случиться: автобусы столкнутся или ураган налетит. Рванет на силосной башне или ребенок в колодец упадет. Мне было слегка досадно. Я-то надеялась – как всегда, когда Карри вызывает меня к себе, – что он похвалит меня за последнюю статью, даст повышение и переведет на новый участок работы, а потом сунет в руки бумажку с нацарапанным на ней приказом о повышении зарплаты на один процент. Но я не ожидала, что придется говорить с ним о Уинд-Гапе.

– У тебя же там мама, верно, Прикер?

– Да. И отчим.

А еще единоутробная сестра, которая родилась, когда я училась в университете; я до сих пор с трудом верила в ее существование и часто забывала, как ее зовут. Эмма. И еще Мэриан, которой давно нет в живых.

– Черт возьми, ты когда-нибудь с ними общаешься?

В последний раз звонила на Рождество, после трех стаканов бурбона; разговор получился холодно-вежливый. Я боялась, как бы мать не почувствовала запах виски по телефону.

– В последнее время нет.

– Господи! Прикер, читай хоть иногда телеграммы. Кажется, в августе прошлого года там было совершено убийство? Задушили маленькую девочку!

Я кивнула, как будто знала об этом. Но это была неправда. Из Уинд-Гапа я общалась, хоть и редко, только с матерью, а она мне ничего об этом не рассказывала. Странно.

– А теперь еще один ребенок пропал. Похоже, там орудует маньяк. Поезжай туда, узнай все подробности – напишешь статью. Собирайся. Завтра утром ты должна быть в Уинд-Гапе.

Ни за что.

– Карри, мы ведь пишем не триллеры.

– Да, но пишем не только мы. Есть еще три конкурирующие газеты – у них и сотрудников, и денег в два раза больше, чем у нас. – Он провел рукой по волосам, и они обвисли безжизненными прядями. – Нас вечно опережают, и мне это надоело. Это наш шанс рассказать что-то интересное. Значительное.

Карри считает, что стоит только опубликовать «правильную» статью, как мы тут же станем самой популярной газетой в Чикаго и получим всеобщее признание. В прошлом году редакция другой газеты – не нашей – отправила корреспондента в его родной город, куда-то в Техас, где во время весеннего половодья утонули несколько подростков. Тот написал информативную, хотя и грустную статью, в которой рассказал о причинах наводнения и выразил искреннее соболезнование, упомянул баскетбольную команду, потерявшую трех лучших игроков, и посетовал на низкую квалификацию работников морга, которые не смогли привести останки ребят в надлежащий вид. Автор статьи получил Пулицеровскую премию.

Но мне все равно не хотелось туда ехать. Так отчаянно не хотелось, что я вцепилась в подлокотник кресла, как будто Карри мог вытряхнуть меня силой. Он сидел и несколько мгновений смотрел на меня глазами цвета виски. Потом откашлялся, взглянул на фотографию жены и мягко улыбнулся, словно врач, который собирается сообщить неприятную новость. Карри любил поорать – считал, что таким и должен быть редактор старой закалки, – и все-таки он один из самых порядочных людей, которых я когда-либо знала.

– Послушай, детка, не можешь – значит не можешь. Но думаю, тебе бы пошло это на пользу. Выясни, что произошло. Поезжай. Это очень интересный материал, нам он нужен. Тебе он нужен прежде всего.

Карри всегда возлагал на меня большие надежды. Он думал, что я буду его лучшим репортером, говорил, что у меня неординарное мышление. В течение двух лет работы я с удивительным постоянством не оправдывала его ожиданий. Сейчас, сидя напротив него за столом, я чувствовала, что он ждет от меня поддержки. Я кивнула, стараясь выглядеть уверенно.

– Пойду собираться.

На кресле от моих рук остались влажные следы.

Домашних питомцев у меня не было – волноваться не за кого, цветы я тоже не развожу – не нужно просить соседей их поливать. Я положила в сумку одежды на пять дней, не сомневаясь в том, что приеду из Уинд-Гапа до выходных. Когда перед выходом окинула взглядом квартиру, она предстала передо мной в истинном свете. Дешевое и неудобное временное жилье – можно подумать, студенческое. Я решила, что по возвращении куплю себе приличный диван, в награду за потрясающую статью, которую непременно напишу.

На столе у двери фотография, где я держу на руках Мэриан. Мне лет двенадцать, ей около семи. Мы смеемся, я зажмурилась, ее глаза широко открыты от удивления. Я крепко прижимаю Мэриан к себе, ее короткие худенькие ножки не достают мне до колен. Не помню, над чем мы смеялись. С годами это стало приятной тайной. Пожалуй, не хотелось бы знать ее теперь.

* * *

Я всегда принимаю ванну, душ не люблю. Терпеть не могу тонкие струйки воды, от которых у меня мурашки по телу, как от электрического разряда. Поэтому в душевой кабинке я заткнула сливную решетку тонким гостиничным полотенцем, повернула душ к стене и села в неглубокую лужицу, образовавшуюся на полу. Рядом плавали чьи-то лобковые волосы.

Я вышла из кабинки. Второго полотенца не было, поэтому я побежала к кровати и вытерлась дешевым рыхлым одеялом. Затем выпила стакан теплого бурбона, проклиная сломанный аппарат для льда.

Уинд-Гап в одиннадцать часов езды к югу от Чикаго. Карри любезно выписал командировочные, чтобы хватило на одну ночь в мотеле и на завтрак – если поем в закусочной на бензозаправке. Но в городе я поживу у матери. Так он за меня решил. Я заранее знала, как мать меня встретит. На мгновение растеряется, всполошится, поправит волосы, неловко обнимет меня, прижав скорее к плечу, чем к груди. Извинится за беспорядок, которого нет. Вежливо поинтересуется, когда уеду.

– Ты к нам надолго, дорогая? – спросит она. Другими словами: «Когда ты уберешься отсюда?»

Ее вежливость обижает больше всего.

Пора бы подготовить несколько вопросов для интервью. Но я выпила еще бурбона, проглотила таблетку аспирина и погасила свет. Под убаюкивающее журчание кондиционера и электрическое потрескивание из

соседнего номера, где кто-то играл в видеоигру, я заснула. До моего родного города оставалось тридцать миль, но в эту ночь думать о нем не хотелось.

* * *

Утром вместо завтрака я вдохнула запах несвежих пончиков с вареньем и продолжила путь к югу. Становилось все жарче. По обеим сторонам дороги стоял густой лес. Эта часть долины Миссури зловеще однообразна: едешь по узкому шоссе, а по бокам только мрачный лес, на многие мили. Куда ни кинь взгляд – все одно и то же.

Издали Уинд-Гап не видно: самый высокий его дом – трехэтажный. Но через двадцать минут я поняла, что скоро приеду: показалась знакомая бензозаправка. Перед входом в здание сидели несколько полуголых мальчишек-подростков со скучающим видом. Рядом, возле старого пикапа, стоял малыш в подгузнике и пригоршнями бросал в воздух мелкие камешки, пока его мать заправляла бак. Ее волосы были покрашены в золотистый цвет, но отросшие темные корни доходили до самых ушей. Пока я проезжала, она что-то кричала мальчикам, слов я не разобрала. Вскоре лес начал редеть. Длинной, словно наспех намалеванной полосой промелькнул торговый центр с соляриями, вслед за ним – оружейный магазин и магазин тканей. Потом – кучка старых домов, образующих тупик, – когда-то начали строить поселок и бросили. И вот наконец сам город.

Проезжая вывеску «Добро пожаловать в Уинд-Гап!», я почему-то задержала дыхание, как девочка, охваченная испугом при виде кладбища. После моего отъезда прошло восемь лет, но все здесь оставалось до боли знакомым. Если свернуть на ту дорогу, я окажусь перед домом бывшей монахини, которая учила меня играть на фортепиано в начальной школе. У нее неприятно пахло изо рта. Другая дорога ведет в маленький парк, где однажды, жарким летним днем, я выкурила первую в жизни сигарету. А вон тот бульвар ведет к Вудбери, там больница.

Я решила поехать сразу в полицейский участок. Он притулился в конце Главной улицы – так и называется главная улица Уинд-Гапа, ей-богу. На ней есть салон красоты, скобяная лавка, хозяйственный магазин (под вывеской «Хозяйственный магазин») и библиотека в двенадцать стеллажей. Еще «Одежда от Кэнди», где продаются джемперы, водолазки и свитера с изображением уток и домиков. Лучшие женщины Уинд-Гапа – в

основном учительницы, домохозяйки с детьми и продавщицы таких магазинов, как «Одежда от Кэнди». Может быть, через несколько лет в городе откроют кофейню «Старбакс», и тогда у него появится стиль, которого так не хватает, – популярный, фасованный, рекомендованный специалистами. А пока тут хотя бы есть дешевая закусочная, принадлежащая одной семье, не помню фамилии.

На Главной улице было пусто – ни машин, ни людей. По тротуару бежала собака, но никто ее не звал, хозяина поблизости не было. На всех фонарных столбах – зернистые фотокопии портрета девочки, приклеенные желтым скотчем. Припарковав машину, я сорвала один листок, криво прилепленный на высоте детского роста. Объявление было написано от руки, сверху – жирными буквами, похоже, несмываемым фломастером. Заголовок: «Пропал ребенок». С фотографии смотрела темноглазая девочка с непомерно большой шевелюрой. Шкодливая улыбка, в глазах чертики. Учителя наверняка считают ее трудным ребенком. Мне она понравилась.

Натали Джейн Кин

10 лет

Ушла из дома 11 мая.

В последний раз ее видели в парке Якоб Дж. Гаретт; была одета в голубые джинсовые шорты и красную полосатую футболку.

Если вы знаете о местонахождении девочки или владеете какой-либо информацией, пожалуйста, позвоните по телефону: 555-7377.

Я надеялась в полицейском участке услышать, что Натали Джейн нашли, целой и невредимой. Может быть, она заблудилась в лесу, вывихнула ногу или сбежала из дома, а потом передумала и вернулась. Тогда я бы села в машину, уехала в Чикаго и больше ничего не стала выяснять.

Переулки были пустынно – половина жителей ушла на поиски в лес, расположенный в северной части города. Секретарь разрешила мне подождать начальника полиции Билла Викери, который скоро должен был прийти на обед. Обстановка в комнате ожидания была фальшиво-уютной, как в приемной стоматолога. Я села в оранжевое кресло и стала листать рекламный каталог. В розетке на стене шипел электрический освежитель воздуха, распространяя запах, который, по мнению производителя, должен напоминать летний бриз, но чувствовался почему-то только едкий запах

нагретой пластмассы. Через полчаса я просмотрела три журнала и начала испытывать тошноту от «летнего бриза». Когда Викери наконец пришел, секретарша кивнула в мою сторону и прошептала с лютым отвращением: «Пресса!»

Викери оказался дядюшкой лет пятидесяти, худым и взмокшим. Влажная рубашка прилипла к груди, а форменные брюки сморщились – на том месте, где должен быть зад.

– Пресса? – уставился он на меня сквозь увеличительные линзы бифокальных очков. – Какая пресса?

– Господин Викери, я Камилла Прикер, корреспондент чикагской газеты «Дейли пост».

– При чем здесь Чикаго? Каким ветром вас сюда занесло?

– Я хотела бы задать вам несколько вопросов о девочках, Натали Кин и той, которая была убита в прошлом году.

– Господи, как вы только об этом узнали? Боже мой!

Он посмотрел на секретаря и перевел взгляд на меня, словно подозревая нас в сговоре. Потом жестом пригласил пройти за ним.

– Руфь, если мне будут звонить, я занят.

Секретарша удивленно вытаращила глаза.

Билл Викери провел меня по коридору, на стенах которого, обшитых деревянными панелями, в шахматном порядке были развешены дешевые рамки с фотографиями форели и лошадей, и мы вошли в кабинет – маленькую каморку без окна, уставленную досье в железных папках. Он сел и закурил. Мне сигарету не предложил.

– Мисс Паркер, я не хочу, чтобы это дело получило огласку. Не буду говорить на эту тему.

– Господин Викери, боюсь, что выбора нет. Убийца на свободе, дети в опасности. Люди должны об этом знать.

Эти громкие слова, полные праведного гнева, я заготовила в машине, по пути сюда.

– А вам-то что? Это наши дети и наши проблемы. – Он встал, снова сел и переложил бумаги на столе. – Смею заметить, никто из Чикаго еще ни разу не интересовался детьми Уинд-Гапа. – Его голос дрогнул.

Викери затянулся сигаретой, покрутил толстое розоватое золотое кольцо на пальце и часто заморгал. Мне вдруг показалось, что он вот-вот заплачет.

– Вы правы. Возможно, раньше никто. Послушайте, мы ведь не будем спекулировать горем. Нужно просто предупредить людей об опасности. Если вам станет от этого легче, я из Уинд-Гапа.

«Ну что же, Карри! Посмотрим, сработает ли ваша задумка».

Он взгляделся мне в лицо.

– Как ваша фамилия?

– Прикер. Камилла Прикер.

– А почему я вас не знаю?

– Никогда не попадала в полицию, сэр. – Я слабо улыбнулась.

– У родителей та же фамилия?

– Моя мама вышла замуж и сменила фамилию двадцать пять лет назад.
Адора и Алан Креллин.

– Их я знаю.

Немудрено: их знают все. Не так уж много в Уинд-Гапе богатых – действительно богатых.

– И все-таки я не хочу, чтобы вы о нас писали, мисс Прикер. Вы представляете, что за... дурная слава о нас пойдет после вашей статьи?

– А может, это станет как раз полезной рекламой, – предположила я. – Такое бывало.

Викери секунду сидел молча, задумчиво созерцая смятый бумажный пакет с обедом, задвинутый в угол стола. Судя по запаху, там должна быть болонская колбаса. Потом что-то пробормотал про Джонбенет^[3] и «всякое дерьмо».

– Спасибо, нет, мисс Прикер. Я не буду об этом говорить. Тайна следствия разглашению не подлежит. Так и напишите, если хотите.

– Послушайте, я имею право задавать вам вопросы. Давайте договоримся: вы мне что-нибудь расскажете, хоть что-нибудь, и я на некоторое время оставлю вас в покое. Не хочу мешать вам работать. Но ведь и я пришла сюда не из праздного любопытства! – Эту фразу я тоже отрепетировала заранее, находясь где-то в окрестностях Сент-Луиса.

Я вышла из полицейского участка с фотокопией карты Уинд-Гапа, на которой начальник полиции Викери отметил крестиком то место, где в прошлом году было обнаружено тело убитой девочки.

Энн Нэш, девять лет, найдена двадцать седьмого августа в реке Фолз, бурливой речушке с бугристым дном, которая течет по Северному лесу. Двадцать шестого августа, в тот день, когда она пропала, поисковая группа с наступлением ночи прочесала лес. Но девочку нашли охотники, в шестом часу утра. Ее задушили около полуночи простой бельевой веревкой, дважды обмотанной вокруг шеи. Потом бросили в реку, обмелевшую после долгой летней засухи. Веревка зацепилась за большой камень, и труп всю ночь плавал по медленному течению. Энн Нэш хоронили в закрытом гробу. Это все, что Викери мне рассказал. Чтобы выудить из него эту малость, я

целый час задавала ему вопросы.

Я зашла в библиотеку и с платного телефона набрала номер, указанный в объявлении. Голос пожилой женщины в трубке сообщил, что я позвонила на «горячую линию по розыску Натали Кин», хотя на заднем плане слышался гул посудомоечной машины. Женщина сказала, что, насколько ей известно, поиски девочки в Северном лесу еще продолжаются. Все желающие присоединиться к поисковой группе должны подойти к месту сбора на подъездной дороге и принести с собой воды – погода будет очень жаркой.

В назначенном месте, на солнечной поляне, я увидела четырех белокурых девочек. Они сидели на полотенцах, словно пришли позагорать, но в их позах чувствовалось напряжение. Они указали мне тропинку и велели идти по ней до тех пор, пока не догону поисковую группу.

– Зачем вы сюда пришли? – спросила самая хорошенькая девочка.

Ее покрасневшее от солнца лицо было по-детски припухлым, волосы убраны в два хвоста и в них вплетены банты, но у нее была грудь взрослой женщины – удачливой женщины, – и она с гордостью выставляла ее вперед. Девочка улыбнулась мне как старой знакомой, хотя этого быть не могло: когда я была в Уинд-Гапе в последний раз, она еще и в школу не ходила. Впрочем, ее лицо мне тоже показалось знакомым. Ну что же, может, это дочь кого-то из моих одноклассников. Допустим, кто-то женился сразу же после окончания школы. Не исключено.

– Хочу помочь волонтерам, – ответила я.

– Ясно, – сказала она с усмешкой и стала отковыривать лак на пальчиках ног, потеряв ко мне интерес.

Я пошла по дороге, усеянной горячим гравием, поскрипывающим под ногами, потом свернула в лес, где было еще жарче. Воздух был влажным, как в джунглях. Ноги путались в ветках золотарника и дикого сумаха, а летающий повсюду тополиный пух набивался в рот и прилипал к рукам. Мне вдруг вспомнилось, что в детстве мы называли его волшебными перышками.

Вдали слышались голоса; их нестройный хор на все лады выкрикивал имя Натали. Я ускорила шаг и через десять минут увидела волонтеров – их было человек сорок, они шли, растянувшись в цепочки, раздвигая палками кусты перед собой.

– Добрый день! Что нового? – окликнул меня мужчина с большим

пивным брюхом, заметив меня первым. Я свернула с тропинки и подошла к нему, продираясь сквозь деревья.

– Чем могу помочь? – спросила я, поборов желание немедленно достать блокнот.

– А просто идите рядом, – предложил он. – Лишний человек не помешает. Тем быстрее обойдем лес.

Несколько минут мы шли молча. Мой попутчик то и дело останавливался, заходясь тяжелым мокрым кашлем.

– Иногда я думаю, что этот лес надо сжечь, – вдруг заявил он. – В нем только беды происходят. Вы друг семьи Кин?

– По правде говоря, я репортер «Чикаго дейли пост».

– Ах вот что... Пишете статью?

Внезапно сквозь лесную чащу прорвался вопль. «Натали!» – надрывался девичий голос. Мы бросились на крик; мои ладони покрылись испариной. Нам навстречу выскочило несколько темных силуэтов. Мимо пробежала светловолосая девочка-подросток с красным заплаканным лицом. Спотыкаясь как пьяная, она добрела до дороги, не переставая звать Натали, откинув голову назад, словно искала ее на небесах. За девочкой пошел пожилой мужчина. Поравнявшись с ней, он приобнял ее за плечи и повел из леса. Видимо, отец.

– Натали нашли? – спросил мой попутчик.

Все покачали головами.

– Бедняжка, наверное, просто испугалась, – сказал другой мужчина. – Нервы сдали. Девочкам вообще лучше в лес сейчас не ходить.

Он многозначительно посмотрел на меня, потом снял бейсболку, вытер лицо платком и снова стал ощупывать палкой траву.

– Печальный труд, – сказал мой попутчик. – Печальное время.

Мы медленно продолжали путь. Я оттолкнула ногой ржавую пивную банку, потом еще одну. На уровне глаз пролетела птица и взмыла к верхушкам деревьев. Вдруг мне на запястье прыгнул кузнечик.

«Этот страшный лес словно заколдован», – подумалось мне.

– Не возражаете, если я спрошу, что вы думаете по поводу случившегося? – Я достала блокнот и помахала им у него перед глазами.

– Сомневаюсь, что смогу вам рассказать что-то новое.

– Просто выскажите свои предположения. Пропали две девочки – здесь, в маленьком городке...

– Ну, не факт, что эти случаи связаны между собой. Если только вы не знаете что-то, чего не знаю я. Мы надеемся найти девочку целой и невредимой. Еще и двух дней не прошло.

– Кто, по вашему мнению, убил Энн? – спросила я.

– Видимо, какой-то псих, ненормальный. Шел по городу, забыл принять таблетки, стали чудиться голоса.

– Почему вы так думаете?

Он остановился, достал из заднего кармана пачку жевательного табака, засунул за щеку большую щепотку и принялся долго жевать, до тех пор, пока не смог говорить. У меня даже скулы свело от сочувствия.

– Разве нормальный станет выдергивать зубы изо рта мертвого ребенка?

– Он вытащил у нее зубы?

– Все, кроме куска молочного коренного, самого дальнего.

Через час, не узнав больше ничего нового, я попрощалась со своим попутчиком, Рональдом Кэмензом («Только напишите мой средний инициал Дж.», – попросил он), и пошла в южном направлении, к тому месту, где в прошлом году было найдено тело Энн. Крики «Натали!» стихли минут через пятнадцать, а еще через десять послышалось звонкое журчание – я приближалась к реке Фолз.

Трудно было бы нести ребенка через эту чащу. Свободной дороги нет, кругом ветки и листва, из земли торчат корни. Если Энн была типичной уиндгапчанкой, уроженкой города, где в цене женственность, то, скорее всего, она носила длинные распущенные волосы, которые путались бы в кустах. Мне даже привиделись блестящие пряди на ветках, но оказалось, что это паутина.

В том месте, где был найден труп, трава была еще примята – ее прочесывали граблями в поисках улик. На земле валялись несколько свежих окурков, брошенных любопытными бездельниками. Представляю, как подростки со скуки пугали друг друга, изображая маньяка с пригоршней окровавленных зубов.

Раньше на дне реки были камни – за них зацепилась веревка, которой удушили Энн, из-за чего девочка полночи плавала привязанной, как буюк. Теперь сквозь прозрачную воду виднелось лишь гладкое песчаное дно. Рональд Дж. Кэменз с гордостью рассказал, что камни вытащили местные жители, погрузили в пикап, вывезли за город и там раздробили. Таким образом дали волю отчаянию, выплеснули гнев, надеясь изгнать из города зло. По-видимому, безрезультатно.

Я села на берег, провела ладонями по каменистой почве. Взяла гладкий, горячий камень и прижала к щеке. Интересно, приходила ли сюда Энн при жизни? Может, нынешние дети Уинд-Гапа коротают летние дни иначе, чем мы. Мы в детстве купались в низовье реки, в мелководном

заливе среди огромных плоских камней. Там водились раки, и мы с визгом подскакивали всякий раз, когда задевали их ногой. Ни купальников, ни плавок не носили – слишком много возни. Помню, как ехала домой на велосипеде в мокрых шортах и майке, тряся головой, как промокшая собака.

Иногда мальчики постарше, вооружившись дробовиком и прихватив украденного пива, уходили в чащу леса пострелять белок-летяг или зайцев. Потом они возвращались с добычей: с их ремней свисали истекающие кровью тушки. Эти дерзкие мальчишки, пахнувшие пивом и потом, нарочито не обращали на нас внимания и возбуждали во мне жгучее любопытство. Теперь я знаю, что охотники бывают разными. Есть, например, охотники-джентльмены, вдохновленные примером Тедди Рузвельта^[4], которые, отработав в поле, идут на крупную дичь, взяв с собой холодную бутылку джина с тоником, – но мое детство прошло не с такими. Знакомые мне мальчики начали охотиться рано и привыкли получать удовольствие от вида крови. Они, затаив дыхание, наблюдали, как подстреленный зверь содрогается в предсмертных конвульсиях, потом как подкошенный падает на бок.

Когда я училась в школе, может лет в двенадцать, я забрела в охотничью хижину соседского мальчишки, дощатый сарай, где юный охотник разделывал туши и сдирал с них шкуры. На веревках висели ключья сырого розового мяса – вялились. Грязный пол заляпан кровью. Стены увешаны фотографиями обнаженных женщин: некоторые были просто распластаны, другие были сняты в момент соития. Одна женщина связана, взгляд у нее стеклянный. Груды, раскинутые в стороны, – со вздутыми венами. Мужчина берет эту женщину сзади. Мне стало казаться, что в спертом воздухе кровавого сарая витает их запах.

Я вернулась домой с гадким чувством. Ночью, лежа в постели, просунула палец под трусики и, тяжело дыша, впервые в жизни занялась мастурбацией.

Глава вторая

Наконец-то. Решила сделать перерыв и зашла в «Футс», скромный провинциальный бар. Потом я должна была отправиться на Гроув-стрит, 1665, где проживали Бетси и Роберт Нэш, родители Эшли (двенадцать лет), Тиффани (одиннадцать лет), Энн (умершей в возрасте девяти лет) и шестилетнего Бобби.

Долгожданный мальчик появился на свет только после трех дочерей. Потягивая бурбон и похрустывая орешками, я думала о семье Нэш. Какое разочарование, должно быть, испытывали родители, когда у них рождалась очередная дочь! Первой была Эшли – увы, девочка, но миленькая и здоровая. Что ж поделать, они все равно хотели иметь двух детей. Нэш дали дочери странное мальчишечье имя и накопили ей ворох платьев с пышными юбками. Помолясь, сделали еще попытку, получилась Тиффани. Это их встревожило, и ребенка привезли домой без прежнего восторга. Когда миссис Нэш забеременела в третий раз, муж купил крошечную бейсбольную перчатку, чтобы намекнуть комочку в ее животе: пусть поймет, кем должен родиться. Нетрудно вообразить, в какой ужас они пришли, когда на свет появилась Энн. Ей дали простое имя, частое в роду, даже без ласкательного «и» – так сойдет.

А потом, к счастью, родился Бобби. Через три года после Энн, третьего разочарования. Может, эта беременность была случайной? Или они решили рискнуть в последний раз? Мальчика назвали в честь отца. Его окружили такой заботой, что дочери стали чувствовать себя лишними. Особенно Энн. Третья девочка не нужна никому. Впрочем, теперь немного внимания ей уделяют.

Я залпом выпила еще один стакан бурбона, расслабила плечи, похлопала себя по щекам и села в свой синий «бьюик», жалея, что не заказала третий стакан. Мне не нравится копаться в чужом белье. Может быть, поэтому я второразрядный репортер. По крайней мере один из них.

Как проехать к Гроув-стрит, я еще помнила. Эта улица находится через два квартала от моей школы, в которую ходили все дети, жившие в радиусе семидесяти миль. Школа имени Милларда Кахуна была основана в 1930 году, когда город еще пытался удержаться на плаву перед Великой депрессией. Школа была названа в честь первого мэра Уинд-Гапа, героя Гражданской войны. Вернее сказать, героя-конфедерата, но это никого не смутило – все же героя. В первый год Гражданской войны г-н Калхун

освободил Лексингтон, маленький миссурийский городок, в одиночку сразившись с целым войском янки (если верить вывеске при входе в школу). Он стрелой промчался через фермы и дворы, обнесенные частоколом, по пути учтиво отогнав в сторону зазевавшихся дамочек, чтобы их не покалечили янки. Если вы теперь приедете в Лексингтон и пожелаете осмотреть дом Калхуна, типичное архитектурное сооружение той эпохи, то на стенах дома заметите следы, оставленные пулями северян. Вероятно, пули южан – то есть те, которыми стрелял г-н Калхун, – были похоронены вместе с убитыми им янки.

Сам Калхун умер в 1929 году, во время празднования своего столетия. Он сидел в беседке (которую позднее снесли) на городской площади (ее потом замостили), слушал большой духовой оркестр, игравший в его честь, как вдруг склонился к своей пятидесятидвулетней жене и сказал: «Слишком громко все это». Потом у него случился инфаркт. Он упал на стол, и по униформе Гражданской войны размазались пирожные, на которых были выложены глазурью звезды и полосы флага Конфедерации.

Я питаю к Калхуну особенно теплые чувства. Он прав: иногда все это и вправду слишком громко.

* * *

Дом семьи Нэш оказался примерно таким, как я представляла, – типичная постройка конца семидесятых в стиле ранчо, как и все дома западной части города. Отличительная черта этого простого провинциального жилища – выставленный напоказ гараж. Подъехав к дому, я увидела чумазого белобрысого мальчугана, сидевшего на пластмассовом трехколесном велосипеде, из которого он давно вырос. Малыш, кряхтя от натуги, пытался тронуться с места. Под его тяжестью колеса только крутились вхолостую.

– Хочешь, подтолкну? – предложила я, выходя из машины.

Обычно я с трудом вхожу в контакт с детьми, но сейчас все же рискнула. Молча посмотрев на меня, он засунул палец в рот. Его майка задралась, из-под нее выпрыгнул округлый живот, будто желая познакомиться со мной. Мальчик казался глупым и диковатым. Видимо, с сыном супругам Нэш не повезло.

Я шагнула к нему. Он рывком поднялся с места, чтобы убежать, но сразу с велосипеда прыгнуть не смог. Так и оставался зажатым в узком седле, пока велосипед с грохотом не отлетел в сторону.

– Папа! – Он с воем неся к дому, будто я его ущипнула.

Когда я подошла к главному входу, на пороге появился мужчина. Я обратила внимание на миниатюрный фонтан, журчавший в прихожей, за его спиной: три яруса-раковины и статуэтка маленького мальчика наверху. Воду в фонтане давно не меняли – запах чувствовался даже через сетчатую дверь.

– Чем могу помочь?

– Вы Роберт Нэш?

Он вдруг насторожился. Возможно, тот же вопрос задал ему полицейский, перед тем как сообщить, что его дочь убита.

– Боб Нэш.

– Прошу прощения, что беспокою вас дома. Меня зовут Камилла Прикер. Я из Уинд-Гапа.

– Хм...

– В настоящее время я работаю в газете «Чикаго дейли пост». Меня интересуют трагические события, которые здесь происходят... Я могу задать вам несколько вопросов о Натали Кин, а также об убийстве вашей дочери?

Я сжалась, ожидая, что он закричит, хлопнет дверью, обматерит меня и даже треснет кулаком. Боб Нэш погрузил руки в карманы и отклонился назад.

– Проходите в спальню, поговорим.

Он впустил меня в дом, и я стала осторожно пробираться через неубранную гостиную, заставленную корзинами с мятыми простынями и детской одеждой. Пройдя мимо ванной, главным украшением которой был пустой валик из-под туалетной бумаги на полу, я продолжила путь по коридору, увешанному поблекшими фотографиями под грязным оргстеклом: на одной три белокурые девчушки стоят возле грудного мальчика, самозабвенно прижавшись друг к другу; на другой молодой Боб Нэш неловко обнимает жену, оба держат нож для свадебного торта. Войдя в спальню, я поняла, почему Нэш пригласил меня сюда: в ней гармонично сочетались шторы и покрывало, стоял аккуратный комод с зеркалом. Эта комната была единственным островком цивилизации в непроходимых зарослях джунглей.

Нэш сел на кровать с одной стороны, я – с другой: стульев не было. Это напоминало начало любительского порнофильма. Только мы держали по стакану «Кулэйда», которые он принес из кухни. Нэш следил за собой: усы подстрижены, редящие волосы приглажены гелем, ярко-зеленая рубашка поло заправлена в джинсы. Я подумала, что порядок в спальне

наводил он. Явно здесь постаралась мужская рука: чисто, но по-холостяцки просто, без изысков.

Вступительных слов произносить не пришлось, за что я была ему благодарна. К чему прелюдии? Это все равно что расшаркиваться друг перед другом, собираясь переспать.

– Прошлым летом Энн каталась на велосипеде, – сразу заговорил он, – ни разу не выезжая за пределы квартала. Мы с женой никуда ее не пускали. Ей ведь было всего девять лет. Мы родители очень осторожные. Но потом, в конце лета, перед самым началом учебного года, жена разрешила ей отъехать немного подальше. Энн хотела съездить к Эмили, своей подружке, и так ныла, что жена все-таки ее отпустила. Но дочка так туда и не доехала. Об этом мы узнали после восьми часов вечера.

– А во сколько она уехала?

– Часов в семь. Так что ее перехватили где-то на этой дороге, у одного из десяти домов. Жена никогда себе этого не простит. Никогда.

– Вы говорите, ее перехватили. Кто это мог быть?

– Понятия не имею. Кем бы он ни был. Мерзавец. Маньяк-детоубийца. Вот так живем тихо и мирно и знать не знаем, что, пока мы спим, пока вы работаете – ездите на машине, готовите репортажи, – здесь рыщет убийца в поисках детей. Ведь мы понимаем, что малышка Кин исчезла не просто так.

Он залпом допил «Кул-эйд» и вытер губы. Хорошие слова, хотя немного напыщенны и вряд ли принадлежат ему. Обычное явление. Чем больше человек смотрит телевизор, тем больше в его речи цитат. Недавно я брала интервью у женщины, чью дочь, двадцати двух лет, только что убил любовник, и она мне выдала строчку из детективного фильма, я его как раз смотрела накануне вечером: «Хотелось бы сказать, что мне его жаль, но боюсь, что теперь я жалеть не смогу никогда».

– Господин Нэш, как вы думаете, не мог ли кто-нибудь убить Энн, чтобы отомстить вам или вашим близким?

– Мисс, я продаю кресла, эргономические кресла, и работаю на телефоне. Иногда выезжаю в Хейти с двумя коллегами. Ни с кем не встречаюсь. Моя жена работает на полставки в канцелярии начальной школы. У нас нет врагов. Нашу девочку кто-то убил просто так. – Последние слова он произнес растерянно: видимо, уже смирился с тем, что придется довольствоваться этим объяснением.

Боб Нэш подошел к стеклянной раздвижной двери сбоку от входа, которая вела к маленькой террасе. Он открыл дверь, но выходить не стал.

– Может, это сделал голубой, – сказал он. Мягко сказано, даже

странно.

– Почему вы так думаете?

– Она не была изнасилована. Все говорят, для такого убийства это нетипично. А я думаю, что нам хотя бы в этом повезло. Убил, но не изнасиловал – уже хорошо.

– Следов покушения на изнасилование не обнаружено? – спросила я шепотом, как можно мягче.

– Нет, никаких. Ни синяков, ни порезов, ни каких-либо других признаков... пытки. Ее просто задушили. И выдернули зубы. Про изнасилование я глупость сказал. Вы понимаете, что я имел в виду. Не обращайтесь внимания.

Я промолчала, затаив дыхание. В моем диктофоне, тихо жужжа, крутилась кассета; в стакане Нэша позвякивал лед, с улицы раздавался глухой стук мяча – в соседнем дворе кто-то играл в волейбол, пока солнце еще не скрылось за горизонтом.

– Папа! – В приоткрытую дверь спальни заглянула миловидная девочка с длинными белокурыми волосами до талии, собранными в хвост.

– Не сейчас, солнышко.

– Я есть хочу.

– Приготовь что-нибудь. Возьми вафли из морозилки. И Бобби покорми.

Девочка немного постояла, потупив взгляд в ковер на полу, потом тихо закрыла дверь.

«Интересно, где их мать?» – подумала я.

– Вы были дома, когда исчезла ваша дочь?

Он резко качнул головой и цокнул языком.

– Нет. В тот вечер я возвращался из Хейти. Дорога занимает около часа. Я не убивал Энн.

– Я не это имела в виду, – солгала я. – Просто хотела узнать, не видели ли вы ее в тот вечер.

– Видел утром, – сказал он. – Не помню, разговаривали ли мы с ней. Может, и нет. Представляете, что такое четверо детей, да еще и с утра, – с каждым не пообщаешься.

Нэш все мешал в стакане лед, который уже превратился в кашу. Потом провел пальцем по щетинистым усам.

– Эта история покрыта тайной, ясность так никто и не внес, – сказал он. – Викери вечно загружен какими-то другими делами. Из Канзас-Сити прислали одного высокопоставленного следователя. Но он молод и спесив. Все считает дни, когда сможет отсюда уехать. Хотите фото Энн? – спросил

он.

Так легко обычно предлагают что-нибудь ненужное. Он достал из бумажника школьную фотографию девочки: широкая кривая улыбка, светло-каштановые волосы, неровно подстриженные выше подбородка.

– Жена хотела накрутить ей волосы на бигуди, вечером накануне того дня, когда детей фотографировали в школе. А Энн вдруг взяла и обкромсала их. Своевольная была девочка. Чистый бесенок. Я даже удивлен, что убийца выбрал ее. Ведь самой красивой всегда была Эшли. На нее обращают больше внимания. – Он взглянул на фотографию еще раз. – С Энн, должно быть, пришлось повозиться.

Когда я собралась уходить, Нэш дал мне адрес подруги, к которой поехала Энн в вечер убийства. Я медленно проехала вдоль домов с квадратными дворами. Эти кварталы западной части города были относительно новыми. Особенно если судить по сочно-зеленому цвету газона. Каких-нибудь лет тридцать назад на нем раскатали рулон газонной травы, куда лучше той темной, жесткой и колючей, что растет перед маминым домом. Она разве что на свистульки годится. Расцепишь травинку посередине, дунешь в нее – свистит. Так и свистишь, пока губы не зачешутся.

Энн Нэш должна была доехать до дома подруги от силы за пять минут. Прибавим еще десять минут на тот случай, если она поехала более длинным путем, надеясь покатайся подольше, раз ей выпала такая возможность. Конечно, девятилетнему ребенку быстро надоест наворачивать круги по одному и тому же кварталу. Кстати, интересно, куда делся велосипед?

Медленно проехала мимо дома Эмили Стоун. Сумерки сгущались, и свет уже зажгли, так что я успела увидеть силуэт девочки, промелькнувшей в окне. Держу пари, что ее родители признаются своим друзьям: «Теперь мы обнимаем ее перед сном чуть сильнее, чем прежде». Эмили наверняка строит догадки о том, в каком месте ее подругу схватили и потащили убивать.

Я тоже об этом думала. Выдрать двадцать с лишним зубов – нелегкий труд, хоть жертва была и маленькой, и бездыханной. Преступник, очевидно, сделал это в другом, более укромном месте, где можно было остановиться и перевести дыхание.

Я посмотрела на фотографию, углы которой загнулись, будто желая защитить Энн. Своей бунтарской стрижкой и насмешливой улыбкой она напоминала На тали. Эта девочка мне тоже понравилась. Я спрятала фотографию в бардачок. Потом приподняла рукав блузки и на внутренней

стороне запястья написала ручкой ее полное имя: Энн Мари Нэш.

* * *

Чтобы развернуться, мне было нужно подъехать к какому-нибудь дому, но я этого делать не стала. Местным жителям и так тревожно, не хватало только неизвестных машин, разъезжающих у них под окнами. Поэтому я сразу повернула налево и поехала к маме более длинным путем. Я подумала, не стоит ли ей позвонить, и в трех кварталах от ее дома решила этого не делать. Поздно звонить, ни к чему эта фальшивая куртуазность. Вы же не станете выяснять, можно ли пересечь государственную границу, после того как ее перешли.

Мама живет в большом доме, расположенном в самой южной части Уинд-Гапа, в богатом районе, если три квартала можно считать районом. Этот дом, где я провела детство, – изысканный викторианский особняк с характерными для своей эпохи элементами, такими как «вдовья площадка»^[5], опоясывающая терраса, летняя веранда с тыльной стороны и купол на крыше. В нем много уютных уголков и закутков, удаленных друг от друга. Люди в XIX веке, особенно на юге, старались держаться подальше друг от друга, чтобы не заразиться туберкулезом и гриппом, поэтому дома строили большие, ведь не так просто оградиться от похоти и страсти, опасных чувств. Лишняя комната или пристройка не помешает.

Мамин дом стоит на вершине очень крутого холма. Туда можно проехать на первой скорости по старой, растрескавшейся дороге и поставить машину под навес. Также можно припарковаться внизу и подняться к дому по лестнице из шестидесяти трех ступенек, левой рукой держась за перила – тонкие, не толще сигареты. В детстве я всегда поднималась к дому по лестнице, а вниз сбегала по дороге. Полагала, что перила установлены слева, если идти вверх, специально для меня, потому что я левша, – значит, кто-то обо мне позаботился. Странно, что мне приходили в голову такие самонадеянные мысли.

Я поставила машину внизу, чтобы мой приезд не выглядел внезапным вторжением. Пока поднималась к дому, взмокла. Прежде чем позвонить в дверь, подняв волосы, обмахнула затылок и несколько раз оттянула от тела кофточку. На подмышках блузки лазурного цвета остались неприличные пятна. Мама еще скажет, что от меня разит.

Нажала кнопку звонка. Послышалось «дин-дон». Когда я была маленькой, звонок звучал пронзительным свистом, теперь же тональность

поменяли. Новый звук напоминал сигнал из аудиокниг для детей, означающий, что пора перевернуть страницу. Было 9:15 – довольно поздно; может, они уже легли спать.

– Кто там? – послышался за дверью высокий мамин голос.

– Мама, привет! Это Камилла, – ответила я, стараясь сдержать волнение.

– Камилла? – Мама открыла дверь и появилась на пороге; она не казалась удивленной и даже не обняла меня, хотя бы неловко, как я ожидала. – Что-то случилось?

– Нет, мама, ничего. Я приехала по делу.

– Вот как... По делу? Ох, господи, извини, дорогая. Входи, входи. Правда, боюсь, что дом выглядит неприлично – тут такой беспорядок...

Но с порога было видно – в доме все безупречно. Прихожую украшало несколько букетов садовых тюльпанов в вазах. В воздухе было столько пыльцы, что у меня заслезились глаза. Мама, конечно, не стала спрашивать, по каким делам я приехала в Уинд-Гап. Она редко задавала вопросы, требующие развернутого ответа. Трудно понять почему: то ли из чрезмерной деликатности, то ли ее просто мало что волновало. Угадайте, что я считала наиболее вероятным?

– Камилла, хочешь чего-нибудь выпить? Мы с Аланом пьем сейчас «Амаретто сауэр». – Она показала бокал, который держала в руке. – Я добавила в него немного «спрайта», чтобы подсластить. Могу еще предложить мангового сока, вина, сладкого чая или воды со льдом. Или содовой. Где ты собираешься жить?

– Странный вопрос. Я надеялась, что проживу здесь. Всего несколько дней.

Небольшое замешательство; ее длинные ногти, покрашенные прозрачным розовым лаком, цокнули по бокалу.

– Ну конечно, вот и прекрасно. Жаль, что ты не позвонила. Просто чтобы меня предупредить. Тогда бы тебе ужин приготовили, а то и угостить нечем. Иди поздоровайся с Аланом. Мы с ним сидим на веранде за домом.

Она пошла по коридору, оставаясь на виду, – из гостиных и библиотек, расположенных с обеих сторон, лился яркий белый свет. Я не сводила с мамы глаз. В последней раз мы виделись с ней год назад. Я перекрасила волосы, из рыжего в каштановый, но она, кажется, этого не заметила. Она совсем не изменилась, а впрочем, выглядела чуть старше меня теперешней, хотя ей уже под пятьдесят. Матово-бледное лицо, длинные светлые волосы и голубые глаза – похожа на красивую куклу, которую хранят так бережно, что никто с ней не играет. На ней было длинное розовое хлопковое платье и

белые домашние туфли. Она вертела в руках бокал с коктейлем, но не пролила ни капли.

– Алан, Камилла приехала. – Она скрылась в кухне (в доме их две, основная – большая, другая маленькая) и загремела лотком для льда.

– Кто?

Я выглянула из-за угла и улыбнулась:

– Камилла. Прошу прощения, что приехала без звонка.

Глядя на маму, можно вообразить, что ее муж – какой-нибудь бывший футболист-рекордсмен. Она хорошо смотрелась бы с усатым атлетом огромного роста. Но Алан был худым как щепка, с высокими острыми скулами и раскосыми глазами. Так и хотелось положить его под капельницу. Одевался он всегда вычурно, даже для банальных семейных посиделок за бокалом коктейля. Сейчас он был в белых шортах сафари, из которых торчали его тощие как спички ноги, и светло-голубом свитере, надетом поверх жесткой, плотной рубашки. Он никогда не потел. Щепка влаги не выделяет.

– Камилла... Вот приятный сюрприз... Очень рад, – протяжно произнес он без всякого выражения. – В такую даль, но все-таки добралась. Я уж думал, у тебя мораторий на все, что южнее Иллинойса.

– Я здесь по работе на самом деле.

– По работе... – Он улыбнулся. Это уже звучало по чти как вопрос.

Вошла мама, теперь ее волосы были перевязаны голубой лентой с бантом – настоящая Венди Дарлинг^[6], только взрослая. Она вручила мне холодный бокал шипучего коктейля, погладила меня по плечу и села рядом с Аланом – поближе к нему, но подальше от меня.

– Знаете про тех девочек, Энн Нэш и Натали Кин? – пояснила я. – Я буду писать о них статью.

– Ох, Камилла, – перебила меня мама, глядя в сторону.

Сразу видно, когда мама нервничает. У нее есть странная привычка дергать свои ресницы. Иногда они выпадают. В самые тяжелые времена, когда я была ребенком, у мамы совсем не оставалось ресниц на красных и влажных глазах, воспаленных, словно у подопытного кролика. Они всегда слезились зимой, когда мама выходила на улицу, что, впрочем, случалось нечасто.

– Такое мне дали задание.

– Господи, ну и задание, – вздохнула она, и ее пальцы запорхали вокруг глаз. Коснувшись нижних век, она одумалась и положила руки на колени. – Родителям и так тяжело, а ты лезешь к ним с вопросами, чтобы потом разрезвонить о их беде на весь свет. «Уинд-Гап убивает своих

детей!» – тебе хочется, чтобы люди думали это?

– Один ребенок убит, другой бесследно исчез. Да, я должна оповестить людей – такая у меня работа.

– Камилла, я знала этих детей. Пойми, что мне сейчас очень тяжело. Милые малышки... Кто мог их убить?

Я отпила коктейля. На зубах захрустел сахарный песок. Я не была готова разговаривать с мамой. По спине побежали мурашки.

– Я ненадолго приехала. Правда.

Алан подвернул рукава свитера, расправил шорты. В этом обычно и состояло его участие в наших беседах: то воротник расправит, то ногу на ногу положит.

– Мне просто невыносимо об этом слышать, – сказала мама. – Бедные дети. Не надо мне рассказывать, чем ты занимаешься, не пересказывай того, что узнаешь. Будем считать, что ты приехала на летний отдых. – Она провела пальцем по спинке плетеного стула, на котором сидел Алан.

– Как поживает Эмма? – решила я сменить тему.

– Эмма? – Вдруг мама забеспокоилась, будто вдруг вспомнила, что где-то оставила своего ребенка. – Нормально, она спит наверху. А что?

Судя по скачкам, доносившимся со второго этажа – из игровой комнаты в швейную мастерскую, оттуда – в столовую, к окну, из которого было хорошо видно веранду с тыльной стороны дома, – Эмма, конечно же, не спала, но я не сердилась на нее за то, что она меня избегает.

– Просто из вежливости, мам. Мы на севере тоже не грубияны.

Я улыбнулась, чтобы смягчить шутку, но она спрятала лицо, склонившись над бокалом. Потом выпрямилась, порозовевшая и полная решимости.

– Оставайся сколько хочешь, Камилла, в самом деле, – сказала она. – Но будь помягче с сестрой. Эти девочки учились с ней в одной школе.

– Я с удовольствием с ней пообщаюсь, – пробурчала я. – Очень ей сочувствую.

В последних словах была ирония, но мама ее не заметила.

– Будешь спать в комнате рядом с гостиной, своей бывшей комнате. Там есть ванна. Я куплю свежих фруктов и зубную пасту. И бифштексов. Ты любишь бифштексы?

* * *

Четыре часа плохого сна. В ушах гул – будто лежишь в ванне,

наполовину погрузив голову под воду. Каждые двадцать минут вскакиваю, сердце бьется так, что кажется, будто от его стука я и проснулась. Мне снилось, я собираюсь в дорогу и вдруг понимаю, что положила в чемодан ненужные вещи – теплые свитера вместо летних платьев. Потом снилось, что вместо статьи про Тэмми Дэвис и ее несчастных детей, брошенных взаперти, я отдала Карри рекламный материал о косметическом средстве – его и будем публиковать.

А еще снилось, что мама отрезает от яблока толстые куски мяса и дает мне их по одному, медленно и ласково, потому что я умираю.

В шестом часу утра я решительно сбросила с себя одеяло.

Смыла с запястья имя Энн, но пока одевалась, причесывалась и красила губы, зачем-то написала на том же месте имя Натали Кин. Решила оставить его на счастье. Когда я вышла из дома, солнце только всходило, но дверь машины была уже горячей. С недосыпа лицо было онемевшим, и, чтобы окончательно проснуться, я широко раскрыла глаза и рот, как героиня дешевого фильма ужасов. В шесть утра волонтеры собиралась продолжить поиски в лесу, и я хотела побеседовать с Викери. Подумала, что прежде всего важно проследить за работой полиции.

Главная улица сначала показалась мне безлюдной, но, выйдя из машины, я увидела метрах в ста от себя двух человек. Странная сцена. Посреди тротуара сидела пожилая женщина, ноги в стороны, глаза широко раскрыты, голова повернута к торцу дома, а рядом, склонившись над ней, стоял мужчина. Женщина часто трясла головой, как ребенок, который отказывается есть суп. Поза неестественная – ей, наверно, больно так сидеть. Может, упала и покалечилась. А может, сердечный приступ. Я быстро подошла и услышала их отрывистый шепот.

Седовласый старик, убитый горем, поднял на меня туманный взгляд:

– Вызовите полицию, – сказал он севшим голосом. – И «скорую».

– Что случилось? – спросила я в изумлении, но тут же увидела сама.

В узкий проем между двумя зданиями, скобяной лавкой и салоном красоты, было втиснуто тело ребенка. Девочка сидела лицом к тротуару, глядя в никуда широко открытыми карими глазами, как будто нас ждала. Знакомые непокорные кудри. Но озорная улыбка исчезла. Ее рот ввалился, губы над голыми деснами образовали маленький круг. Натали Кин была теперь похожа на куклу-младенца с отверстием для бутылочки во рту. У нее не было зубов.

Кровь ударила мне в лицо, тело покрылось испариной. Руки и ноги стали ватными, я на мгновение испугалась, что рухну на землю рядом с женщиной, которая тем временем тихо молилась. Я попятилась,

прислонилась к припаркованной машине и приложила руку к шее, ожидая, пока мой бешеный пульс замедлится. В уме мелькали бессмысленные картинки: грязный резиновый наконечник трости старика. Розовая родинка у женщины на затылке. Пластырь на коленке Натали Кин. Ее имя на запястье жгло мне руку.

Послышались голоса; прибежал начальник полиции Викери с каким-то новым человеком.

– Ох, мать честная! – прохрипел Викери, увидев труп. – Вот чертовщина!

Он, тяжело дыша, прислонился лбом к кирпичной стене дома. Его спутник, мужчина примерно моего возраста, склонился над Натали. На ее шее был багровый след; он приложил два пальца чуть выше, чтобы проверить пульс. Видимо, хотел выиграть время, чтобы овладеть собой, – ребенок явно был мертв.

«Это тот самый высокопоставленный следователь из Канзас-Сити, – догадалась я, – молодой и спесивый».

Впрочем, следователь показался мне неплохим: теперь он ласковым тоном просил женщину отвлечься от молитв и рассказать о том, как она обнаружила девочку. Эти пожилые люди оказались семейной парой, хозяевами закусочной – их фамилию я как раз пыталась вспомнить накануне. Бруссард. Они нашли Натали, собираясь открыть ресторан к завтраку. Пришли сюда на пять минут раньше меня.

Подошел полицейский в униформе. Увидев, почему его вызвали, схватился за голову.

– Господа, вы должны пройти с господином офицером в полицейский участок для дачи показаний, – сказал начальник из Канзас-Сити. – Билл! – обратился он к Викери покровительственным тоном, как отец к сыну.

Викери неподвижно стоял на коленях перед телом. Он беззвучно шевелил губами, как будто тоже молился. Только когда начальник окликнул его второй раз, он встал.

– Я слышу тебя, Ричард. Побудь человеком хоть минуту.

Билл Викери обнял за плечи госпожу Бруссард и стал что-то ей шептать, а она погладила ему руку.

Два часа я просидела в кабинете с ярко-желтыми стенами, пока офицер полиции записывал мои показания. Все это время я думала о том, что Натали повезут на вскрытие, и мне хотелось незаметно подкрасться и прилепить ей на колено свежий пластырь.

Глава третья

На похоронах мама была в синем. Черный слишком мрачен, а костюм другого цвета смотрелся бы неприлично. Она и на похоронах Мэриан была в синем, и сама Мэриан была в синем. Мама очень удивилась, узнав, что я этого не помню. Мне казалось, Мэриан была похоронена в бледно-розовом платье. Вот так всегда. Мы с мамой вечно расходимся во мнениях обо всем, что касается моей покойной сестры.

Утром в день похорон Адора ходила из комнаты в комнату, цокая каблучками, – то духами побрызгается, то вспомнит, что серьги еще не надела. Я смотрела на нее и пила обжигающе-горячий черный кофе.

– Я мало знакома с этой семьей, – говорила она. – Они живут замкнуто. Но думаю, весь город должен их поддерживать. Натали была такой милой. Люди так по-доброму отнеслись ко мне, когда...

Грустный взгляд в пол. Похоже, она не кривит душой.

Я находилась в Уинд-Гапе уже пятый день, а сестра все еще не показывалась мне на глаза, хотя была где-то поблизости. Мама о ней не говорила. С родителями Натали мне тоже до сих пор побеседовать не удалось. Я даже не получила от них приглашения на похороны, но Карри больше всего хотел, чтобы я написала об этом, и мне хотелось оправдать его ожидания. Я надеялась, что Кин об этом не узнают. Никто нашу газету не читает.

* * *

В соборе Девы Марии мы встретили благоухающих духами дам. Они обняли маму, потом, шепотом обменявшись с ней приветствиями и комплиментами («Молодец, Адора, что пришла! Мужайся!»), вежливо кивнули мне и пропустили нас вперед. Собор Девы Марии – это католическая церковь семидесятых годов, сияющая медью и усеянная цветными камнями, точно дешевое кольцо. Уинд-Гап, основанный ирландцами, упорно держится католицизма, между тем как на юге быстро распространяется баптизм. В период картофельного голода^[7] Макмагоны и Малоуны перебрались в Нью-Йорк, где их, в большинстве своем, вскоре стали притеснять, и тогда самые расторопные из них двинулись на запад. В Сент-Луисе уже обосновались французы, поэтому ирландцы повернули на

юг, где и основали свои города. Однако позднее, в годы Реконструкции, их бесцеремонно оттуда прогнали. Штат Миссури, извечно терзаемый конфликтами, стремился избавиться от своих южных корней и ликвидировать рабство; ирландцы же оказались лишними, их изгнали вместе с другими нежелательными элементами. От них здесь и осталась католическая религия.

До панихиды оставалось десять минут; перед входом в церковь стала собираться очередь. Я наблюдала за людьми, успевшими занять сидячие места. Странное дело: ни одного ребенка. Ни мальчиков в темных брюках, катающих машинки по маминым коленям, ни девочек, укачивающих тряпичных кукол. Никого моложе пятнадцати лет. Всех детей оставили дома – то ли из уважения к родителям Натали, то ли от страха. Вероятно, руководствуясь инстинктивным желанием защитить своих детей, боясь, что следующей жертвой может стать кто-нибудь из них. Я представила себе несколько сотен мальчиков и девочек, спрятанных в темные чуланы, где они смотрят телевизор, посасывая кулачки.

Взрослые, которым не за кем было присматривать, казались безжизненными, неподвижными, точно манекены. В заднем ряду я увидела Боба Нэша в темном костюме. Он по-прежнему был без жены. Он кивнул мне, но сразу нахмурился.

Трубы органа приглушенно заиграли мелодию гимна «Не бойся»^[8], и родные Натали Кин, которые до сих пор стояли у дверей, плача, обнимаясь и суетясь, словно единое трепетное сердце, пошли, выстроившись плотным рядом. Блестящий белый гроб несли всего лишь двое мужчин. Третий бы помешал – они бы натолкнулись друг на друга.

Процессию возглавляли родители Натали. Мать немного выше отца, крупная, на вид добродушная, с рыжеватыми волосами, перевязанными лентой. Ее лицо было открытым – к такой женщине наверняка часто обращаются на улице, чтобы узнать время или выяснить, как куда-нибудь проехать. Господин Кин был невысок и худощав, с круглым детским лицом, казавшимся еще круглее из-за проволочных очков, похожих на два больших золотых колеса от велосипеда. За родителями шел красивый юноша лет восемнадцати-девятнадцати. Он рыдал, уронив темноволосую голову на грудь. «Брат Натали», – прошептала женщина за мной.

По щекам моей мамы заструились слезы и звонко закапали на кожаную сумочку, которую она держала на коленях. Женщина, сидящая рядом, погладила ее по руке. Я достала из кармана куртки блокнот и начала писать, но вскоре мама схватила меня за руку и сердито прошептала: «Ты ведешь себя неуважительно и ставишь меня в неловкое положение.

Немедленно прекрати, не то я тебя отсюда выведу».

Я положила ручку, но блокнот прятать не стала, чувствуя себя нахалкой. Лицо у меня пылало от стыда.

Процессия прошла мимо нас. Гроб казался несуразно маленьким. Я представила в нем Натали, и мне снова вспомнились ее ноги, покрытые легким пушком, выпуклые колени, пластырь. Сердце пронзила боль, острая и краткая, словно точка в конце предложения.

Пока священник в парадной рясе начитывал первые молитвы, мы встали и сели, потом нам раздали молитвенные листы, и мы встали опять. На обложке Дева Мария с младенцем Иисусом; он в лучах, исходящих от ее сердца, красного, яркого. На обороте напечатано:

НАТАЛИ ДЖЕЙН КИН,
любимая дочь, сестра, подруга.
В небеса вознесся ангел.

У гроба стоял большой портрет Натали – более строгий, чем тот, что я видела прежде. Девочка была милой, но некрасивой, с заостренным подбородком и немного выпуклыми глазами. С возрастом этот гадкий утенок мог превратиться в прекрасного лебедя, стать потрясающей красавицей, от которой мужчины сходили бы с ума. А могла и остаться милой дурнушкой. После десяти лет внешность девочки меняется по-всякому.

На подиум взошла мать Натали с листом бумаги в руке. Ее лицо было мокрым от слез, но голос оставался твердым.

– Это мое письмо к Натали, моей единственной дочери. – Она прерывисто вздохнула и стала читать далее без остановок. – Натали, ты была моей самой любимой девочкой. Не могу поверить, что тебя больше нет. Больше никогда я не спою тебе колыбельную и не пощекочу спинку. Брат никогда не будет дергать тебя за косички, а папа не посадит себе на колени. Отец не поведет тебя к алтарю. Твой брат никогда не станет дядей. Мы будем скучать по тебе на воскресных обедах и летних каникулах. Нам будет не хватать твоего смеха. Нам будет не хватать твоих слез. В общем, дорогая дочка, нам будет не хватать тебя. Мы любим тебя, Натали.

Госпожа Кин вернулась на свое место, муж бросился к ней, но она, по всей видимости, в поддержке не нуждалась. Как только она села, мальчик снова упал в ее объятия и зарыдал у нее на плече. Господин Кин окинул сердитым взглядом сидящих за ним, словно ища, кого бы ударить.

– Потеря ребенка – страшное горе, – произнес священник. – И тем

горше потеря, что причиной ее стало чудовищное злодеяние. Ибо это есть деяние зла. Библия гласит: «Око за око, зуб за зуб». Но давайте не будем вынашивать мстительные замыслы. Лучше вспомним завет Христа: «Возлюби ближнего своего». Будем же добры к ближнему в эти трудные времена. Вознесем наши сердца к Богу.

– Мне больше понравилось про «око за око», – пробормотал мужчина за мной.

«Как насчет „зуб за зуб“? Это никого не смутило?» – подумалось мне.

Когда мы вышли из церкви на яркий свет, я увидела на другой стороне улицы четырех девочек, сидящих бок о бок на низком кирпичном ограждении. Длинные жеребьячи ноги, беззаботно болтающиеся в воздухе. Подчеркнутая лифчиком округлость груди. Те самые подружки, которых я встретила на опушке леса. Они сидели, сбившись в кучку, и смеялись, пока одна из них, снова самая хорошенькая, не показала на меня, и тогда они повесили головы в притворной скорби. Но животы у них по-прежнему сотрясались от смеха.

* * *

Натали похоронили в семейной могиле, рядом с могильным камнем, на котором уже были выгравированы имена ее родителей. Есть мудрость, гласящая, что дети не должны умирать раньше родителей, что это противоречит естественному ходу вещей. Но это единственный способ по-настоящему удержать ребенка при себе. Дети вырастают и создают более крепкие союзы. Они обзаводятся семьями или любовными гнездами. Они не будут похоронены с вами. Но семья Кин останется нерушимой. Под землей.

* * *

После похорон люди собрались в доме семьи Кин. Это большой каменный фермерский дом – воплощенный образ пасторальной Америки. Он не такой, как все другие дома Уинд-Гапа. Сельский стиль с его самобытностью не в почете у богатого населения Миссури. Это можно понять: в колониальной Америке богатые женщины носили платья утонченных серых и голубых тонов, в противовес своему имиджу «новосветских деревенщин», в то время как зажиточные англичанки

ходили разряженными в пух и прах. Короче говоря, дом семьи Кин выглядел слишком миссурийским для миссурийской семьи.

Стол а-ля фуршет состоял в основном из разных видов мяса: индейка и ветчина, говядина и оленина. Также были соленья, оливки, фаршированные яйца, блестящие булочки и запеканка с корочкой. Гости разделились на две группы: тех, кто плакал, и тех, кто нет. Стойки собрались на кухне, пили кофе и спиртные напитки, говорили о предстоящих выборах в городской совет и перспективах школ; иногда, понизив голос, возмущались недостаточным прогрессом в расследовании убийств.

– Клянусь, если увижу, как кто-то незнакомый подходит к моим девочкам, пристрелю сукина сына к чертям собачьим, не успеет и рта раскрыть, – сказал мужчина с лицом, похожим на лопату, хлопая ладонью по сэндвичу с ростбифом. Друзья одобрительно кивнули.

– Не знаю, почему, черт возьми, Викери не вычистил лес, – да вырубить бы его к чертовой матери. Он ведь там, ясно дело, – сказал молодой человек с оранжевыми волосами.

– Донни, пойдем завтра туда вместе, – сказал мужчина с лопатообразным лицом. – Прочистим его акр за акром. Найдем сукина сына. Пойдем?

Собеседники что-то промычали, в решимости исполнить задуманное, и выпили очередную дозу спиртного из пластиковых стаканчиков.

Я записала в ежедневник: утром прогуляться вдоль леса – посмотреть, приведут ли эти пьяные разговоры к действию. Несложно себе представить диалог по телефону на следующее утро, смущенным тоном:

– Ты идешь?

– Даже не знаю. А ты?

– Ну, я обещал Мэгги снять зимние рамы...

Потом договорятся как-нибудь встретиться, выпить пива, и положат трубки – медленно, чтобы заглушить виноватый щелчок.

Те, кто плакал, в основном женщины, расположились в гостиной, на плюшевых диванах и кожаных оттоманках. Там был брат Натали, он сотрясался от рыданий в объятиях матери; она же плакала молча, покачивая сына и глядя его темноволосую голову. Милый мальчик, так открыто плачет. Никогда такого не видела. Женщины принесли им тарелки с закусками, предлагая подкрепиться, но они только молча покачали головами. Моя мать порхала вокруг них, как обезумевшая птица, но они ее не замечали, и вскоре она ушла к своим подругам. Господин Кин молча курил в углу вместе с господином Нэшем.

В комнате еще оставались следы недавнего пребывания Натали. На

спинке стула висел маленький серый свитер, у двери стояли тенниски с ярко-голубыми шнурками. На книжной полке лежал отрывной блокнот с единорогом на обложке, в подставке для журналов – зачитанная книга «Скачок во времени».

Я чувствовала себя гадиной: не сказала родителям Натали, зачем пришла, даже не подошла к ним до сих пор. Бродила по их дому и шпионила, опустив голову над банкой с пивом, как стыдливое привидение, пока не увидела Кейти Лейси, свою старую лучшую подругу из школы имени Калхуна. Она стояла в кругу приятельниц, женщин с красивыми прическами, удивительным образом похожих на подруг моей матери, только лет на двадцать моложе. Когда я подошла, Кейти поцеловала меня в щеку.

– Я слышала, что ты здесь. Надеюсь, что позвонишь, – нахмурила она тонко выщипанные брови, потом пропустила меня к трем своим приятельницам, и те по очереди меня приобняли.

С каждой из них я в свое время дружила. Мы обменялись соблезнованиями и сокрушенно прошептали, как печален повод, по которому мы собрались. Энджи Пейпемейкер (в девичестве Найтли), в школьные годы страдавшая булимией, от которой она сильно исхудала, похоже, так и не излечилась – ее шея была тонкой и жилистой, как у старухи. Мими, избалованная дочка богатых родителей (у ее отца крупная птицеводческая ферма в Арканзасе), которая всегда меня недолюбливала, что-то спросила про Чикаго и тут же отвлеклась на разговор с малышкой Тиш, самой маленькой из всех, которая почему-то сочла нужным сочувственно держать меня за руку.

Энджи сообщила, что у нее есть пятилетняя дочь, – сегодня муж охраняет ее дома с пистолетом.

– Скучно же будет этим летом малышам, – вполголоса заметила Тиш. – Думаю, что все теперь держат своих детей взаперти.

Я вспомнила девочек, которых видела у церкви после панихиды, – ведь они не намного старше Натали, так о чем же думают их родители?

– Камилла, а у тебя дети есть? – спросила Энджи тонким голоском, под стать ее фигуре. – Забыла спросить: ты замужем?

– Нет и нет, – ответила я, прихлебывая пиво.

Мне вспомнилось, как Энджи рвало у меня дома после уроков. Она запиралась в ванной, откуда потом выходила красной и ликующей. Карри был неправ: прошлое, связывающее меня с этим городом, больше отвлекало от дела, чем помогало.

– Дамы, не собираетесь ли вы утомлять нашу гостью весь вечер?

Я обернулась и увидела одну из маминых подруг, Джеки О'Нил (урожденную О'Киф).

Она явно недавно сделала себе подтяжку: глаза отекие, кожа лица влажная, красная и натянутая, как у сердитого младенца, вылезавшего из утробы матери. На загорелых пальцах сверкали бриллианты, и, когда она меня обняла, пахло «Джуси фрут» и тальком. Все это уже напоминало вечеринку. А я снова чувствовала себя безответной девочкой, не отваживаясь достать блокнот, пока мама была рядом и поглядывала на меня с угрозой.

– Детка, какая же ты красавица! – промурлыкала Джеки.

Ее голова была похожа на дыню, волосы пережжены перекисью, на лице хитрая улыбка. Джеки была стервозной и поверхностной, зато всегда оставалась собой. Со мной она вела себя более раскрепощенно, чем моя родная мать. Именно Джеки, а не Адора вручила мне первую пачку тампонов, подмигнув и сказав, чтобы я ей позвонила, если мне понадобится совет, и всегда весело подтрунивала надо мной по поводу мальчиков. Вроде бы мелочь – а как важно.

– Как дела, дорогая? Твоя мама даже не сказала мне, что ты приехала. Хотя она со мной сейчас не разговаривает – я ей снова чем-то не угодила. Знаешь, как это бывает... Я знаю, что ты знаешь! – Она рассмеялась хриплым смехом курильщика и стиснула мне руку. Я заподозрила, что она пьяна.

– Может, я забыла отправить ей открытку по какому-нибудь поводу, – тараторила она, неосторожно размахивая рукой, в которой держала бокал с вином. – А может, ей не понравился садовник, которого я ей порекомендовала. Говорят, ты пишешь статью о девочках – как это тяжело...

Она так быстро перескакивала с одного на другое, что я с минуту переваривала информацию. Но когда я собралась что-то сказать в ответ, она продолжила, поглаживая мне руку и глядя на меня сквозь пелену слез:

– Камилла, детка, я так давно тебя не видела! Сейчас смотрю и вспоминаю тебя такой же маленькой, как те девочки. Что-то совершенно ненормальное творилось. Как печально... До меня все никак не доходит. – По ее щекам катились слезы. – Заходи в гости, хорошо? Поговорим.

Я ушла из дома Кин, так ничего и не записав. Я уже устала от разговоров, хотя сама в основном молчала.

Решила поговорить с родителями Натали позднее, по телефону, будучи на безопасном расстоянии и имея выпивку про запас – прихватила с собой стаканчик водки с их стола. Я все объяснила, рассказав, какую статью хочу написать. Ничего хорошего из этого не вышло.

Вот что мне удалось написать потом:

В минувший вторник в Уинд-Гапе, маленьком миссурийском городке, где на столбах еще висят объявления о розыске десятилетней Натали Джейн Кин, пропавшей без вести, состоялись ее похороны. Трепетная речь священника на поминальной службе, взывающая к прощению и искуплению грехов, не принесла успокоения и не исцелила раны. Полиция предполагает, что этот милый, здоровый ребенок стал второй жертвой серийного убийцы, охотящегося за детьми.

«Это были очаровательные девочки, – сказал местный фермер Рональд Дж. Кэменз, принимавший участие в розысках Натали. – Не имею ни малейшего представления, за что нам эта напасть».

Четырнадцатого мая тело Натали Кин, скончавшейся от удушья, было найдено в проеме между двумя зданиями на Главной улице Уинд-Гапа.

«Нам будет не хватать ее смеха, – сказала Джинни Кин, мать Натали (пятьдесят два года). – Нам будет не хватать ее слез. В общем, нам будет не хватать Натали».

Однако это не первая беда, случившаяся в Уинд-Гапе, расположенном на юге штата. Двадцать седьмого августа прошлого года в местной реке было найдено тело еще одного задушенного ребенка, девятилетней Энн Нэш. Девочку похитили накануне вечером, пока она ехала на велосипеде к подруге, живущей через два квартала. По словам очевидцев, обе жертвы найдены без зубов, предположительно извлеченных убийцей.

Убийства привели в растерянность городскую полицию, в штате которой всего пять человек. Опыта в расследовании тяжелых преступлений им не хватает, поэтому они попросили помощи у полиции Канзас-Сити, откуда к ним прислали следователя, обученного психологическому профилированию при расследовании серийных убийств. Между тем жители Уинд-Гапа (население которого составляет 2120 человек) уверены, что убийца действовал без мотива.

«Здесь, должно быть, рыщет маньяк. Он отлавливает и убивает детей, – сказал отец Энн, Боб Нэш, сорок один год, занимающийся продажей мебели. – Мы живем без тайн и интриг. Нашу малышку убили просто так, без всяких причин».

Зачем девочкам вырвали зубы? Это остается тайной, к которой пока не найдено практически ни одного ключа. Местная полиция от комментариев воздержалась. Пока идет следствие, в Уинд-Гапе введен комендантский час и повсюду расставлены часовые – в этом городе, прежде тихом, где все теперь встревожены за детей.

Горожане, как могут, стараются залечить свои раны.

«Я ни с кем не хочу разговаривать, – сказала Джинни Кин. – Пусть меня оставят в покое. Мы все хотим только покоя».

Халтурная писанина – что и говорить. Я отправила Карри этот черновик по электронной почте, но уже жалела: из написанного мне не нравилось почти ничего. Предположение полиции о том, что преступления совершил серийный убийца, было вымышленным. Викери ничего подобного не говорил. Первую цитату Джинни Кин я украла из ее прощальной речи на похоронах. Вторую записала, пока она кричала на меня по телефону, когда я, выразив соболезнования, попросила дать интервью. Она поняла, что я намерена выложить все подробности об убийстве ее дочери в какой-то паршивой газетенке, которую потом будут мусолить посторонние люди. «Да оставьте нас наконец в покое! – визжала она. – Мы сегодня дочь похоронили! Как вам не стыдно?!» Но хоть что-то сказала; мне так нужна была цитата, а из Викери невозможно было вытянуть ни слова.

Карри статья понравилась; в ответ он сообщил, что начало получилось хорошим – не «отличным», но все же «очень хорошим». Он даже оставил строчку про «серийного убийцу, охотящегося за детьми» – мой домысел. Это стоило бы вырезать, я знала, но мне очень хотелось добавить драматичной «воды». Карри, вероятно, был пьян, пока читал мой опус.

Он велел рассказать подробнее о семьях погибших девочек, когда соберу нужный материал. Дал мне еще один шанс исправиться. Повезло же мне, – похоже, редакция «Чикаго дейли пост» намеревалась задержать меня в Уинд-Гапе подольше. Пресса между тем мусолила сексуальный скандал в конгрессе, опозоривший трех суровых членов палаты представителей. Двое из которых – женщины. Сенсационный материал, полный скабрзностей. А вот новость поважнее: в Сиэтле, городе ярком и модном, орудует серийный

убийца. Среди тумана и кофеен кто-то забавы ради убивал беременных женщин – вскрывал им животы и выкладывал внутренности на видном месте, к всеобщему ужасу. Так что нашим репортерам повезло – все заняты, ехать в Сиэтл некому. Оставалась только я, несчастная, томящаяся в своей детской кровати.

* * *

В среду я спала долго, натянув на голову влажные от пота простыни и одеяла. Несколько раз просыпалась: то от телефонных звонков, то от гула пылесоса в коридоре, то от жужжания газонокосилки за окном. Мне отчаянно хотелось спать, но день уже наступал. Я лежала с закрытыми глазами, представляя, что вернулась в Чикаго и лежу на шаткой кровати в своей однокомнатной квартире, из окна которой видно лишь кирпичную стену супермаркета. Там четыре года назад, только приехав сюда, я купила комод с зеркалом и пластиковый стол, за которым ела из дешевых желтых тарелок гнутыми, похожими на оловянные столовыми приборами. Я беспокоилась, что не полила свое единственное растение, жухлый папоротник, который как-то нашла среди соседского хлама. Потом вспомнила, что два года назад он засох. И я пыталась представить другие картинки из моей жизни в Чикаго: мой рабочий закуток, начальник, который все время забывает, как меня зовут, тусклые зеленые рождественские фонарики, еще не снятые со стен супермаркета. Несколько дружелюбных знакомых тут и там, которые, наверное, и не заметили, что я уехала.

В Уинд-Гапе мне ужасно не нравилось, но мой дом уютным тоже не был. Я достала из вещевого мешка флягу с теплой водкой и снова легла в постель. Потом, прихлебывая водку из фляги, стала оценивать обстановку. Мне казалось, мама заменит пол в моей спальне, как только я уеду, но сейчас, десять лет спустя, все оставалось как прежде. Жаль, что в подростковом возрасте я была такой серьезной: на стенах не было ни постеров поп-звезд, ни коллекций фотографий, чем обычно увлекались девочки, ни цветов для украшения платьев. Зато висели картины с парусниками, настоящие пастельные сельские пейзажи и портрет Элеаноры Рузвельт. Последнее было особенно странным, потому что об Элеаноре Рузвельт я знала мало – только то, что она была хорошей, – впрочем, думаю, в те времена этого было достаточно. Теперь я бы, скорее, повесила фотографию жены Уоррена Гардинга по прозвищу Герцогиня, которая

записывала все причиненные ей обиды в красную книжечку и мстила каждому в соответствии с тяжестью его провинности. Мои нынешние кумиры – женщины с изюминкой.

Я выпила еще водки. Мне хотелось только одного: снова провалиться в сон, во тьму, исчезнуть. Нервы напряжены до предела. Еще немного – и разревусь. Внутри меня словно был надувной шарик, до отказа наполненный водой, – вот-вот лопнет. Кто-нибудь, проколите его булавкой. В Уинд-Гапе мне было плохо. В этом доме я чувствовала себя больной.

Стук в дверь – тихий, словно от порыва ветра.

– Кто там? – спросила я, пряча стакан с водкой у стенки кровати.

– Камилла, это мама.

– Что, мама?

– Я тебе лосьон принесла.

Я подошла к двери нетвердой походкой, под воздействием водки чувствуя себя в защитной оболочке, которая поможет продержаться сегодня в этом особом месте. Месяцев шесть я не напивалась, но сейчас это было неважно. Мама топталась в коридоре, нерешительно заглядывая в приоткрытую дверь, будто в комнату покойника. Впрочем, это было недалеко от истины. Она протянула мне большой светло-зеленый тюбик.

– Он с витамином Е. Купила сегодня утром.

Мама верит, что витамин Е обладает живительными свойствами. Думает, что стоит побольше им намазаться, и моя кожа снова станет гладкой и безупречной. Хотя до сих пор он ни разу не подействовал.

– Спасибо.

Она осмотрела мои шею, руки и ноги, остававшиеся голыми, – я спала в одной футболке. Затем, нахмурившись, посмотрела мне в лицо. Вздыхнула, слегка покачала головой. И так и осталась стоять на месте.

– Мама, тебе, наверно, тяжело было на похоронах? – Даже сейчас я не смогла промолчать. Так и тянуло завязать с ней разговор.

– Да. То и дело вспоминалось свое... Этот маленький гроб...

– Мне тоже пришлось нелегко, – поддержала я ее. – Даже удивительно. Мне ее не хватает. До сих пор. Даже странно.

– Было бы странно, если бы тебе было все равно. Все-таки твоя сестра. Потерять ее почти так же больно, как собственного ребенка. Хоть ты и была еще такой юной.

С первого этажа раздавался затейливый свист Алана, но мама, казалось, его не слышала.

– Мне не очень понравилось открытое письмо Джинни Кин, – сказала она. – Это ведь похороны, а не политический митинг. И почему все так

буднично оделись?

– А я думаю, что письмо было прекрасным, прочувствованным, – ответила я. – А ты на похоронах Мэриан разве ничего не читала?

– Нет-нет. Я едва стояла на ногах, какие там речи. Камилла, не могу поверить, что ты этого не помнишь. Надо же, все забыла! Мне на твоём месте было бы стыдно.

– Мама, мне ведь было всего лишь тринадцать лет, когда она умерла. Учти, я была совсем ещё ребенком.

Это было лет двадцать назад. Надеюсь, хотя бы в этом не ошибаюсь.

– Да, ну что ж. Довольно об этом. Чем хочешь сегодня заняться? Может, прогуляешься? В парке Дэли сейчас красиво, розы цветут.

– Я должна сходить в полицейский участок.

– Не говори мне об этом, пока ты здесь, – отрезала она. – Скажи, что тебе надо выполнить чье-нибудь поручение или что ты собираешься навестить друзей.

– Мне надо выполнить одно поручение.

– Вот и славно. Приятного дня.

Она ушла, мягко ступая по коридору, застеленному плисовым ковром, и вскоре внизу быстро заскрипели ступеньки.

Я сполоснулась прохладной водой, не включая свет, поставив на бортик низкой ванны очередной стакан водки, потом оделась и вышла в коридор. В доме было тихо, насколько позволяла его вековая конструкция. На кухне жужжал вентилятор. Я постояла у двери и, убедившись, что там никого нет, проскользнула внутрь, схватила ярко-зеленое яблоко и, впившись в него зубами, вышла из дома. На небе ни облачка.

* * *

На крыльце я увидела девочку, похожую на эльфа. Малышка внимательно разглядывала огромный, в четыре фута^[9], кукольный дом, точную копию маминого. По ее спине, повернутой ко мне, струились аккуратные длинные светлые пряди волос. Когда она повернулась, я узнала ту самую девочку, с которой разговаривала на опушке леса, ту, что смеялась с подружками у церкви, где отпевали Натали. Самую хорошенькую.

– Эмма? – спросила я, и она рассмеялась.

– Ну конечно. Кто же еще будет играть на крыльце у Адоры с таким же домиком, как у нее?

На Эмме был детский клетчатый сарафан, рядом лежала соломенная

шляпа. Теперь она выглядела на свои тринадцать лет. Впрочем, нет. Сейчас она казалась младше. Ее платье больше подошло бы десятилетней девочке. Заметив, что мой взгляд остановился на нем, она нахмурилась.

– Я ношу это для Адоры. Дома я превращаюсь в ее любимую куколку.

– А когда ты не дома?

– Другие вещи. Значит, ты Камилла. Моя сестра по маме. Первая дочь Адоры, старше Мэриан. Ты родилась до нее, а я после. Не узнала меня!

– Я слишком долго сюда не приезжала. Вдобавок Адора уже пять лет не шлет рождественских фотографий.

– Это, видимо, тебе она их не шлет. А мы фотографируемся до сих пор. Каждый год Адора покупает мне к Рождеству дурацкое красно-зеленое клетчатое платье. После праздника я сжигаю его в камине.

Она вытащила из гостиной кукольного дома скамеечку для ног величиной с мандарин и показала мне.

– Придется теперь менять обивку. Мебель Адоры уже другого цвета – сейчас она желтая, а не персиковая. Она пообещала сходить со мной в магазин, чтобы я выбрала подходящую ткань. Этот домик – моя страсть.

Даже последние слова – «моя страсть» – прозвучали почти естественно. Они вылетели из ее уст, сладкие и округлые, как ириски, произносимые полупшепотом и сопровождаемые только кивком, а принадлежали явно маме. Видно, что любимая куколка Адоры старается во всем ей подражать.

– Отличный дом у тебя получился, – сказала я и попрощалась, слегка помавав ей рукой.

– Спасибо, – ответила она. Ее взгляд остановился на моей комнате в игрушечном домике. Она ткнула пальчиком в кровать. – Надеюсь, тебе у нас хорошо.

Последнюю фразу она пробормотала еле слышно, словно обращаясь к миниатюрной Камилле в домике, которую никто, кроме нее, не видел.

* * *

Я встретила начальника полиции Викери на углу Второй и улицы Эли, тихой улочки с невысокими домами, за несколько кварталов от полицейского участка. Он выправлял вмятину на дорожном знаке «Стоп», стуча молотком и морщась при каждом ударе по металлу. Рубашка на спине уже намочила от пота, а бифокальные очки сползли на кончик носа.

– Мне нечего вам сказать, мисс Прикер.

Ба-бам-м-м!

– Ваше возмущение понять нетрудно, господин Викери. Я ведь даже не хотела браться за это дело. Но редактор командировал меня сюда, потому что это мой родной город.

– Говорят, вы много лет здесь не появлялись.

Ба-баммм!

Я ничего не ответила и молча рассматривала цветок росянки, пробившийся сквозь щель на тротуаре. Обращение «мисс» слегка меня задело. Я не могла понять: то ли это формула вежливости, к которой я не привыкла, то ли насмешливый намек на то, что я до сих пор не замужем. В этих краях быть одинокой, когда вам хотя бы немного за тридцать, – странное явление.

– Порядочный человек скорее уволится, чем станет писать о мертвых детях. – (Ба-баммм!) – Это приспособленчеством называется, мисс Прикер.

По другой стороне улицы, еле волоча ноги, шел старик с пакетом молока в руках, направляясь к дому, обшитою белыми панелями.

– Вы правы, сейчас я чувствую, что поступаю не очень порядочно.

Я решила, что с Викери лучше не спорить. Мне хотелось расположить его к себе, не только для того, чтобы облегчить себе задачу, но и потому, что своим ворчанием он напоминал Карри, по которому я успела соскучиться.

– Но ведь небольшая огласка могла бы привлечь внимание к этому делу и помочь следствию. Так уже бывало.

– Черт. – Он повернулся ко мне и бросил молоток, который с глухим стуком упал на землю. – Мы уже просили помощи. Теперь из Канзас-Сити время от времени приезжает специальный следователь и остается здесь на несколько месяцев. Но и он не может распутать это проклятое дело. Говорит, что, наверное, какой-нибудь психопат путешествовал автостопом, высадился в наших краях, ему здесь понравилось и он решил остаться тут на год. Но ведь город не такой большой, и я уверен, что не встречал здесь никаких подозрительных приезжих.

Он многозначительно посмотрел на меня.

– Здесь есть лес, очень большой и густой, – заметила я.

– Преступник не чужак. Полагаю, вы и сами об этом догадываетесь.

– Вам, наверно, хотелось бы, чтобы он был не отсюда.

Викери вздохнул, закурил и обвил рукой дорожный знак, словно желая его защитить.

– Конечно хотелось бы, черт возьми, – ответил он. – Никогда не приходилось расследовать убийства, но я же не идиот.

Теперь я жалела, что налакалась водки. Мои мысли испарялись, и я не могла придумать, о чем его спрашивать дальше, чтобы поддержать разговор.

– Вы считаете, что убийца из Уинд-Гапа?

– Без комментариев.

– Не для записи. Скажите, зачем было бы местному жителю убивать детей?

– Энн однажды убила палкой птицу у соседей. Меня вызывали по этому поводу. Она заточила палку отцовским охотничьим ножом. А что касается Натали, ее семья приехала сюда из Филадельфии два года назад, после того, как эта маленькая чертовка всадила ножницы в глаз своей одноклассницы. Ее отец уволился из какой-то крупной фирмы, чтобы они смогли начать новую жизнь. В этом штате, где вырос его дед. В маленьком городке. Можно подумать, здесь своих проблем мало.

– Например, трудных детей здесь знают все.

– Вот именно.

– Значит, вы считаете, что детей могли убить из ненависти? Кто-то невзлюбил именно этих девочек, – может, они чем-то ему насолили и он убил их из мести?

Викери задумчиво потер кончик носа, почесал усы. Он посмотрел на молоток под ногами, по всей видимости раздумывая, поднять его и продолжить работу или поговорить со мной еще. В этот момент к нам подлетел черный седан. Не успел он остановиться рядом, стекло со стороны пассажирского места опустилось. В окне показалось лицо водителя в темных очках.

– Привет, Билл. Мы, кажется, договаривались встретиться в это время в твоём кабинете?

– Мне работу надо доделать.

Это был детектив из Канзас-Сити. Он посмотрел на меня, привычным жестом опустив очки. Но один глаз тут же закрыла прядь светло-каштановых волос.

«Глаза голубые», – заметила я.

Он улыбнулся мне, сверкнув безупречно белыми, как подушечки «Дирола», зубами.

– Привет! – Он перевел взгляд на Викери, который нарочно наклонился, чтобы поднять молоток, потом снова на меня.

– Привет, – ответила я, переминаясь с ноги на ногу и комкая манжеты.

– Билл, подвезти тебя? Или тебе больше нравится пешком? Если хочешь, я куплю нам по стаканчику кофе и подожду тебя на участке.

– Я не пью кофе, пора бы уже заметить. Буду на месте через пятнадцать минут.

– Хорошо бы через десять. Мы уже опаздываем. – Детектив снова посмотрел на меня. – Билл, может, все-таки поедешь со мной?

Викери молча покачал головой.

– Кто эта девушка, Билл? Я думал, что уже знаком со всеми уиндгапчанами. Или как сказать?.. Уиндгапцами? – Он ухмыльнулся.

Я стояла молча, как застенчивая школьница, надеясь, что Викери меня представит.

Ба-баммм!

Викери сделал вид, что не слышит. В Чикаго я бы смело протянула руку, с улыбкой представилась – да еще и позлорадствовала бы, увидев его растерянное лицо. А здесь словно язык проглотила, только глядела на Викери.

– Ладно, до встречи на участке.

Окно закрылось, и машина уехала.

– Это следователь из Канзас-Сити? – спросила я.

Вместо ответа, Викери закурил новую сигарету и ушел.

Старик на другой стороне улицы только поднялся на верхнюю ступень своего крыльца.

Глава четвертая

В мемориальном парке имени Джейкоба Дж. Гарретта кто-то синей аэрозольной краской изрисовал основание водонапорной башни причудливым узором, что выглядело неожиданно изящно, точно вязаные пинетки на детских ножках. Этот парк, где Натали Кин в последний раз видели живой, был безлюдным. Над бейсбольной площадкой витала пыль, поднимаясь на несколько метров над землей. У меня от нее запершило в горле, как от слишком крепкого чая. Опушка леса заросла высокой травой. Я удивилась, что никто не приказал ее скосить, уничтожить, как камни, над которыми плавало тело Энн Нэш.

В школьные годы мы все собирались в парке Гарретта по выходным – одни пили пиво, другие курили травку, третьи, едва углубившись в чащу леса, предавались сексуальным забавам. Там, когда мне было тринадцать лет, меня впервые поцеловал парень-футболист. Он жевал табак, запах которого поразил меня сильнее, чем сам поцелуй. Потом я отошла за его машину и там оставила весь выпитый мной винный коктейль и съеденные фрукты.

– Здесь был Джеймс Кэписи.

Я обернулась и увидела мальчика лет десяти, светлые волосы коротко острижены, в руках ворсистый теннисный мячик.

– Джеймс Кэписи? – переспросила я.

– Это мой друг, он был здесь, когда она забрала Натали, – сказал паренек. – Джеймс ее видел. Она была в ночной рубашке. Они кидали летающую тарелку возле леса, а потом она утащила Натали. Она могла забрать Джеймса, но он оставался на площадке. Поэтому она схватила Натали, которая оказалась рядом с лесом. Джеймсу здесь нравилось из-за солнца. Вообще ему не разрешают играть на солнце, потому что его мама больна раком кожи, но он все-таки играет. Точнее, раньше играл.

Мальчик ударил мячиком о землю, подняв вокруг себя облако пыли.

– Он больше не любит солнце?

– Он больше вообще ничего не любит.

– Из-за Натали?

Он неприязненно пожал плечами.

– Потому что он слюняй.

Мальчик оглядел меня с головы до ног, потом вдруг с силой кинул мяч в меня. Мячик стукнул меня по бедру и отскочил в сторону.

Мальчик тихонько прыснул от смеха.

– Извините.

Он бросился за мячом, догнал, красиво накрыл его в воздухе ладонью, затем подпрыгнул и ударил им о землю. Мячик подскочил метра на три, потом запрыгал ниже и ниже, пока не остановился.

– Не совсем поняла, что ты сказал. Кто был в ночной рубашке? – спросила я, не сводя глаз с мяча.

– Женщина, которая увела Натали.

– Погоди, что ты хочешь сказать?

Мне говорили, что Натали играла здесь с друзьями, потом все по одному разошлись, и предположительно ее похитили, когда она шла домой, хотя идти ей было недалеко.

– Джеймс видел, как Натали утащила женщина. Он играл с Натали, они кидали друг другу летающую тарелку. В последний раз тарелка улетела в сторону леса и упала на траву. Натали пошла за ней, и тут из леса появилась женщина, схватила Натали и уволокла ее. Тогда Джеймс побежал домой. С тех пор он больше не выходит гулять.

– Тогда откуда ты знаешь, как это произошло?

– Я как-то был у него в гостях. Он мне и рассказал. Мы ведь друзья.

– Джеймс далеко живет?

– Фиг с ним. Я все равно, наверно, на лето поеду к бабушке, в Арканзас. Там лучше, чем здесь.

Мальчик кинул мяч в изгородь бейсбольной площадки, и он застрял в ячейке, с грохотом колыхая железную сетку.

– Вы из наших краев? – Мальчик принялся пинать ногами пыль в воздухе.

– Да, я раньше здесь жила. Потом переехала. А сейчас приехала в гости. – Я не хотела отступать. – Джеймс живет где-то здесь?

– Вы учитесь в школе? – Его лицо было темным от загара. Он был похож на маленького морского пехотинца.

– Нет.

– В университете?

– Нет, я старше.

– Ну, мне пора. – Мальчик прыжками добрался до забора, выдернул из него мячик, как больной зуб, потом, обернувшись, снова посмотрел на меня и беспокойно задвигался на месте. – Я пошел.

Он запустил мяч в сторону дороги, и тот, громко стукнув о мою машину, поскакал дальше. Мальчик побежал за ним и скрылся из виду.

«Кэписи, Жанель», – прочла я в телефонной книге Уинд-Гапа, похожей

на тонкий журнал, которую нашла на автозаправке, в единственном в городе магазине «Фа-Стоп». Потом я утолила жажду клубничной газировкой и поехала по указанному в книге адресу: Холмс, дом 3617.

Дом Кэписи стоял на краю дешевого квартала в восточной стороне города: кучки домов, маленьких и обветшалых, чьи жители в основном работают на ближней свиноферме. Это частное хозяйство производит почти два процента всей свинины в стране. Спросите любого малоимущего жителя Уинд-Гапа, где он работает, и он наверняка скажет, что на ферме, где прежде трудился его отец. В свинарнике работа спокойная: поросятам хвосты обрезать, свиноматок оплодотворить, рассадить молодняк в ящики, свиней загнать в загон, навоз утилизировать. В убойном цехе приходится тяжелее: рабочие загоняют животных в тележки, везут их по коридору, потом оглушают электричеством. Свиней пристегивают к тросу за задние ноги и поднимают, брыкающихся и визжащих, вниз головой. Затем им перерезают глотки остроконечными ножами, и на кафельный пол брызжет кровь, густая, как масляная краска. Далее туши ошпаривают. В цеху постоянно стоит неистовый, пронзительный визг, поэтому многие рабочие носят затычки в ушах и проводят дни в беззвучной ярости. Вечерами они пьют, слушают громкую музыку. В местном баре «У Хилы» свинины в меню нет вовсе, только куриные наггетсы, которые, должно быть, производят такие же разъяренные рабочие в каком-нибудь другом паршивом городишке.

Чтобы быть честной до конца, добавлю, что свинофермой владеет моя мать, которая нанимает управляющего, а сама только получает годовой доход в 1,2 миллиона долларов.

На террасе дома Кэписи протяжно мяукал кот, и, еще не дойдя до дома, я услышала шум работающего телевизора: кто-то смотрел ток-шоу. Я постучала в сетчатую дверь и стала ждать. Кот терся о мои ноги; даже сквозь брюки я чувствовала его ребра. Постучала еще раз – телевизор выключили. Кот залез под качели на террасе и завыл. Я начертила ногтем на ладони: «А-а-а!» – и постучала в третий раз.

– Мам, ты? – раздался из открытого окна детский голос.

Я подошла к окну и сквозь пыльную противомоскитную сетку разглядела худенького мальчика с темными кудрявыми волосами, который смотрел на меня, удивленно вытаращив глаза.

– Привет! Извини за беспокойство. Ты Джеймс?

– Что вы хотите?

– Привет, Джеймс. Извини, что отвлекла тебя. Ты смотрел что-то интересное?

– Вы из полиции?

– Я хочу помочь найти обидчика твоей подружки. Поговоришь со мной?

Он остался стоять, но ничего не ответил и нерешительно водил пальцем по оконной раме. Я села на качели в другом конце террасы, подальше от него.

– Меня зовут Камилла. Мне твой друг рассказал, что ты видел. Такой светленький мальчик с короткой стрижкой.

– Ди.

– Его зовут Ди? Я встретила его в парке – там, где ты играл с Натали.

– Ее забрала она. Никто мне не верит. Я не боюсь. Меня просто не выпускают из дома. Мама больна, у нее рак.

– Ди мне это сказал. Я тебя не виню. Надеюсь, что не напугала тебя, когда пришла.

Он принялся скрести сетку длинным ногтем, издавая треск, от которого у меня мурашки побежали по коже.

– Вы на нее не похожи. Если бы были, я бы вызвал полицию. Или застрелил бы вас.

– Как она выглядела?

Джеймс пожал плечами.

– Я сто раз уже это рассказывал.

– Ну, расскажи еще разок.

– Она была старой.

– Как я, например?

– Старой, как тетка.

– Так. Что ты еще заметил?

– На ней была белая ночнушка. И волосы у нее были белые. Она вся была белой, но не как привидение. Я так и говорил.

– Тогда белой, как кто?

– Словно никогда из дома не выходила.

– Эта женщина схватила Натали возле леса? – спросила я заискивающим тоном, каким мама разговаривает с официантами, к которым благоволит.

– Я не вру.

– Конечно нет. Женщина схватила Натали, когда вы играли?

– Очень быстро. – Он кивнул. – Натали пошла по траве за тарелкой. Тогда я увидел женщину. Она выходила из леса, глядя на нее. Я заметил ее раньше, чем Натали. Но мне не было страшно.

– Может, и не было.

– Даже когда она схватила Натали, поначалу мне не было страшно.

– А потом?

– Нет... – Он умолк. – Не было.

– Джеймс, расскажи, пожалуйста, что произошло, когда она схватила Натали?

– Она прижала Натали к себе, будто обняла. Потом подняла голову и стала смотреть на меня.

– Эта женщина?

– Да. Она мне улыбнулась. В тот момент я даже подумал, что все в порядке. Но она ничего не сказала. Потом перестала улыбаться. Приложила палец к губам – «молчи». И ушла в лес. Вместе с Натали. – Он снова пожал плечами. – Я уже все это рассказывал.

– Полиции?

– Сначала маме, потом полиции. Мама мне велела. Но полиции было все равно.

– Почему ты так думаешь?

– Они думали, что я вру. Но я не стал бы такое сочинять. Это глупо.

– Натали что-нибудь делала в этот момент?

– Нет. Она просто стояла. Наверно, не знала, что делать.

– Эта женщина никого тебе не напоминала из знакомых?

– Нет. Я уже сказал вам, что нет. – Он отступил от сетки и, обернувшись, стал смотреть куда-то вглубь комнаты.

– Ну ладно. Извини, что побеспокоила. Пригласил бы в гости кого-нибудь из друзей. Было бы повеселее. – Джеймс пожал плечами и принялся грызть ногти. – Сходил бы погулять. Лучше, чем дома сидеть.

– Не хочу. А у нас, кстати, оружие есть.

Он показал пальцем на пистолет, лежащий на подлокотнике дивана рядом с надкушенным сэндвичем. Господи.

– Джеймс, ты уверен, что тебе нужно держать его наготове? Ты же не собираешься стрелять. Огнестрельное оружие очень опасно.

– Не так уж и опасно. Мама не волнуется. – Он впервые посмотрел на меня долгим взглядом. – А вы красивая. У вас красивые волосы.

– Спасибо.

– Мне надо идти.

– Ладно. Будь осторожен, Джеймс.

– Я и стараюсь. – Он делано вздохнул и отошел от окна. Через мгновение снова послышалась телевизионная брань.

В Уинд-Гапе было одиннадцать баров. Я пошла в тот, где не бывала прежде, под названием «Сенсорс». Думаю, что он был особенно популярен в восьмидесятых, на очередной волне безумия, судя по неоновым зигзагам на стене и маленькому танцполу в центре зала. Я пила бурбон и записывала в блокнот то, что узнала за день, и тут за мой столик, на мягкий стул напротив, плюхнулся блюстититель закона из Канзас-Сити. Он с грохотом поставил на стол бутылку с пивом.

– Я думал, репортеры не должны брать интервью у не совершеннолетних без согласия родителей. – Он улыбнулся, отпил пива. Видимо, им звонила мать Джеймса.

– Репортеры вынуждены проявлять настойчивость, когда полиция не допускает их к расследованию, – ответила я, не поднимая глаз.

– Полиция не сможет нормально работать, если репортеры будут излагать подробности расследования в чикагских газетах.

Все та же заезженная пластинка. Я уткнулась в блокнот, который намок, потому что на нем стоял влажный стакан.

– Попробуем другой подход. Я Ричард Уиллис. – Он отпил еще пива и причмокнул губами. – Можете сказать мне все, что думаете о полицейских. Любого звания.

– Заманчиво.

– Полиция – полицаи – копы...

– Да, я поняла.

– А вы Камилла Прикер, девушка из Уинд-Гапа, которая благополучно переселилась в большой город.

– Вас верно осведомили.

Он улыбнулся своей волнующей дирижёрской улыбкой и провел рукой по волосам. Обручального кольца нет. Интересно, с каких пор я обращаю на это внимание.

– Что же, Камилла, предлагаю мир. Хотя бы на время. Посмотрим, что из этого получится. Думаю, нет нужды отчитывать вас за то, что вы самовольно взяли у ребенка интервью.

– Полагаю, вы понимаете, что отчитывать меня не за что. Почему полиция не приняла во внимание показания единственного свидетеля похищения Натали Кин? – Я демонстративно взяла ручку, давая понять, что запишу его слова.

– Кто сказал, что мы их не приняли?

– Джеймс Кэписи.

– Ах вот оно что. Весьма достоверный источник, – засмеялся он. – Открою вам маленький секрет, мисс Прикер. – Он неплохо передразнивал Викери, даже покрутил воображаемое розоватое кольцо на пальце. – Мы не посвящаем в тайны следствия девятилетних детей. В том числе не даем знать, верим мы их рассказам или нет.

– Вы верите?

– Без комментариев. Не имею права.

– По-моему, если бы у вас было достаточно подробное описание предполагаемого убийцы, вы могли бы огласить его, чтобы люди знали, кого бояться. Но у вас его нет, поэтому полагаю, что вы все-таки отклонили показания мальчика.

– Повторяю: комментировать не буду.

– Насколько мне известно, Энн Нэш не пытались изнасиловать, – продолжала я. – Так же дело обстоит и с Натали Кин?

– Мисс Прикер, я не могу сейчас ответить на ваши вопросы.

– Тогда зачем вы начали этот разговор?

– Ну, прежде всего, я знаю, что на днях вы потратили немало времени – может быть, даже рабочего времени, – излагая нашему офицеру свою версию обнаружения тела Натали. Я хотел вас поблагодарить.

– Мою версию?

– Память у всех разная, поэтому и версия у каждого своя, – заметил он. – Вы, например, сказали, что у Натали были открыты глаза. Бруссард заявили, что они были закрыты.

– Без комментариев, – язвительно ответила я.

– Я больше склонен верить профессиональному репортеру, чем престарелым владельцам закусочной, – сказал Уиллис. – Но мне хотелось бы знать, уверены ли вы в том, что рассказали.

– Натали сексуально домогались? Не для записи. – Я опустила ручку. Он мгновение молчал, крутя в руках бутылку.

– Нет.

– Я уверена, что ее глаза были открыты. Но вы тоже были там.

– Был, – подтвердил он.

– Значит, для этого я вам не нужна. Что еще вы хотели сказать?

– То есть?

– Вы сказали «прежде всего»...

– Да, верно. Ну, если быть честным – ведь вы, кажется, любите честность, – мне безумно хотелось пообщаться с кем-нибудь из приезжих, поэтому я вас здесь и нашел. – Он сверкнул на меня белозубой улыбкой. –

То есть я знаю, что вы отсюда. Не понимаю, как тут можно жить. Я приезжаю сюда время от времени с августа прошлого года и начинаю сходить с ума. Конечно, Канзас-Сити не бурлящая столица, но там есть хотя бы ночная жизнь. Культурная... словом, какая-то культура. Люди.

– Уверена, что вы привыкнете.

– Хотелось бы. Теперь я, возможно, останусь здесь надолго.

– Ясно. – Я постучала пальцем по записной книжке. – Так какова ваша версия, господин Уиллис?

– Следователь Уиллис, вообще-то. – Он снова широко улыбнулся. Я залпом допила бурбон и принялась грызть короткую соломинку из стакана. – Камилла, разрешите вас угостить?

Я помахала стаканом и кивнула:

– Стакан бурбона, в чистом виде.

– Хорошо.

Пока он стоял у барной стойки, я взяла ручку и витиеватыми буквами написала на запястье слово «коп». Он вернулся с двумя стаканами бурбона «Уайлд Терки».

– Ну так что же, – он повел бровями, – предлагаю немножко поговорить. Неофициально. Мне действительно этого не хватает. Билл Викери не жаждет общения со мной.

– Не только с вами!

– Верно. Значит, вы родом из Уинд-Гапа, а сейчас пишете для чикагской газеты. «Трибюн»?

– «Дейли пост».

– Не знаю такой.

– Неудивительно.

– Вы не очень-то от нее в восторге.

– Да нормальная газета. Нормальная.

Приятной собеседницы из меня не получалось; да, похоже, я уж и забыла, как вести светские беседы. В нашей семье умелицей по этой части была Адора – даже парень, опрыскивающий сад от насекомых, присылает ей идиотские открытки на Рождество.

– Вы не очень-то словоохотливы, Камилла. Если хотите, чтобы я ушел, я уйду.

По правде говоря, этого не хотелось. На него было приятно смотреть, и его голос действовал на меня успокаивающе. К тому же он был нездешним, что меня ничуть не смущало.

– Простите. Я не со зла. Просто неважно себя чувствую здесь. И то, о чем приходится писать, настроение не поднимает.

– Как давно вы отсюда уехали?

– Много лет назад. Восемь, если точнее.

– И у вас здесь остались какие-то родственники?

– Ох, да. Истые уиндгапчане. Кстати, так их обычно и называют – вы ведь сегодня этим интересовались.

– Спасибо, боюсь обидеть милых людей. Даже сильнее, чем прежде. Значит, вашим родным здесь нравится?

– Ну да. Они и не думают о том, чтобы когда-нибудь отсюда уехать. У них ведь здесь столько друзей, такой шикарный дом. Ну и так далее.

– Значит, ваши родители родом отсюда?

За соседний столик, отделенный перегородкой, пришла компания знакомых парней примерно моего возраста, с пивом в огромных кружках. Мне не хотелось, чтобы они меня заметили.

– Мама родилась здесь, а отчим из Теннесси. Он переехал сюда, когда они поженились.

– Когда это было?

– Без малого тридцать лет назад, кажется. – Я заметила, что пью быстрее, чем он, и решила не торопиться.

– А ваш отец?

Я многозначительно улыбнулась.

– А вы выросли в Канзас-Сити?

– Да. И никогда не хотел уезжать. У меня там столько друзей, такой шикарный дом. Ну и так далее.

– И вам нравится быть там... копом?

– Приходится видеть многое. Достаточно для того, чтобы не стать таким, как Викери. В прошлом году я расследовал крупные дела. В основном убийства. Мы поймали мужика, который ходил по городу и нападал на женщин.

– Насиловал?

– Нет. Сажал их на шпагат, засовывал руку в рот и разрывал горло в клочья.

– Боже мой...

– Мы его поймали. Это был продавец алкогольных напитков, средних лет, жил вдвоем с мамой. У него под ногтями остались частички кожи с горла его последней жертвы. Через десять дней после покушения.

Было непонятно, что его удивляет: то ли глупость преступника, то ли его неряшливость.

– Ясно.

– И вот теперь я здесь. Город маленький, зато для следователя это

настоящая школа. Когда Викери позвонил в первый раз, дело было еще не таким значительным, поэтому сюда отправили следователя среднего ранга. Меня. – Он улыбнулся, почти скромно. – Потом преступление оказалось серийным. Пока дело оставляют мне – важно только его не запороть.

Ситуация казалась знакомой.

– Странно себя ощущаешь, когда твой успех строится на чем-то столь ужасном, – продолжал он. – Но вам это должно быть знакомо. По какой теме вы пишете статьи в Чикаго?

– Я занимаюсь криминальной хроникой, так что, наверное, вижу ту же дрянь, что и вы: жестокость, насилие, убийства. – Мне захотелось похвастаться: мол, я тоже повидала всякого. Глупо, но не удержалась. – В прошлом месяце сын убил отца восьмидесяти двух лет и оставил его в ванне с химикатом, очистителем водосточных труб, надеясь, что тело растворится. Парень сознался, но, конечно, не смог объяснить, зачем он это сделал.

Я жалела, что назвала дрянью жестокость, насилие и убийства. Мелкое слово.

– Выходит, мы оба насмотрелись ужасов, – сказал Ричард.

– Да. – Я крутила в руках стакан, не зная, что сказать.

– Сочувствую.

– Я вам тоже.

Он задумчиво смотрел на меня. Бармен включил приглушенный свет, что означало, что бар скоро закроется.

– Может, как-нибудь сходим в кино, – предложил Уиллис утешительным тоном, словно надеясь, что вечер в кинотеатре поможет разрешить все проблемы.

– Может быть, – сказала я, допивая бурбон. – Может быть.

Он снял этикетку с пустой пивной бутылки и разгладил ее на столе. Получилось неаккуратно. Сразу видно, что он никогда не работал в баре.

– Ну что ж, Ричард, спасибо за угощение. Мне пора домой.

– Спасибо за приятную компанию, Камилла. Проводить вас до машины?

– Нет, спасибо. Сама дойду.

– Вы уверены, что можете сейчас водить? Честное слово, я спрашиваю не как полицейский.

– Да, я в порядке.

– Хорошо. Спокойной ночи.

– Вам тоже. В другой раз дадите мне интервью.

Когда я вернулась, Алан, Адора и Эмма сидели в гостиной. Сценка была до боли знакомой – тут же вспомнились былые времена, при жизни Мэриан. Мама сидела на диване, укачивая Эмму на руках. На девочке была шерстяная ночная рубашка, хотя стояла жара, и мама прижимала к ее губам кубик льда. Сестра посмотрела на меня с равнодушным довольством и принялась играть с кукольным обеденным столом из яркого красного дерева – точно таким же, как тот, что стоял в соседней комнате, но высотой с палец.

– Не о чем беспокоиться, – сказал Алан, выглядывая из-за газеты, – Эмма просто простудилась.

Мне на мгновение стало тревожно, потом досадно: вот и проснулись старые привычки – я чуть было не побежала на кухню ставить чайник, как делала всегда, когда заболела Мэриан. Но все-таки я осталась стоять рядом с мамой, надеясь, что она обнимет и меня. Мать и Эмма молчали. Мама даже не взглянула на меня, лишь крепче прижала Эмму к себе и что-то нежно зашептала ей на ушко.

– Слабеем мы, Креллины, – как-то виновато сказал Алан.

Врачи из Вудберри видели кого-нибудь из Креллинов, наверное, раз в неделю – и мама, и Алан поднимали тревогу из-за любого чиха. Помню, когда я была маленькой, мама любила натирать меня мазями и маслами, пичкала народными средствами и всякой гомеопатической ерундой. Я покорно принимала лекарства, но особо гадкие микстуры пить отказывалась. Потом заболела Мэриан – по-настоящему, – и у Адоры появились более серьезные заботы, чем упрощать меня выпить экстракт зародышей пшеницы. Теперь мне было жаль – зачем я упиралась, когда она столько возилась со мной, уговаривая проглотить таблетку или ложечку сиропа? Больше мама никогда не уделяла мне столько внимания. Мне вдруг стало жаль, что я была такой упрямой. «Креллины. Все здесь носят эту фамилию, кроме меня», – подумала я обиженно, чувствуя, что совсем впадаю в детство.

– Как жаль, что ты заболела, – сказала я Эмме.

– На ножках не тот узор, – вдруг захныкала Эмма. Она с возмущенным видом протянула маме игрушку.

– Вот острый глаз у тебя, Эмма, – удивилась Адора, щурясь на миниатюрный стол. – Но этого же почти не видно, маленькая моя. Только тебе и заметно. – Она пригладила дочке влажные волосы.

– Очень мне нужен непохожий стол! – воскликнула Эмма, сердито глядя на игрушку. – Надо его вернуть. Зачем было делать его на заказ, если он все равно не такой?

– Доченька, честное слово, это совершенно незаметно. – Мама хотела погладить Эмму по щеке, но она уже поднималась с дивана.

– Ты говорила, что все будет в точности как настоящее. Ты же обещала! – Ее голос дрогнул, из глаз закапали слезы. – Теперь все пропало. Все! Это же из столовой – стол не должен выделяться из гарнитура. Ненавижу его!

– Эмма... – Алан сложил газету и подошел, чтобы обнять Эмму, но она увернулась.

– Это все, что я хочу! Все, о чем прошу! А вас даже не волнует, что он плохой! – кричала она сквозь слезы, расходясь все больше и покрываясь красными пятнами.

– Эмма, успокойся, – хладнокровно сказал Алан, снова пытаясь обнять ее за плечи.

– Это все, что я хочу! – завизжала Эмма, швырнула столик на пол, и он раскололся на пять частей.

Она колотила по нему до тех пор, пока от него не остались мелкие кусочки, потом уткнулась лицом в диванную подушку и завывала.

– М-да, – вздохнула мама, – видимо, теперь придется заказать новый.

Я ушла к себе в комнату, подальше от этой кошмарной девчонки, совсем не похожей на Мэриан. Тело горело жгучим огнем. Я прошлась туда-сюда, пытаюсь вспомнить, как правильно дышать, чтобы успокоить боль. Но она не унималась. Мои шрамы любят иногда самовольничать.

* * *

Дело в том, что я – резчица. Есть резчики по камню, дереву и металлу, а я – особый случай. Я – резчица по коже. Своей коже. Она сама этого жаждет. Моя кожа вся исписана словами: «повар», «кекс», «котенок», «кудри», – как будто на ней учился писать первоклассник, вооруженный ножом. Иногда – только иногда – я смеюсь. Когда вылезаю из ванны и вскользь читаю слово «куколка», вырезанное сбоку на ноге. Или, пока надеваю свитер, вдруг вижу у себя на запястье: «вредно». Почему эти слова? После многих месяцев терапии у врачей появились некоторые догадки. Похоже, это девчачьи слова из детских книжек наподобие «Дик и Джейн»^[10]. Либо имеющие явный негативный смысл. Одних только

синонимов слова «тревожно» одиннадцать. Я уверена только в том, что когда-то мне было исключительно важно видеть их на себе, причем не только видеть, но и чувствовать. Например, слово «юбочка», горящее на левом бедре.

А рядом – первое слово, которое я вырезала в тринадцать лет, в один беспокойный летний день, – «злость». Проснувшись с утра, я не знала, чем себя занять, – мне было жарко и скучно. Как защитить себя от тревоги, когда впереди весь день – пустой и необъятный, как небо? Ведь всякое может случиться. Помню, я почувствовала это слово у себя на лобке, оно было тяжелым и немного липким. Мамин острый кухонный нож. Режу по воображаемым красным линиям, точно ребенок. Смываю кровь. Всаживаю нож глубже. Смываю кровь. Мою нож отбеливателем, крадусь на кухню, кладу его на место. «Злость». Вот облегчение. Потом весь день обрабатываю раны. Ковыряю линии букв ватной палочкой, смоченной спиртом. Глажу себя по щеке, пока боль не утихнет. Примочка. Бинт. Повторяю процедуру.

Конечно, проблема началась гораздо раньше. Проблемы всегда возникают задолго до того, как мы их замечаем. В девятилетнем возрасте я переписывала толстым карандашом, с узором в горошек, всю эпопею «Домик в прерии»^[11], слово за словом, в спиральные блокноты с ярко-зелеными обложками.

В десять лет я записывала за учителем каждое второе слово на джинсах, синей ручкой. Потом я их украдкой стирала детским шампунем, закрывшись в ванной, чувствуя себя виноватой. Слова расплывались и размазывались, и мои штаны были усеяны синими иероглифами, как будто по ним прыгала птичка с перепачканными чернилами лапками.

В одиннадцать лет я болезненно записывала все, что мне говорили, в маленький синий блокнот, уже как маленький репортер. Я должна была зафиксировать на бумаге каждую фразу, иначе казалось, что она ненастоящая и скоро ускользнет. Мне скажут: «Камилла, передай молоко», – я вижу эти слова, они висят в воздухе, и мне становится страшно, что они вот-вот растают, как след от самолета. Записанные на бумаге, слова оставались при мне. Ничего, что они потом устареют. Я была хранительницей слов. Чудачкой, скрытной, нервной школьницей, которая с бешеным фанатизмом записывала чужие слова («Господин Фини – стопроцентный гей», «Джейми Добсон – страхлюдина», «Они никогда не пьют шоколадное молоко») с почти религиозным трепетом.

Мэриан умерла в мой день рождения, когда мне исполнилось тринадцать лет. Я проснулась и побежала в ее комнату, чтобы, как всегда,

пожелать ей доброго утра, и тут увидела ее: глаза открыты, одеяло натянуто до подбородка. Помню, что я не очень удивилась. Она умирала, сколько себя помню.

Тем летом также произошли другие перемены. Я вдруг стала по-настоящему красивой. Хотя могло получиться по-всякому. Мэриан была признанной красавицей: большие голубые глаза, маленький нос, точеный подбородок. Мое же лицо до сих пор менялось, точно с каждой переменной погоды: тучи налетели – становлюсь дурнушкой, небо синее – хорошею. Но когда черты окончательно оформились – а это произошло тем же летом, когда мои трусики впервые запачкались кровью, тем же летом, когда я начала мастурбировать, неистово, как одержимая, – оказалось, что я помешана. Я влюбилась в себя и беспардонно кокетничала со своим отражением в каждом зеркале. Без зазрения совести. Тогда я начала нравиться. Я уже не была жалкой уродиной (у которой умерла сестра – как же это странно). Я была красоткой (у которой умерла сестра – как это печально). Так что я стала пользоваться успехом.

Тем же летом я начала резать себя и увлеклась этим едва ли меньше, чем своей новообретенной красотой. Мне безумно нравилось ухаживать за собой: вытру лужицу крови влажным полотенцем – и, как по волшебству, моему взгляду открывается вырезанное над пупком слово «тошно». Промокать тампоном со спиртом, оставляющим ворсинки ваты на липкой от крови коже, слово «нахально». В выпускном классе я увлеклась грязными словечками, которые позднее исправила: несколько новых порезов – и «хер» превращается в «мохер», «лобок» – в «колобок», а «клитор» – в не очень правдоподобный «свитер», особенно трудно пришлось с первой буквой: из «к» вышла очень жирная «с».

Последнее слово, которое я вырезала на себе через шестнадцать лет после того, как начала этим заниматься, было «исчезните».

Иногда я слышу, как слова перекрикиваются через мое тело. «Трусики» на плече ругают «вишни» на внутренней стороне лодыжки. «Шить» с подушечки большого пальца ноги бормочет угрозы «малышу» под левой грудью. Чтобы их угомонить, вспоминаю слово «исчезните», которое с царственным спокойствием взирает на другие слова с безопасной вершины – тыльной стороны шеи.

Только между лопаток, куда мне было не дотянуться, остался чистый островок размером с кулак.

За эти годы у меня появились своеобразные любимые шутки: «Меня можно читать, как книгу», «А может, я ходячая энциклопедия?», «У меня большой словарный запас». Смешно, правда? Я не могу смотреть на себя,

пока полностью не оденусь. Наверно, однажды схожу к хирургу – пусть посмотрит, можно ли как-нибудь разглядить мне кожу, но пока все с духом не соберусь. Вот и пью, чтобы поменьше думать о том, что я с собой сделала, и чтобы больше этого не делать. Но почти все время, пока не сплю, борюсь с желанием вырезать новые слова. И уже не коротенькие, а, например, такие, как «двусмысленность», «невразумительно» или «предательство». Но вспоминаю больницу в Иллинойсе и понимаю, что там мое писательство никто бы не оценил.

Если кого-то интересует название болезни, существует масса медицинских терминов. Мне достаточно того, что резьба по коже давала чувство защищенности. Это доказательство. Ведь эти слова я всегда могла увидеть – они не стираются. Это правда, приносящая мучительную боль, она зашифрована на мне, пусть и странным образом. Вы скажете, что идете к врачу, и мне захочется вырезать у себя на руке: «неспокойно». Скажете, что влюбились, и я почувствую, как на груди уже зудит новое слово: «трагично». Не так уж мне хотелось вылечиться, но надоело прятаться и лихорадочно, как наркоман, искать на ногах свободное место, чтобы там нацарапать «зло» или «плач». Мне помогло слово «исчезните». Нетронутой осталась шея – прекрасное место, важное; я приберегла ее для самого последнего слова. Потом я сдалась врачам и три месяца провела в больнице. Лежала в специальном отделении – для тех, кто режется; моими соседями были в основном женщины, как правило не старше двадцати пяти лет. Мне на тот момент было тридцать. Выписалась полгода назад. Нелегкое время.

Однажды меня навестил Карри, принес букет желтых роз. Прежде чем пустить его ко мне, с цветов удалили шипы. Он сказал, что их положили в пластиковые пузырьки наподобие тех, в которых раздают лекарства, и спрятали под замок, чтобы потом отдать уборщику. Пока мы сидели в комнате отдыха с закругленными углами и плюшевыми диванами и разговаривали о газете, его жене и последних событиях в Чикаго, я высматривала на нем какой-нибудь острый предмет: пряжку ремня, булавку или цепочку для часов.

«Бедная девочка, как мне тебя жалко», – сказал он, уходя, и я знала, что он не кривит душой: в его голосе слышались слезы.

Когда он ушел, почувствовала такое отвращение к себе, что меня затошнило, и я закрылась в ванной. Там я заметила винты с резиновыми шляпками за унитазом. Отковыряла шляпку у одного винта и принялась обдирать о него ладонь – «о» – до тех пор, пока санитары не выволокли меня оттуда с окровавленной рукой.

Через несколько дней моя соседка по палате покончила с собой. Как ни парадоксально, она не перерезала себе вены, а отравилась, выпив бутылку моющего средства, которую санитарка забыла убрать в шкаф. Девочка, шестнадцать лет, в прошлом чирлидер, резала себе кожу на бедрах, и долгое время никто об этом не знал. Ее родители, придя за вещами, смотрели на меня недобрым взглядом.

Депрессию часто называют черной хандрой, а мне хотелось однажды проснуться и ощутить себя ромашкой. Я думаю, что депрессия желтая, как моча. Депрессия – это бескрайнее море экскрементов – бледных, слабых, безжизненных.

Нам давали мази для успокоения кожного зуда, а также много таблеток для успокоения перевозбужденных умов. Два раза в неделю нас обыскивали, искали колющие и режущие предметы, и потом мы сидели группами, чтобы избавиться, теоретически, от гнева и ненависти к себе. Мы учились не терзать себя. Лучше винить других. За примерное поведение нам раз в месяц делали смягчающие ванны и массаж. Мы учились получать удовольствие от нежных прикосновений.

Вторым и последним моим посетителем была мама, с которой я не виделась лет пять. Она источала аромат фиалок, и у нее на запястье звенел браслет с брелоками, о котором я мечтала в детстве. Пока мы были одни, она говорила о листочках и рождественских фонариках, которые, по новому городскому закону, должны снимать до пятнадцатого января. Как только подошли врачи, она разволновалась, расплакалась и принялась со мной нежничать. Она гладила меня по голове, сетуя, что же я наделала и зачем.

Потом, как всегда, пошли воспоминания о Мэриан. Видите ли, она уже потеряла одну дочь. Это едва не свело ее в могилу. Зачем же старшая (хотя, конечно, не столь любимая) намеренно себя калечит? Я была совсем не такой, как моя покойная сестра, которой сейчас – подумать только! – было бы почти тридцать лет. Мэриан обожала жизнь, сколько бы ей ни было отведено. Господи, как же она упивалась ею. «Камилла, помнишь, как она смеялась в больнице?»

Мне не хотелось объяснять маме, что такое поведение было естественным для десятилетнего ребенка, который вряд ли понимал, что умирает. Зачем мне себя утруждать? Соперничать с мертвыми невозможно. Пора бы мне самой это понять.

Глава пятая

Утром, когда я спустилась в столовую, Алан сидел один за столом из массивного красного дерева. На нем были белые брюки, местами помятые, точно сделанные из бумаги, и бледно-зеленая рубашка, на полированной поверхности стола маячило его светлое отражение. Я демонстративно оглядела ножки стола, чтобы увидеть, из-за чего вчера поднялось столько шума. Алан сделал вид, что полностью поглощен едой. Он ел яйцо всмятку, черпая из чашечки чайной ложкой. Когда он поднял голову, с его подбородка свисала тягучая струйка желтка.

– Камилла, присаживайся. Что желаешь на завтрак? Скажи Гейле, она принесет. – Он позвонил в серебряный колокольчик, лежавший рядом.

Из смежной кухни, через вращающуюся дверь, вошла Гейла, девушка, которая десять лет назад сменила ремесло свинарки на более престижное занятие: уборку и готовку в мамином доме. Она была примерно моего роста, высокой, но весила не более пятидесяти килограммов. Белый крахмаленный халат, который она носила как рабочую форму, свободно качался на ней, точно колокол.

Вошла мама. Она прошла мимо Гейлы, поцеловала Алана в щеку и положила на стол, на белую салфетку из хлопка напротив себя, грушу.

– Гейла, ты ведь помнишь Камиллу?

– Конечно помню, миссис Креллин, – обратила она ко мне хитрое лицо. Потом улыбнулась, растянув потрескавшиеся губы в чешуйках и обнажив кривые зубы. – Привет, Камилла. Могу предложить яйца, тосты, фрукты.

– Спасибо, мне только кофе. Со сливками и с сахаром.

– Камилла, мы купили продукты специально для тебя, – сказала мама, надкусывая грушу. – Съешь хотя бы банан.

– И банан. – Гейла, недобро улыбаясь, ушла на кухню.

– Камилла, приношу тебе извинения за вчерашнее, – заговорил Алан. – У Эммы сейчас трудный возраст.

– Она очень прилипчивая, – прибавила мама. – Обычно ласковая, но иногда немножко отбивается от рук.

– Похоже, не совсем немножко, – заметила я. – Такой скандал в тринадцать лет – не шутка. Страшновато это выглядело.

Теперь чувствовалось, что я вернулась из Чикаго, – это уже явно звучало увереннее, даже нахальнее. Мне полегчало.

– Да, но ты сама была не очень-то спокойной в этом возрасте.

Я не могла понять, на что намекает мама – на резьбу по коже, плач по умершей сестре, а может, на сверхактивную половую жизнь, которую я начала тогда вести. Уточнять не стала, просто кивнула в ответ.

– Ну, надеюсь, она в порядке, – подытожила я и встала, собираясь уходить.

– Камилла, пожалуйста, останься, – сказал Алан тонким голоском, вытирая уголки рта, – расскажи о Городе ветров. Удели нам минутку.

– В Городе ветров все хорошо. Работа пока нравится, получаю хорошие отзывы.

– Отзывы на что? – Алан наклонился ко мне, скрестив руки на груди, словно считая свой вопрос вполне остроумным.

– Ну, я пишу сейчас о значительных происшествиях. В этом году уже опубликовано несколько статей о трех убийствах.

– Разве это хорошо, Камилла? – Мама перестала грызть грушу. – Никогда не пойму, откуда у тебя взялась любовь к ужасам. Кажется, ты сама уже пережила достаточно бед, чтобы где-то их искать специально. – Она рассмеялась: ее смех был высоким и легким, как воздушный шарик, уносимый ветром.

Вернулась Гейла с чашкой кофе и бананом, нелепо втиснутым в мисочку. Поставив мой завтрак на стол, она направилась к двери, и в этот же момент, как в салонной комедии, вошла Эмма. Она поцеловала маму, поздоровалась с Аланом и села напротив меня. Потом лягнула меня ногой под столом и засмеялась. «Эй, это ты?»

– Камилла, мне жаль, что вчера ты меня видела в дурном настроении, – сказала Эмма. – Мы ведь совсем друг друга не знаем. У меня сейчас трудный возраст, – она делано улыбнулась, – вот, значит, мы и снова вместе. Ты – несчастная Золушка, а я – злая сводная сестра.

– Да какая же ты злая, доченька, – возразил Алан.

– Но Камилла родилась первой. Первые всегда лучшие. Теперь, когда она вернулась, вы будете любить ее больше, чем меня? – спросила Эмма шутливо, однако, ожидая ответа, покраснела.

– Нет, – спокойно сказала Адора.

Гейла поставила перед Эммой тарелку с ветчиной, которую девочка принялась поливать медом, рисуя струйкой кружевные круги.

– Значит, вы меня любите, – продолжила Эмма и набила рот ветчиной. Смесь запахов, мяса и меда, была отвратительной. – Вот бы меня убили.

– Эмма, не говори глупостей, – сказала мама, бледнея. Ее пальцы запорхали вокруг глаз, но она немедленно положила руки на стол.

– Тогда мне больше никогда не пришлось бы переживать. После смерти многие становятся идеальными. Как принцесса Диана: теперь ее любят все.

– Эмма, ты самая популярная девочка в школе, а уж родители в тебе души не чают. Не жадничай.

Эмма еще раз пнула меня под столом и довольно улыбнулась, будто наконец получила ответ на важный вопрос. Она перекинула через плечо край своего одеяния, и я поняла, что на ней был не халат, как мне показалось сначала, а голубая простыня, искусно обернутая вокруг тела. Мама тоже это заметила.

– Во что это ты вырядилась, Эмма?

– Это рубище девы. Мы идем в лес играть. Я буду Жанной д’Арк, а подружки меня сожгут.

– Ты ничего подобного не сделаешь, дорогая, – отрезала мама, забирая банку с медом, пока Эмма не погрузила в нее ветчину. – Убиты две девочки, твои ровесницы, и ты думаешь, что я отпущу тебя в лес?

Шальные детские забавы

Вдали от всех, в лесу густом, —

вспомнилось мне начало детского стихотворения, которое я когда-то знала наизусть.

– Не беспокойся, со мной все будет в порядке, – промурлыкала Эмма со слащавой улыбкой.

– Ты останешься дома.

Эмма с силой ткнула вилкой ветчину и непристойно выругалась вполголоса. Мама повернулась ко мне, вздернув голову, и бриллиант на ее обручальном кольце сверкнул мне в глаза, как световой сигнал SOS.

– Камилла, а может, устроим что-нибудь приятное, пока ты здесь? – спросила она. – Например, пикник на лужайке за домом. Или покатаемся в кабриолете, можно съездить в Вудберри поиграть в гольф. Гейла, принеси, пожалуйста, чаю со льдом.

– Все это звучит заманчиво. Мне надо только выяснить, сколько дней я еще здесь пробуду.

– Да, нам тоже хорошо бы это знать. Хотя, конечно, ты можешь оставаться сколько пожелаешь, – сказала мама. – Но нам все же лучше знать, чтобы строить свои планы.

– Конечно. – Я откусила кусочек банана, он был безвкусный, как трава.

– Или мы с Аланом приедем в Чикаго, как-нибудь в этом году. Мы ведь никогда там не были.

Больница, в которой я лежала, расположена к югу от Чикаго, в полутора часах езды на машине. Мама прилетела в аэропорт О’Хара и оттуда доехала на такси. Это обошлось ей в 128 долларов, с чаевыми – 140.

– Это тоже было бы хорошо. У нас замечательные музеи. И озеро тебе бы понравилось.

– Не уверена, что меня теперь привлекают водоемы.

– И давно? – спросила я, догадываясь, что услышу в ответ.

– После того, как маленькую девочку, Энн Нэш, оставили в реке умирать. – Она отпила чая. – Я ведь знала ее, понимаешь.

Эмма захныкала и заерзала на стуле.

– Но ведь она не утонула, – возразила я, догадываясь, что мама, скорее всего, не потерпит возражений. – Ее задушили. Просто она умерла, когда лежала в ручье.

– И еще малышка Кин. Я очень любила их обеих. Очень. – Она в грустной задумчивости отвела взгляд, Алан накрыл ее ладонь своей. Эмма встала, взвизгнула, как щенок, и убежала по лестнице наверх.

– Бедняжка, – вздохнула мама, – ей сейчас почти так же больно, как и мне.

– Она ведь каждый день видела этих девочек. Действительно, должно быть тяжело, – нехотя проворчала я. – А ты откуда их знала?

– Уинд-Гап маленький, по-моему, нет необходимости тебе об этом напоминать. Это были милые, красивые девочки. Просто очаровательные.

– Но ведь ты не была с ними по-настоящему знакома.

– Была. Я хорошо их знала.

– Откуда?

– Камилла, перестань. Я ведь сказала тебе, что мне грустно и тревожно, а ты на меня нападаешь. Нет бы посочувствовать.

– Так что же, ты дала себе зарок избегать в будущем всех водоемов?

Мама нервно откашлялась.

– Камилла, лучше заткнись.

Она обернула остаток груши салфеткой, точно младенца пеленкой, и вышла из комнаты. Алан последовал за ней, насвистывая по своей навязчивой привычке, словно пианист, который аккомпанирует для немого фильма, чтобы придать ему больше драматичности.

С мамой происходят все беды человечества, и это меня раздражает больше всего. Она переживает за всех несчастных, даже за тех, кого никогда не встречала. Она рыдает, когда смотрит международные новости.

Видеть свидетельства человеческой жестокости ей не под силу.

После смерти Мэриан она год не выходила из своей спальни. Роскошной спальни: с кроватью под балдахином, огромной, как корабль, и туалетным столиком с множеством флаконов из матового стекла. Пол в комнате был настолько великолепным, что его фотографировали для разных журналов по интерьеру. Он был сделан из квадратных плит чистой слоновой кости, и казалось, от него исходит свет. Эта комната с декадентским полом вселяла в меня благоговейный страх, тем более что меня в нее не пускали. Раз в неделю маму навещали важные персоны – например, Трумэн Уинслоу, мэр Уинд-Гапа, – приносили ей цветы и классические романы в подарок. Пока они входили, я успевала заглянуть в спальню через дверной проем. Мама, в пеньюаре с цветочным узором, всегда полулежала в постели, опираясь спиной на подушки. Она никогда не приглашала меня к себе.

Карри ждал от меня статью через два дня, новостей было мало, а я так и не знала, что написать. Я сидела на кровати в своей комнате в делано-непринужденной позе, судорожно сжав кулаки, и напряженно думала, вспоминая все полученные сведения, пытаюсь худо-бедно связать их между собой. В августе прошлого года была похищена Энн Нэш, без свидетелей. Она просто исчезла, и через десять часов ее тело обнаружили несколькими милями дальше, в реке Фолз. Она была задушена примерно через четыре часа после похищения. Велосипед так и не нашли. Можно предположить, что похититель был ей знаком. Иначе слишком сложно увести по тихой улице упирающегося ребенка с велосипедом, не подняв шума. Может быть, она видела этого человека в церкви или он даже жил по соседству? Вероятно, он внушал ей доверие.

Но если первое убийство было совершено со всеми мерами предосторожности, то зачем было уводить Натали в дневное время, на глазах у ее друга? Непонятно. А если бы на месте Натали был Джеймс Кэписи, если бы он вышел на опушку леса, вместо того чтобы играть на солнце втайне от матери, может, убили бы его? Или преступник охотился именно за Натали Кин? Ее также продержали дольше, чем Энн: тело было найдено через два дня после исчезновения, на Главной улице, самой людной в Уинд-Гапе, в узком (тридцать сантиметров) проеме между салоном красоты и скобяной лавкой.

Что видел Джеймс Кэписи? Вспоминая его рассказ, я совсем терялась в догадках. Вряд ли он врал. Но дети переживают страх иначе, чем взрослые. Мальчик увидел чудище, и для него оно обернулось злой ведьмой из сказки, бессердечной Снежной королевой. А что, если это был

женоподобный мужчина? Трансвестит, гермафродит или, наконец, просто долговязый тип с длинными волосами? Женщины так не убивают – не бывает такого. Женщин – серийных убийц вообще можно пересчитать по пальцам, их жертвами почти всегда были мужчины, и в основном убийства совершались на сексуальной почве. Но ведь девочек не пытались изнасиловать, и это тоже никуда не вписывается.

Выбор этих девочек в качестве жертв также казался бессмысленным. Если бы не свидетельство похищения Натали Кин, можно было бы считать, что их выбрали случайно. Но если Джеймс Кэписи не сочиняет, то убийца пришел за девочкой в парк специально, и если преступнику нужна была именно она, то и Энн не была для него первым попавшимся ребенком. Ни одна из девочек не была достаточно привлекательной, чтобы стать объектом одержимой страсти. Как сказал Боб Нэш, самой красивой была Эшли. Натали была из богатой семьи, не столь давно приехавшей в Уинд-Гап. Семья Энн из низшего слоя среднего класса, и они потомственные уиндгапчане. Девочки не были подругами. Единственная связь между ними – общая злобредность, если верить Викери. И есть версия о том, что убийца приехал автостопом, предложенная Ричардом Уиллисом. Насколько она вероятна? Неподалеку отсюда проходит маршрут грузовых перевозок в Мемфис. Но приедем было бы трудно прожить в городе девять месяцев, оставаясь незамеченным, а в окрестном лесу пока никого не нашли. Там даже животных мало – их давно уже истребили охотники.

Я чувствовала, что мои мысли идут вразброд: слишком много старых предубеждений и субъективности. Мне вдруг отчаянно захотелось поговорить с Ричардом Уиллисом, приедем, который относился к происходящему как к работе: материал собрал, в папочку подшил – принимайте, готово. Задание выполнено. Мне нужно было думать так же.

Я приняла прохладную ванну в темноте. Потом, сев на бортик ванны, быстро намазала все тело маминым лосьоном. Чувствуя рубцы и припухлости на коже, внутренне сжалась.

Надела светлые хлопчатобумажные брюки и рубашку с высокой горловиной и длинными рукавами. Потом причесалась и оглядела себя в зеркало. Если не знать о том, какое уродство скрывается под одеждой, меня бы можно было назвать красивой. Лицо с правильными, гармоничными чертами, на редкость выразительное. Большие голубые глаза, высокие скулы, маленький нос. Губы полные, кончики слегка опущены вниз. На это лицо приятно смотреть, но только когда я полностью одета. Если бы все сложилось иначе, я могла бы стать сердцеедкой, флиртовать с интересными мужчинами, выйти замуж.

Миссурийское небо за окном было, как всегда, ослепительно-синим – таким, что при одной лишь мысли о нем у меня на глаза наворачивались слезы.

* * *

Я нашла Ричарда в закусочной «У Бруссардов». Он ел вафли без сиропа, и перед ним на столе лежала стопка папок высотой почти до подбородка. Я села напротив и почему-то почувствовала себя счастливой – мне было легко, уютно и хотелось быть откровенной.

Он поднял на меня глаза и улыбнулся:

– Мисс Прикер. Хотите тостов? Угощайтесь. Каждый раз, когда прихожу сюда, прошу мне их не приносить. Бесполезно. Похоже, хозяевам просто некуда их девать.

Я взяла тост с кусочком масла в форме цветка, сделала бутерброд. Хлеб был холодным и таким жестким, что, как только я его надкусила, по столу разлетелись крошки. Смела их рукой под тарелку и сразу перешла к делу.

– Послушайте, Ричард. Поговорите со мной. Для публикации или нет. Я совсем запуталась. Мне не хватает объективности.

Он похлопал папки и потряс желтым блокнотом.

– У меня объективности сколько угодно, по крайней мере начиная с тысяча девятьсот двадцать седьмого года. А что случилось с более ранними документами, неизвестно. Может, какая-нибудь секретарша выбросила, когда наводила порядок.

– С какими документами?

– Я собираю криминальный архив Уинд-Гапа, историю совершенных здесь преступлений, – сказал он, показывая одну папку. – Вы знали, что в тысяча девятьсот семьдесят пятом году у берега Фолз были найдены две девочки-подростка с отрезанными запястьями, совсем недалеко от того места, где нашли Энн Нэш? Их смерть была признана самоубийством. Девочки были слишком близки – не совсем нормально для своего возраста. Предполагалась интимная связь. Но нож так и не нашли. Вот что странно.

– Одна из них – Мюррей.

– Значит, вы об этом знаете.

– Незадолго до смерти она родила ребенка.

– Да, девочку.

– Убитую звали Фей Мюррей. Она училась в моей школе. Ее звали

Фей-Забей. После уроков она уходила с мальчишками в лес, и там они по очереди с ней развлекались. Ее мать покончила с собой, а Фей в шестнадцать лет трахалась со всеми парнями в школе.

– Не понимаю, к чему вы...

– Вот доказательство тому, что она не лесбиянка. Яблочко от яблоньки недалеко падает. Если бы она не давала мальчишкам, никто бы с ней не знался. Но она давала. Так что она была не лесбиянкой, а шлюхой. Никто с ней не водился. Вот что значит маленький городок: ничего от соседа не утаишь. И все используют чужие тайны.

– Чудесное место.

– Да. Дайте мне комментарий для статьи.

– Вот я вам его и дал.

Неожиданно для себя я рассмеялась. Представила себе, как передаю Карри статью, в которой написано: «Следователь полиции не знает, где искать преступника, но считает, что „Уинд-Гап – чудесное место“».

– Камилла, давайте заключим сделку. Я дам комментарий для статьи, а вы мне подробно расскажете о местных жителях. Мне нужно побольше знать о них, а Викери молчит. Похоже, он занял оборонительную позицию.

– Мне нужен официальный комментарий. Но давайте также поработаем вместе в конфиденциальном порядке. Обещаю, что без вашего разрешения в прессу не попадет ни одного вашего слова. А вы сможете пользоваться всем, что расскажу я.

Не самая справедливая сделка, но иначе никак.

– Что вы хотите услышать? – улыбнулся Ричард.

– Вы действительно считаете, что убийца не из Уинд-Гапа?

– Для прессы?

– Да.

– Мы не исключаем никаких возможностей. – Он проглотил последний кусок вафли и задумался, глядя в потолок. – Мы ищем преступника среди местного населения, но также считаем вероятным, что убийства совершил приезжий.

– То есть никаких следов вы не нашли.

Он усмехнулся и пожал плечами:

– Я все сказал.

– Ладно, теперь конфиденциально: вы не нашли никаких следов?

Он открыл и закрыл липкую бутылку с сиропом, потом положил нож и вилку крест-накрест на тарелку.

– Конфиденциально я вам скажу: Камилла, вы и вправду думаете, что эти преступления совершил какой-нибудь приезжий? Вы ведь

криминальный репортер.

– Нет, не думаю, – ответила я, почему-то сразу взволновавшись. Я старалась не смотреть на зубцы вилки, которая лежала передо мной.

– Умница.

– Викери сказал, что, по вашей версии, преступник приехал на попутных машинах.

– Ох, черт возьми. Я просто высказал предположение, когда только приехал сюда, девять месяцев назад. А он до сих пор повторяет это, чтобы выставить меня невеждой. Мы с ним не очень ладим.

– Вы подозреваете кого-нибудь определенного?

– Разрешите пригласить вас в бар на этой неделе. Расскажите мне все про ваших знакомых из Уинд-Гапа.

Он взял счет и отодвинул бутылку к стене. На ее месте остался липкий след. Я в задумчивости провела по нему пальцем, который потом поднесла ко рту. Рукав футболки приподнялся, обнажив рубцы. Пока я прятала руки под стол, Ричард поднял глаза.

* * *

Я не видела ничего зазорного в том, чтобы рассказать Ричарду все, что знаю о жителях Уинд-Гапа. Не горела желанием быть преданной своему родному городу. Здесь умерла моя сестра, и здесь я начала резаться. В этом маленьком удушливом городке каждый день приходится сталкиваться с ненавистными вам людьми, которые знают про вас слишком много. Жизнь здесь оставляет свой отпечаток.

Хотя, как могло показаться со стороны, со мной здесь обращались лучше некуда. Все благодаря маме. В Уинд-Гапе ее любили, она была украшением города – самой красивой и обаятельной женщиной за всю его историю. Мои бабушка с дедушкой, ее родители, владельцы свинофермы и половины близлежащих домов, воспитывали маму в строгости; к ней применялись те же правила, что и к рабочим: не пить, не курить, не сквернословить; посещение церкви обязательно. Я могу лишь догадываться, как им стало плохо, когда они узнали, что семнадцатилетняя Адора беременна. Виновником был юноша из Кентукки, с которым мама познакомилась в церковном лагере, – как-то он приехал на Рождество и наградил ее мной. Мамины родители были так разъярены, что, пока у нее рос живот, у них развились опухоли, и через несколько месяцев после моего рождения оба сошли в могилу.

У дедушки с бабушкой были друзья в Теннесси; и, когда я еще была в пеленках, их сын стал свататься к Адоре. Приходил в гости едва ли не каждый выходной. Представляю, каким неловким было его ухаживание. Алан, накрахмаленный и отутюженный, распинается на тему погоды. Мама, которая теперь осталась одна, впервые в жизни без внимания и заботы, и хочет найти достойного жениха, смеется над его... шутками? Не уверена, что Алан когда-либо в жизни шутил, но мама наверняка находила повод, чтобы кокетливо похихикать для его удовольствия. А где в это время была я? Наверное, в какой-нибудь дальней комнате, хныкала на руках горничной, которой Адора даст потом за труды долларов пять. Представляю, как Алан делал маме предложение, отвернув лицо в сторону или теребя цветок в горшке, чтобы только не смотреть ей в глаза. Мама любезно согласилась, потом налила чай. Может быть, потом они сухо поцеловались.

Как бы то ни было, к тому времени, когда я научилась говорить, они были женаты. Я не знаю почти ничего о своем настоящем отце. В моем свидетельстве о рождении стоит вымышленное имя, Ньюман Кеннеди, одновременно в честь маминого любимого актера и президента. Она отказалась назвать мне его настоящее имя, чтобы я его не искала. Нет: я должна была считаться дочерью Алана. Это было нелегко, потому что вскоре, через восемь месяцев после свадьбы, она родила ребенка от Алана. Ей было двадцать лет, ему тридцать пять; у него было фамильное состояние, что ее абсолютно не волновало, – своего было достаточно. Оба никогда в жизни не работали. За все дальнейшие годы я узнала об Алане мало нового. Он занимался конным спортом и имел награды, но бросил его, потому что Адоре это не нравилось: она вечно волновалась за мужа. Он часто болеет, но даже когда здоров, редко встает с дивана. Много читает о Гражданской войне, а разговаривает в основном мама, и его это, кажется, устраивает. Он спокойный, как слон, и очень поверхностный. Впрочем, Адора никогда не пыталась способствовать углублению наших отношений. Считалось, что я дочь Алана, но он меня не удочерил, и мне никогда не предлагали звать его иначе как по имени. Алан не дал мне своей фамилии, а я об этом и не просила. Помню, в детстве как-то раз пыталась назвать его папой, но он впал в ступор, и больше я его так не звала. Честно сказать, думаю, Адора сама хочет, чтобы мы оставались друг другу чужими. Ей надо, чтобы все отношения в семье шли через нее.

Так вот, родилась у них дочь. Мэриан была славной, но очень болезненной. Она с рождения страдала пороком дыхательной системы, ночами задыхалась, и тогда ее лицо покрывалось пятнами и серело. Я

слышала ее сиплое дыхание с другого конца коридора – ее спальня находилась рядом с маминной, но далеко от моей. Загорался свет, слышалось ласковое воркование, иногда плач или крики. Потом – поездка в больницу в Вудберри, в двадцати пяти милях от Уинд-Гапа. Все это происходило регулярно. Потом у нее разладилась пищеварительная система, и она сидела на больничной койке, установленной в комнате, что-то шепча своим куклам, пока мама кормила ее через капельницу и зонд.

За эти годы мама выщипала себе все ресницы. Она дергала их постоянно. На столах после нее всегда оставалась кучка тонких волосков. Я про себя называла их волшебными гнездышками. Помню, как я сняла две длинные белые ресницы, приставшие к моей ноге, и долгое время хранила их у себя в кровати, рядом с подушкой. Ночью я водила ими по щекам и губам, пока однажды они не потерялись.

Смерть сестры была для меня не только горем, но и облегчением. Думаю, она родилась слабой, недостаточно сформированной, неспособной вынести тяготы жизни. Друзья утешали маму, говоря ей, что Мэриан, вознесясь на небеса, обрела покой, но мама оставалась безутешной. Она и сейчас любит упиваться горем, это ее хобби.

* * *

Мне не хотелось садиться в машину – блекло-голубую, загаженную птицами, с кожаными сиденьями, наверняка нагретыми на солнце, – поэтому я решила пройтись пешком. Я пошла по Главной улице, мимо магазина домашней птицы, куда завозили свежих цыплят с арканзасских птицебоен. Запах свежатины ударил в нос. В витрине висело с полтора десятка бесстыдно голых тушек, под которыми валялись несколько белых перьев.

Ближе к концу улицы, где мы нашли Натали в ее импровизированном склепе, я увидела Эмму с тремя подругами. Они перебирали воздушные шарики и сувениры, которые лежали теперь на этом месте. Точнее, три подруги караулили, а моя сестра тем временем забрала две свечи, букет цветов и плюшевого мишку. Девочки положили все это в большую сумку Эммы, только мишка, который туда не поместился, остался у Эммы в руках. Потом подруги, взяв друг друга под руки, вприпрыжку побежали ко мне, вернее сказать, прямо на меня и, подбежав вплотную, остановились. От них пахло крепкими духами – видимо, из пробников, которые прилагаются к журналам.

– Ты видела, как мы это сделали? Напишешь об этом в газете? – с хохотом прокричала Эмма. От ее прежнего кислого настроения не осталось и следа. Детские истерики – наподобие той, что она закатила по поводу кукольного домика, – явно были припасены только для родителей. Так же как и клетчатый сарафан. Теперь на ней была мини-юбка, сандалии на платформе и топик. – Если да, то запиши правильно мое имя: Эмити Адора Креллин. Девчонки, это... моя сестра. Из Чикаго. Мамина *побочная дочь*. – Эмма повела на меня бровями, и девочки захихикали. – Камилла, это мои за-ме-ча-а-а-ательные подруги, но ты о них не пиши. Лидер тут я.

– Она лидер, потому что громче всех кричит, – хрипло заметила маленькая девочка с волосами медового цвета.

– И у нее грудь самая большая, – сказала другая, с золотистыми волосами.

Третья, рыжеватая блондинка, схватила Эмму за грудь и сдавила ее.

– Тут половина объема от прокладки!

– Отвали, Джоудс, – прикрикнула Эмма, точно дрессируя кошку, и дала ей пощечину. Лицо девочки пошло красными пятнами, и она прошептала: «Прости».

– А все-таки, сестра, зачем ты этим занимаешься? – спросила Эмма, разглядывая медвежонка. – Какой интерес писать о девочках, которых при жизни никто не замечал? Как умерли – так сразу и прославились.

Две подружки делано рассмеялись, третья все еще стояла, понуриив голову. На тротуар капнула слеза.

Такие провокационные девчоночьи разговоры были мне знакомы. Для Эммы это было муштрой своих подданных. Мне это отчасти нравилось, но ее грубое неуважение – нет, и хотелось вступить за Натали и Энн. Честно говоря, я также испытывала ревность. Оказывается, среднее имя Эммы – Адора?

– Ей-богу, Адора была бы не слишком довольна, если бы узнала из газеты, что ее дочь украла вещи, оставленные в честь памяти ее школьной знакомой, – предположила я.

– Знакомой, вот именно – не подруги же, – сказала высокая девочка и посмотрела на приятельниц, ожидая их поддержки: мол, докажите этой тетке, что она тупая.

– Ох, Камилла, да мы просто шутим, – вздохнула Эмма. – Мне очень жаль погибших девочек. Они были хорошими. Просто странными.

– Очень странными, – вторила ей подруга.

– Девчонки, представляете, если он убивает всех ненормальных? – хохотнула Эмма. – Вот было бы здорово.

Плачущая девочка в ответ на это подняла голову и улыбнулась. Эмма подчеркнуто ее не замечала.

– Он? – спросила я.

– Все знают, кто это сделал, – ответила хриплоголосая блондинка.

– Брат Натали. Ненормальные обитают семьями, – заявила Эмма.

– Он помешан на маленьких девочках, – мрачно произнесла Джоудс.

– Он постоянно заговаривает со мной, под разными предлогами, – сказала Эмма. – По крайней мере, теперь я знаю, что меня он не убьет. Очень хорошо.

Она послала воздушный поцелуй, вручила мишку Джоудс, обняла других девочек и двинулась вперед, задев на ходу меня и фамильярно промычав «звиняюсь». Джоудс поплелась позади всех. В ехидности Эммы я уловила долю отчаяния и негодования. То же прозвучало в ее словах за завтраком: «Жаль, что меня не убили». Эмма не хотела, чтобы кому-то уделяли больше внимания, чем ей. Уж тем более девочкам, которые при жизни были неконкурентоспособными.

* * *

Около полуночи я позвонила Карри домой. Карри добирается в наш пригородный офис за полтора часа. Его дом, доставшийся ему от родителей, находится в Саут-Сайде, в ирландском анклавe Маунт-Гринвуд, населенном рабочими. Он живет с женой Эйлин, детей у них нет. Они и не хотели никогда их заводить, всегда ворчит Карри, но я замечала, как он смотрит на детей сотрудников – прямо глазами поедает всех карапузов, которые ему встречаются, и какое внимание уделяет малышам в тех редких случаях, когда родители приводят их в офис. Карри и Эйлин женились поздно. Думаю, зачать ребенка им не удалось.

Карри познакомился с Эйлин, рыжеволосой веснушчатой женщиной с красивой фигурой, на близлежащей автомойке, когда ему было сорок два года. Потом оказалось, что она троюродная сестра его лучшего друга детства. Через три месяца после знакомства они поженились. Вместе живут двадцать два года. Мне нравится, что Карри рассказывает об этом с удовольствием.

Эйлин ответила по телефону добродушным голосом – мне этого как раз не хватало. «Конечно, мы еще не спим», – рассмеялась она. Карри собирал пазл из 4500 частей, которые заняли всю гостиную, и она дала ему неделю на завершение картинки.

Потом послышался громкий голос Карри; мне даже показалось, что я чувствую запах табака.

– Прикер, милая моя, как дела? Ты в порядке?

– У меня-то все нормально. Но дела идут медленно. Только сейчас удалось получить официальный отчет полиции.

– И какой он?

– Преступника ищут во всех направлениях.

– Тьфу. Это бред. Надо узнать больше. Выясняй. Ты разговаривала с родителями еще?

– Нет пока.

– Поговори с ними. Если не сможешь ничего выяснить о преступнике, пусть расскажут о жизни девочек. Это ведь не сухой полицейский отчет, а материал для широкой публики. Поговори с другими родителями, у них могут быть свои версии. Спроси, принимают ли они теперь особые меры предосторожности. Поговори с изготовителями замков и продавцами оружия, возможно, у них прибавилось заказов. Побеседуй со священником, с учителями. Можно и с дантистом: выясни, насколько трудно вытащить столько зубов, каким инструментом это можно сделать, требуется ли для этого какой-то опыт. Возможно, дети что-то вспомнят. Пусть будут голоса, пусть будут лица. Напиши к воскресенью статью на весь разворот; давай как следует поработаем, пока этой историей не занялись конкуренты.

Я сначала записывала его инструкции в блокнот, потом бросила писать и слушала, стараясь их запомнить, тем временем обводя фломастером шрамы на правой руке.

– Вы хотите сказать, пока не произошло еще одно убийство.

– Если полиции известно немногим больше того, что они говорят тебе, то да. Он будет убивать еще. После двух этот парень не остановится – так не бывает, когда убийства имеют столь ритуальный характер.

Карри ничего не знает о настоящих ритуальных убийствах, но он запоем читает полицейские романы, в неделю по несколько книжек, дешевых, в пожелтевших глянцевого обложках, которые покупает в ближайшем букинистическом магазине. «Две штуки за доллар – вот развлечение что надо, Прикер».

– Ну как, мальш, что говорят в полиции? Считают ли они, что убийства совершил кто-то из местных?

Похоже, Карри нравилось меня так называть, я была новичком и вместе с тем его любимицей. Он всегда произносил это слово с легкой усмешкой, словно оно не совсем приличное. Я представила, как он сидит в гостинице и вглядывается в кусочки пазла, а Эллин быстро затягивается его

сигаретой, пока готовит обед – перемешивает салат из тунца со сладкими маринованными огурчиками. Карри ест его три раза в неделю.

– Неофициально говорят, что да.

– Черт возьми, добейся того, чтобы заявили об этом официально. Нам это нужно. Это было бы хорошо.

– Есть и кое-что странное, Карри. Я разговаривала с одним мальчиком, который сказал, что видел, как похитили Натали. Говорит, это была женщина.

– Женщина? Этого не может быть. А что считают в полиции?

– Они отказываются комментировать.

– Кто этот ребенок?

– Сын работницы свинофермы. Милый парнишка. Кажется, он всерьез напуган, Карри.

– В полиции ему не верят, иначе ты бы об этом уже знала.

– Честно говоря, не знаю. Они там не очень разговорчивы.

– Боже мой, Прикер, разговори их. Добудь какой-нибудь официальный комментарий.

– Легко сказать. Чувствую, что мне только мешает то, что я здесь выросла. Они обижаются, думая, что я вернулась домой за тем, чтобы шпионить.

– Постарайся им понравиться. Ты ведь очень приятный человек. И мама за тебя поручится.

– Мама тоже не очень-то мне рада.

Тишина в трубке, потом вздох, от которого у меня загудело в ушах. Моя правая рука, испещренная синими линиями, была похожа на дорожную карту.

– Прикер, ты в порядке? О себе заботишься?

Я молчала. Мне вдруг показалось, что я вот-вот заплачу.

– Я в порядке. Со мной здесь делается что-то не то. Мне здесь... не по себе.

– Держись, дорогая. У тебя все получится. Все будет хорошо. А если будет нехорошо, звони мне. Я тебе помогу.

– Ладно, Карри.

– Эйлин просит тебя быть осторожной. Черт, я и сам скажу: будь осторожна.

Глава шестая

Бары в маленьких городках обычно рассчитаны на определенного потребителя. Есть городки с дешевыми барами на окраине, хозяева которых немного чувствуют себя изгоями; в других городках имеются бары высокого класса, где продают коктейли и стакан джина «Рики»^[12] стоит так дорого, что небогатые люди вынуждены пить дома. Существуют городки с барами среднего класса, которые находятся в стрип-моллах, пиво там подают с «цветущим луком»^[13] и сэндвичами с прелестными названиями.

К счастью, в Уинд-Гапе пьют все, поэтому у нас каждый может найти бар по душе. Хоть город и маленький, но мы перепьем кого угодно. Ближним к маминому дому питейным заведением была «стеклянная коробочка», специализирующаяся на салатах и винных коктейлях, – единственная в Уинд-Гапе высококлассная закусовая. Приближалось время обеда. Вспоминать о яйцах всмятку, которые ел Алан, мне было противно, поэтому я отправилась в ресторан La Mère. Французский я учила только в школе, но догадываюсь, что, судя по явно морской специализации ресторана, хозяева хотели его назвать La Mer – «море», а не La Mère – «мать». И все же название было подходящим, ведь туда часто ходила моя мать, а также ее подруги. Им там особенно нравился салат «Цезарь» с курицей, хоть он и не французский и не морской, – впрочем, это всего лишь мое скромное мнение.

– Камилла!

С другого конца зала ко мне подбежала блондинка в теннисном костюме; на шее – сверкающие золотые ожерелья, на пальцах – массивные кольца. Это лучшая подруга Адоры, Аннабель Гэссе, урожденная Андерсон, по кличке Энни-Б. Всем было известно, что Аннабель терпеть не может фамилию мужа, – она даже произносила ее, наморщив нос. Ей и в голову никогда не приходило, что при замужестве она могла ее не брать.

– Привет, душечка! Твоя мама мне уже сказала о твоём приезде.

Не то что Джеки О’Нил – ее, бедняжку, Адора от себя отстраняет, – которую я тоже заметила за столом: она и сейчас выглядела такой же пьяненькой, как на похоронах. Аннабель расцеловала меня в щеки и, отступив на шаг, оглядела с головы до ног.

– Все такая же, хорошенькая-прехорошенькая. Присаживайся к нам. Мы тут пьем вино и болтаем. Омолодишь нашу компанию.

Аннабель повела меня к столу, где сидела Джеки с двумя другими

загорелыми блондинками. Она что-то рассказывала им заплетающимся языком про свою новую спальню и даже не умолкла, пока Аннабель нас знакомила, потом резко повернулась ко мне, опрокинув стакан с водой на столе.

– Камилла! Ты здесь? Я так рада снова видеть тебя, милочка. – Она казалась искренней. От нее опять запахло «Джуси фрукт».

– Она здесь уже пять минут, – заметила одна из ее собеседниц, смахивая на пол воду со льдом загорелой ладонью. На ее пальцах сверкнули два бриллианта.

– Да, я знаю. Ты приехала сюда, чтобы написать об убийствах, дрянная девчонка, – продолжила Джеки. – Адоре наверняка это не нравится. Спишь в ее доме, а у са мой в голове всякие гадости.

Двадцать лет назад ее улыбка, должно быть, была веселой. Сейчас она казалась слегка безумной.

– Джеки! – с укоризной сказала вторая блондинка, выпучив на нее яркие глаза.

– Мы все спали в этом доме с гадостями на уме, пока он принадлежал Джойе. К Адоре он перешел потом. Дом тот же, только владелица другая. Хоть и тоже чокнутая, – сказала она, проводя пальцами у себя за ушами. Видимо, там остались швы от подтяжки лица.

– Камилла, ты ведь никогда не видела свою бабушку Джойю? – вкрадчиво спросила Аннабель.

– У-у-у, милочка моя! Та еще тетка была. Жуткая, просто жуткая!

– Чем это жуткая? – удивилась я.

Такого я про бабушку не слышала. Адора говорила, что она была строгой, но больше почти ничего про нее не рассказывала.

– Да Джеки преувеличивает, – сказала Аннабель. – В подростковом возрасте с мамой никто не ладит. А вскоре после того, как Адора окончила школу, Джойя умерла. Им некогда было наладить взрослые отношения.

У меня в душе вспыхнула маленькая искорка надежды: может, поэтому мы с мамой никогда не были близки – у нее не было опыта. Но искра погасла, пока Аннабель подливала мне в бокал вина.

– Ты права, Аннабель, – сказала Джеки. – Я уверена, что, если бы сейчас Джойя была жива, все продолжалось бы в том же духе, если не хуже. Во всяком случае, она бы не изменилась. Она бы с удовольствием вцепилась в Камиллу. Помните ее длинные-предлинные ногти? Она никогда их не красила. Мне всегда казалось это странным.

– Давайте сменим тему, – улыбнулась Аннабель; каждое ее слово звучало мелодично, как звон серебряного колокольчика.

– У Камиллы, наверно, очень интересная работа, – послушно сказала одна блондинка.

– Особенно сейчас, – прибавила другая.

– Да, Камилла, скажи, кто это сделал, – легкомысленно проговорила Джеки.

Она снова хитро улыбнулась, выкатила карие круглые глаза, потом их закрыла. Натянутая кожа на лице с лопнувшими капиллярами делала ее похожей на ожившую куклу-чревовещателя.

Мне надо было сделать несколько звонков, но я решила, что остаться здесь будет интереснее. Квартет скучающих домохозяек, стервозных и пьяных, которые собирают все сплетни в Уинд-Гапе, – для меня это, можно сказать, бизнес-ланч.

– Вообще-то, мне хотелось бы знать, что вы сами об этом думаете, – сказала я, догадываясь, что такое им говорят нечасто.

Джеки обмакнула хлеб в салатный соус, который тут же закапал ей на одежду.

– Ну, мое мнение вам известно. Это папа Энн, Боб Нэш. Он извращенец. Каждый раз, когда я встречаю его в магазине, он пялится на мою грудь.

– Уж такая грудь! – улыбнулась Аннабель, шутливо подталкивая меня локтем.

– Seriously, он ведет себя просто неприлично. Я собираюсь сказать об этом Стиву.

– У меня потрясающая новость, – сообщила четвертая блондинка, то ли Дана, то ли Диана. Аннабель недавно представила ее, но имя тут же выскочило у меня из головы.

– О, Ди-Анна всегда знает что-то сенсационное, Камилла, – сказала Аннабель, сжимая мне руку. Ди-Анна помолчала для большего эффекта, откашлялась, налила себе вина и, подняв бокал, посмотрела на нас.

– Джон Кин уехал из родительского дома, – объявила она.

– Что? – переспросила одна блондинка.

– Ты шу-у-у-утишь! – воскликнула другая.

– Ну и ну! – выдохнула третья.

– И переехал он... – протянула Ди-Анна, торжественно улыбаясь, как ведущая телеигры, прежде чем вручить приз, – к Джулии Уилер. Вместе со своим передвижным домом.

– Великолепно! – воскликнула то ли Мелисса, то ли Мелинда.

– Ну, вы знаете, теперь они этим занимаются, – засмеялась Аннабель. – Мередит уже никак не сможет сохранить репутацию юной мисс

Совершенство. Видишь ли, Камилла, – она повернулась ко мне, – Джон Кин – старший брат Натали. Когда их семья приехала сюда, весь город начал сходиться по нему с ума. Это великолепный юноша. Просто великолепный. Джулия Уилер дружит с твоей мамой и с нами тоже. У нее детей не было лет до тридцати, а когда она родила, то стала просто невыносимой. У такой мамы ребенок и оступиться не может. Поэтому, когда Мередит, ее дочь, сошлась с Джоном – о господи, столько было шума, – мы думали, этому конца не будет. Мередит, круглая отличница, девственница, встречается с Большим Джоном в кампусе. Но парень в этом возрасте не будет гулять с девушкой, если она ему не дает. Такого просто быть не может. А теперь они очень удобно устроились. Надо бы нам достать «мыльницы» и прикрепить их к машине Джулии на лобовое стекло.

– Да знаете, как все это будет выставлено, – перебила ее Джеки. – Мол, они приютили Джона по доброте душевной, чтобы его оставили в покое, пока он горюет.

– А зачем же он уехал из дома? – спросила Мелисса-Мелинда, которая, как мне стало казаться, была самой здравомыслящей из всех. – Не лучше ли ему было бы пережить это трудное время со своими родными? И почему его надо оставить в покое?

– Потому что он убийца, – заявила Ди-Анна, и вся компания рассмеялась.

– Представляете, если Мередит Уилер живет с серийным убийцей? По моему, прелестно, – сказала Джеки.

Но смех вдруг прекратился. Аннабель громко икнула и посмотрела на часы. Джеки, которая сидела, упершись подбородком в руку, вздохнула так сильно, что хлебные крошки на ее тарелке едва не разлетелись.

– Все-таки не верится, что здесь такое могло случиться, – произнесла Ди-Анна, разглядывая ногти. – Здесь, в этом городке, где прошло наше детство, вдруг убивают детей... Как вспомню об этом – мне плохо становится. Просто очень нехорошо.

– Какое счастье, мои дочери уже взрослые, – сказала Аннабель. – Мне кажется, я бы этого просто не вынесла. Бедная Адора, представляю, как она теперь боится за Эмму.

Я решила воспользоваться переменой настроения и быстренько перевести разговор на другую тему.

– Люди действительно думают, что Джон Кин может иметь к этому отношение? Или это просто гадкие сплетни? – Последние слова прозвучали зло. Я забыла, что эти женщины могут со света сжить того, кто им не

нравится. – Просто вчера я разговаривала с девочками лет тринадцати-четырнадцати, и они мне сказали то же самое.

Я подумала, что лучше не уточнять, что одной из них была моя сестра.

– Наверное, это были четыре светлоголовые нахалки, которые считают себя красивее, чем есть на самом деле? – спросила Джеки.

– Джеки, дорогуша, ты хоть понимаешь, кому ты это говоришь? – упрекнула подругу Мелисса-Мелинда, хлопая ее по плечу.

– Черт. Вечно забываю, что Эмма и Камилла даже какие-то родственницы – разные поколения, понимаете? – улыбнулась Джеки.

За ее спиной раздался громкий хлопок, и она подала официанту бокал, даже не оглянувшись на него.

– Камилла, открою тебе глаза: твоя малышка Эмма – ребенок о-о-очень трудный.

– Я слышала, они ходят на все вечеринки старшеклассников, – подхватила Ди-Анна. – С парнями гуляют напропалую. Делают то, чем мы стали заниматься только в зрелом возрасте, когда вышли замуж, да и то только за хорошенькие драгоценные безделушки. – Она покрутила бриллиантовый теннисный браслет на руке.

Подруги засмеялись; Джеки даже стукнула обоими кулаками по столу, как ребенок, зашедшийся в истерике.

– Но...

– Не знаю, правда ли, что люди считают Джона убийцей. Но знаю, что с ним беседовали в полиции, – сказала Аннабель. – Странное семейство, что и говорить.

– А я думала, вы с ними дружите, – удивилась я. – Вы ведь были у них дома на поминках.

«Вот сучки», – мысленно прибавила я.

– Тогда у них собрались все важные люди Уинд-Гапа, – сказала Ди-Анна. – Не могли же мы пропустить это событие. – Она снова засмеялась, но Джеки и Аннабель кивнули с серьезным видом. Мелисса-Мелинда оглядела ресторан, словно ей хотелось пересесть за другой стол.

– Где твоя мама? – неожиданно спросила Аннабель. – Пришла бы она сюда. Ей бы полегчало. Она стала такой странной с тех пор, как все это началось.

– Она и раньше была странной, – заметила Джеки, поднося руку ко рту. Похоже, ее тошнило.

– Ой, Джеки, не надо.

– Seriously, Камилла, позволь сказать: твоя мама сейчас такая странная, что лучше бы тебе вернуться в Чикаго.

Полубезумное выражение исчезло. Ее лицо было вполне серьезным. Даже искренне обеспокоенным. Я снова почувствовала к ней симпатию.

– Правда, Камилла...

– Джеки, заткнись, – прервала ее Аннабель и с силой запустила ей в лицо булочку, которая, отскочив от носа, упала на стол.

Глупая выходка наподобие той, что устроил Ди, бросив в меня теннисный мяч, – не так поражает удар, как то, что это произошло вообще. Джеки в ответ только отмахнулась и продолжила:

– Что хочу, то и говорю, а скажу я вот что: Адора может причинить вред...

Аннабель встала, подошла к Джеки сбоку и потянула ее за руку.

– Джеки, тебе нужно облегчиться, – сказала она ласково, но с ноткой угрозы. – Ты перепила, и тебя может стошнить. Пойдем, я провожу тебя в дамскую комнату, тебе потом станет легче.

Джеки сначала шлепнула ее по руке, но Аннабель только сильнее вцепилась в нее, и они ушли, покачиваясь. За столом воцарилась тишина. Я сидела, растерянно открыв рот.

– Ничего страшного, – сказала Ди-Анна. – Мы, старушки, иногда деремся не хуже маленьких девочек. Кстати, Камилла, ты слышала о том, что у нас, может быть, откроют магазин «Гэп»?

* * *

«Твоя мама сейчас такая странная, что лучше бы тебе вернуться в Чикаго».

Слова Джеки не выходили у меня из головы. Нужны ли еще другие предостережения, чтобы уехать из Уинд-Гапа? Интересно было бы узнать, из-за чего она поссорилась с Адорой. Вряд ли из-за неотправленной открытки, – видимо, там что-то посерьезнее. Я мысленно записала в ежедневник: заехать к Джеки, когда она про трезвеет. Если она вообще бывает трезвой. Впрочем, я не из тех, кто косо смотрит на пьяных.

Я сама была еще подшофе, но все же зашла в круглосуточный магазин и оттуда набрала номер Нэш. Ответила девочка; дрожащим голоском сказала «алло» – и тут же умолкла. Я слышала ее дыхание в трубке, но на просьбу позвать к телефону маму или папу ответа не последовало. Потом медленный, будто нерешительный щелчок и короткие гудки. Я решила действовать на удачу – самой отправиться к ним домой.

У дома Нэш стоял квадратный мини-фургон, рядом ржавый желтый

«понтиак». Это значило, что Боб и Бетси Нэш, скорее всего, дома. Дверь открыла старшая дочь, когда я спросила, дома ли родители, она ничего не ответила и осталась стоять за сетчатой дверью, глядя мне в живот. В семье Нэш все были маленькими. Я знала, что этой девочке, Эшли, двенадцать лет, но она выглядела несколько моложе своего возраста, как и тот мальчик, с которым я разговаривала здесь в прошлый раз. Она вела себя соответственно: стояла, засунув прядь волос в рот, и даже глазом не моргнула, когда мимо прошел малыш Бобби и при виде меня захныкал, потом завыл. Через минуту к двери подошла Бетси Нэш и, казалось, так же оторопела, как ее дети, а когда я представилась, смутилась.

– В Уинд-Гапе нет ежедневной газеты, – сказала она.

– Верно, я репортер «Чикаго дейли пост», – пояснила я. – Из штата Иллинойс.

– Ну, подпиской на газеты занимается мой муж, – сказала она, поглаживая белокурую голову сына.

– Я не предлагаю подписку и ничего не продаю... Скажите, дома ли господин Нэш? Могу ли я с ним поговорить? Это ненадолго.

Мать с детьми ушли, все скопом, и через несколько ми нут появился Боб Нэш. Пригласив меня пройти в дом, он стал сбрасывать с дивана белье, чтобы освободить мне место.

– Черт возьми, здесь настоящая свалка, – громко проворчал он в сторону жены. – Прошу прощения за беспорядок, мисс Прикер. У нас все пошло вразброд с тех пор, как не стало Энн.

– Ничего, не беспокойтесь, – отозвалась я, вытаскивая из-под себя детские трусики. – Я сама все время так живу.

Это было чистойшей ложью. Я унаследовала от мамы маниакальную чистоплотность. Разве что носки не глажу. Вернувшись из больницы, я некоторое время даже увлекалась кипячением: кипятила щипцы для бровей и для завивки ресниц, заколки, зубные щетки, просто ради удовольствия. В конце концов щипцы пришлось выбросить. Уж слишком много я думала по ночам об их теплых блестящих кончиках. Воистину дрянная девчонка.

Я надеялась, что Бетси Нэш исчезнет, в буквальном смысле слова. Она была такой хрупкой, что казалось, она вот-вот испарится и от нее останется лишь липкое пятно на диване. Но она не уходила и все посматривала то на меня, то на мужа, даже пока мы молчали, собираясь с мыслями. Словно боялась, что без нее разговор так и не начнется. Дети тоже маячили рядом, как маленькие белоголовые привидения, то ли скучающие, то ли отупевшие. Миловидная девочка, впрочем, была еще ничего, но ее младшая сестра, которая сейчас оторопело вошла за ней в комнату, похожа на

поросенка и вряд ли станет секс-дивой – уж очень любит пирожные. Мальчик же напоминает тех хмурых скучающих парней, которых я видела при въезде в город, – вероятно, будет потом пить где-нибудь на автозаправке.

– Господин Нэш, я хотела бы узнать некоторые подробности о жизни Энн, для новой статьи, – начала я. – Вы мне уже кое-что рассказали, за что я вам признательна, но хотелось бы услышать больше.

– Что же, я не против, если это поможет привлечь к ее делу внимание общественности, – сказал он. – Что вы хотите знать?

– Во что она играла, какие блюда любила больше всего? Как бы вы охарактеризовали ее в двух словах? Была ли она лидером или ведомой? Много ли у нее было друзей или только несколько самых близких? Любила ли она школу? Чем занималась по выходным?

Родители Нэш молча смотрели на меня.

– Это для начала, – улыбнулась я.

– В этом лучше разбирается жена, – ответил Боб Нэш. – Детьми занимается она... в основном.

Он повернулся к Бетси, которая машинально складывала и разворачивала платье на коленях.

– Она любила пиццу и рыбные палочки, – сказала она. – Ладила со многими девочками, а дружила с несколькими; вы понимаете разницу. И много играла одна.

– Мама, посмотри, Барби нужна одежда, – сказала Эшли, суя матери под нос голую куклу. Реакции не последовало, тогда она бросила игрушку на пол и стала неуклюже кружиться по комнате, изображая балерину. Пользуясь редкой возможностью, Тиффани налетела на Барби и принялась крутить ее загорелые резиновые ноги.

– С характером была девочка, самая бойкая из всех моих детей, – продолжил Боб Нэш. – Ей бы мальчишкой родиться, играла бы в футбол. Она то и дело падала, просто потому, что носилась как оголтелая, и всегда ходила в ссадинах и синяках.

– Энн была моим «голосом», – тихо сказала Бетси и замолчала.

– Как это, миссис Нэш?

– Любила поговорить. Рассказывала все, что ей приходит на ум. Подобному. Как правило. – Она снова замолчала – по всей видимости, задумалась, и я не стала ее подгонять. – Знаете, я считала, что она когда-нибудь станет адвокатом или, например, спикером школьного парламента, потому что она... никогда не взвешивала свои слова. В отличие от меня. Мне постоянно кажется глупым все, что я хочу сказать. Энн, напротив,

считала, что все ее мысли должны быть озвучены и услышаны.

– Вы спрашивали о школе, мисс Прикер, – перебил ее Боб Нэш. – Вот где разговорчивость ей вредила. Она иногда любила покомандовать, и нам не раз звонили учителя и говорили, что она дерзит одноклассникам. Бурный нрав.

– А мне кажется, что она была слишком остра на язык, – заметила Бетси Нэш.

– Да, Энн была чертовски остроумна, – кивнул Боб Нэш. – Иногда я думал, что она умнее меня. Иногда она сама считала себя умнее отца.

– Мама, посмотри на меня! – толстушка Тиффани, бездумно грызя ногу Барби, выбежала на середину комнаты и принялась кувыркаться.

Заметив, что мать обратила внимание на Тиффани, Эшли разозлилась, завизжала и сильно толкнула сестру. Потом хорошенько дернула ее за волосы. Тиффани завывала, широко открыв рот и от натуги покраснев; вслед за ней заплакал Бобби.

– Это Тиффани виновата! – крикнула Эшли и тоже захныкала.

Мой приход нарушил слабое равновесие. Многодетная семья – рассадник мелочной ревности, это я знала. Мне также было понятно, что дети Нэш ошалели оттого, что соперничали не только друг с другом, но и с погибшей сестрой. Мне было их жаль.

– Бетси, – тихо процедил Боб Нэш, приподняв брови. Она быстро схватила Бобби Дж. под мышку, одной рукой подняла с пола Тиффани, другой обняла безутешно рыдающую Эшли, и все четверо ушли.

Боб Нэш посмотрел им вслед.

– Так дочки ведут себя почти целый год, – сказал он, – как маленькие. Мне казалось, они должны хотеть поскорее стать взрослыми. С тех пор как не стало Энн, у нас все изменилось, более чем... – Он поерзал на диване. – А ведь это была настоящая личность, понимаете? Казалось бы, всего девять лет. Еще маленькая. Но Энн была личностью. Я мог догадаться, что она думает о разных вещах. Когда мы смотрели телевизор, я видел, что ей кажется смешным, а что глупым. С другими детьми так не выходит. Да что там – даже с женой так не бывает. А Энн – ее можно было почувствовать... – Боб Нэш прервался, будто потеряв голос. Он поднялся, отвернувшись от меня, прошелся вокруг дивана и встал передо мной. – Господи, как мне ее не хватает... Ну что мы без нее, к чему мы пришли? – Он обвел рукой комнату, потом махнул на дверь, из которой вышли жена с детьми. – Если к этому, то какой смысл? И еще, черт возьми, кто-то должен найти этого урода, пусть он мне объяснит: почему Энн? Я хочу знать. Я всегда думал, что с ней все будет в порядке.

Я молчала, чувствуя, как на шее бьется пульс.

– Господин Нэш, а не может ли быть, что причина кроется именно в сильной, как вы сказали, личности Энн? Возможно, что-то в ее характере натолкнуло кого-то на дурные мысли? Как вы думаете, нет ли здесь связи?

Он сразу сел, откинулся на спинку дивана, разведя руки в стороны, и старался казаться непринужденным, что говорило о том, что он насторожен.

– Кого натолкнуло на дурные мысли?

– Ну, мне известно, что Энн поссорилась с соседями. Кажется, она убила их птицу?

Боб Нэш потер глаза, посмотрел на свои ноги.

– Господи, вот сплетни разносятся. То, что это сделала Энн, не доказано. У нее с этими соседями была давнишняя вражда. Это Джон Дьюк, он живет на другой стороне улицы. Его дочери, постарше Энн, часто приставали к ней, дразнили ее. А один раз пригласили к себе поиграть. Не знаю, что случилось, но, когда Энн вернулась домой, они кричали, что она убила их чертову птицу. – Он засмеялся, пожал плечами. – Ну и ладно, если это сделала она, – дрянная была птица, крикливая.

– Вы считаете, что Энн настолько могла разозлиться?

– Только дурак злил Энн, – сказал он. – Она плохо это воспринимала. И давала отпор отнюдь не как юная барышня. Скорее по-мальчишечьи.

– Как вы считаете, была ли она знакома с убийцей?

Нэш взял с дивана розовую футболку, сложил ее в четыре раза, как платок.

– Раньше я считал, что нет. Теперь думаю, да. Мне кажется, она ушла с тем, кто был ей знаком.

– И это был мужчина или женщина? – спросила я.

– Значит, рассказ Джеймса Кэписи вы слышали?

Я кивнула.

– Ну, девочка скорее доверится человеку, похожему на ее маму.

«Это зависит от того, какая у нее мама», – подумала я.

– Я все-таки думаю, что это был мужчина. Не представляю, чтобы женщина сотворила такое... зверство, причем над девочкой. Говорят, у Джона Кина нет алиби. Может, он ненавидит маленьких девочек. Видел Натали целыми днями, и она ему надоела. Сначала убил другую озорницу, похожую на нее. А потом не выдержал и убил Натали.

– Такие ходят слухи? – спросила я.

– Думаю, да, отчасти.

Вдруг на пороге показалась Бетси Нэш. Глядя вниз, на свои колени,

сказала:

– Боб, Адора пришла.

У меня от неожиданности засосало под ложечкой.

В комнату впрорхнула мама, за ней тянулся шлейф духов, напоминающих о море. Похоже, ей здесь было комфортнее, чем госпоже Нэш. Адора обладала особым талантом – при ней всякая женщина чувствовала себя второстепенной. Бетси Нэш удалилась из гостиной, точно горничная в фильме тридцатых годов. Мама, не взглянув на меня, подошла к Бобу Нэшу.

– Боб, Бетси сказала, что у вас репортер, и я сразу поняла, что это моя дочь. Ради бога, простите. Мне очень неловко за ее вторжение.

Боб Нэш удивленно перевел взгляд с Адоры на меня:

– Это ваша дочь? Вот уж не знал.

– Понимаю. Камилла на меня не похожа.

– А почему вы мне об этом не сказали? – спросил меня Нэш.

– Я сказала вам, что родилась в Уинд-Гапе. Я же не знала, что вам может быть интересно, кто моя мать.

– Да я не сержусь, поймите меня правильно. Просто ваша мама – наш замечательный друг, – сказал он таким тоном, словно она была великодушным покровителем. – Она давала Энн уроки английского, помогала ей освоить правописание. Они были очень дружны, и Энн гордилась, что у нее взрослая подруга.

Мама села – ее юбка раскинулась по дивану, – сложила руки на коленях и посмотрела на меня, часто моргая. Она словно просила меня сохранить какую-то тайну.

– Я об этом не знала, – наконец сказала я.

Это было правдой. Я думала, что мамина скорбь по девочкам преувеличена, и не верила, что они были знакомы. А теперь меня удивляла ее скрытность. Но зачем она давала уроки Энн? Когда я училась в школе, она была в родительском совете в основном для того, чтобы общаться с другими домохозяйками, но я представить себе не могла, чтобы она вменила себе в обязанность проводить вечера с нечесаной девочкой из западного квартала. Иногда я недооценивала Адору. Возможно.

– Камилла, по-моему, тебе лучше уйти, – сказала Адора. – Я пришла сюда с дружеским визитом, а при тебе мне трудно расслабиться в последнее время.

– Я еще не закончила разговор с господином Нэшем.

– Нет, закончила. – Адора посмотрела на Нэша, ожидая его подтверждения, а он неловко улыбнулся, словно глядя на солнце.

– Может, мы поговорим в другой раз, мисс... Камилла. – У меня на бедре вдруг зажглось слово «наказывает». Я его почувствовала. Оно горело и пекло.

– Спасибо, что уделили мне время, господин Нэш. – Я быстро вышла из комнаты, не глядя на маму. Еще не дойдя до машины, я заплакала.

Глава седьмая

Как-то раз, в холодный день, когда я стояла в Чикаго на светофоре, ко мне подошел слепой, постукивая палкой. «Какие улицы здесь пересекаются?» – задал он вопрос. Я не ответила, и тогда он повернулся ко мне и спросил: «Есть здесь кто-нибудь?»

«Я здесь», – ответила я, чувствуя, что эти слова звучат на удивление успокаивающе. Когда меня охватывает паника, говорю себе вслух: «Я здесь». Ведь обычно я этого не ощущаю. Мне кажется, что если на меня подует теплый ветерок, то я исчезну навсегда – так, что и ноготка не останется. Иногда эта мысль меня утешает, иногда угнетает.

Думаю, это ощущение невесомости объясняется тем, что я так мало знаю о своем прошлом, – или, по крайней мере, так предполагали больничные психиатры. О своем отце я давно уже ничего не выясняю; при мысли о нем у меня в голове возникает обобщенный образ отца. Не могу представить себе какие-либо подробности: как он ходит в магазин за продуктами, пьет кофе по утрам, как возвращается домой, обнимает своих детей. Может быть, однажды я случайно встречу девушку, похожую на меня? В детстве я отчаянно пыталась найти явное сходство между собой и мамой – что-то общее, доказательство, что я произошла от нее. Я разглядывала маму, пока она смотрела в сторону, тайком брала фотопортреты из ее комнаты и старалась убедить себя, что у меня ее глаза. Или что какое-то сходство есть, но не в лице. Может, в линии икр или форме шеи.

Она даже никогда мне не рассказывала, как она познакомилась с Аланом. Об этом я узнала от других людей. Она не одобряла вопросов, считая их проявлением излишнего любопытства. Помню, что я была потрясена, услышав, как моя университетская подруга говорит с матерью по телефону: ее подробные рассказы и отсутствие цензуры показались мне чем-то упадническим. Она болтала всякую ерунду: о том, что она записалась на занятия и забыла – надо же, совсем забыла о том, что теперь ей надо три раза в неделю ходить на географию; причем таким довольным тоном, как малышка из детского сада, которая хвалится своим рисунком – вот посмотрите, какую я звездочку нарисовала.

Потом я видела ее маму. Она приходила к ней в гости, бегала по комнате, задавая кучу вопросов, хотя уже знала обо мне очень многое. Она привезла Элисон большую коробку английских булавок, думая, что они

могут ей пригодиться. Когда Элисон с мамой ушла обедать, я неожиданно для себя разразилась слезами. Меня потрясла эта забота и доброта. Вот, значит, какими бывают мамы – даже заботятся о том, что дочке могут понадобиться какие-то там булавки! Моя звонила раз в месяц с дежурными вопросами: какие оценки получила, как проходят занятия, не нужны ли деньги.

Не помню, чтобы я в детстве говорила Адоре, какой у меня любимый цвет или как бы я хотела назвать свою дочь, когда вырасту. Не думаю, что она знала, какое блюдо я люблю больше всего, и, конечно, я никогда не приходила к ней по утрам под бочок, когда мне снились кошмары и я просыпалась в слезах. Всегда грустно вспоминать, какой я тогда была, потому что мне и в голову не приходило, что мама может меня утешить. Она никогда не говорила, что любит меня, а я никогда этого и не думала. Она обо мне заботилась. Она мной руководила. Ах да, а еще она мне купила лосьон с витамином Е.

Некоторое время я убеждала себя, что сдержанность Адоры была ее защитной реакцией на смерть Мэриан. Но, по правде говоря, у нее всегда было больше проблем с детьми, чем ей казалось. Думаю, на самом деле она их ненавидит. В былые времена я иногда ревновала и обижалась и даже сейчас испытываю отголоски тех чувств. Хотя, возможно, ей хотелось иметь дочь. Бьюсь об заклад, что в детстве она мечтала стать матерью, нянчить малыша, вылизывать его, как кошка новорожденного котенка. К детям она испытывает подобное хищное равнодушие. Она на них бросается. Даже я была ее любимой дочкой – но только на людях. Когда траур по Мэриан закончился, она водила меня на прогулки по городу, улыбалась и заигрывала со мной, пока разговаривала со знакомыми. Но дома она сразу же закрывалась в своей комнате, и на этом наше общение заканчивалось, а я сидела, прижавшись щекой к ее двери, и вспоминала прошедший день, строя догадки, чем же могла ей не угодить.

Вспоминается один эпизод, он застрял у меня в уме, как пуля в теле, и также не дает мне покоя. С тех пор как умерла Мэриан, прошло два года. Однажды к маме пришли подруги – выпить, поговорить. Одна из них была с маленьким ребенком. Несколько часов они сюсюкались с малышом и целовали его, пачкая губной помадой, – вытрут салфеточкой и снова пачкают. Мне велели идти в свою комнату читать, но я сидела на верхней ступени лестницы и смотрела.

Наконец ребенка дали маме, и она крепко прижала его к себе. «О, как чудесно снова подержать на руках малыша!» Адора потрясла его на коленях, прошла с ним по комнате, что-то ему пошептала, а я смотрела

сверху, как сердитый божок, прижав руку к щеке, представляя, что прижимаюсь к маминому лицу.

Дамы ушли на кухню помогать убирать посуду, и в мамином поведении что-то сразу изменилось. Оставшись в гостиной с ребенком наедине, она смотрела на него почти плотоядным взглядом. Потом крепко прижала губы к его округлой, как яблочко, щеке. Приоткрыла рот, захватила зубами небольшой кусочек плоти и слегка прикусила.

Ребенок заплакал. Пока Адора его укачивала, след от укуса побледнел. Подругам она сказала, что малыш просто разнервничался. Я убежала в комнату Мэриан и спряталась под одеяло.

* * *

После встречи с мамой у родителей Нэш я снова поехала в бар «Футс». Я пью много, но никогда не напиваюсь, убеждала я себя. Мне хотелось пропустить стаканчик, только один. Я всегда считала спиртное чем-то вроде смазки, защитой от острых, колючих мыслей. Барменом был круглолицый парень, на пару лет моложе меня, с которым я училась в одной школе и которого, кажется, звали Барри, – впрочем, уверена я не была, поэтому по имени обращаться не стала. «Здравствуй еще раз», – пробормотал он и налил в большой бокал две трети бурбона, потом добавил кока-колы. «За счет заведения, – сказал он официанту с салфеткой на руке. – С красивых женщин денег не берем». Сказав это, он вдруг густо покраснел и торопливо ушел к другому концу барной стойки, якобы по срочному делу.

* * *

На обратном пути я поехала по улице Нихо, где жил кое-кто из моих друзей. Эта улица пересекала весь город, и по мере приближения к той его части, где жила Адора, становилась все уважаемей. Я увидела старый дом Кейти Лейси, перекошенный особняк, который построили ее родители, после того как снесли свой старый викторианский дом, – нам в ту пору было по десять лет.

Метрах в двухстах от меня проехала девочка на электромобиле для гольфа, украшенном наклейками с цветами. У нее были аккуратные косички, как у швейцарской девушки с коробки какао. Эмма. Значит, пока

Адора гостила у Нэш, она убежала из дома – иначе кто бы отпустил ее одну: с тех пор как убили Натали, дети на улицах Уинд-Гапа без взрослых не гуляли.

Вместо того чтобы ехать домой, она направилась на восток, где были труппы и свиноферма. Я повернула за угол и поехала за ней на предельно низкой скорости, из-за чего двигатель моей машины чуть не заглох.

Дорога постепенно спускалась вниз, и гольф-мобиль покатился так быстро, что Эммины косички полоскались на ветру. Через десять минут мы выехали за город. Высокая желтая трава и скучающие коровы. Сгорбленные, точно старики, коровники. Я остановила машину, не глуша мотор, чтобы пропустить Эмму подальше вперед, но не потерять из виду, и поехала за ней. Мы проехали мимо фермерских домов и стоящей у дороги деревянной будки, в которой сидел парень и вальяжно, как кинозвезда, курил сигарету. Вскоре потянуло навозным смрадом, и стало совсем понятно, куда мы направляемся. Еще через десять минут показались клетки со свиньями, блестящие железные коробки, похожие на пачки скобок для степлера. От визга, невыносимого, точно скрип ржавого скважинного насоса, у меня едва не заложило уши. Потом непроизвольно раздулись ноздри и заслезились глаза. Если вы когда-нибудь проходили мимо мясокомбината, то понимаете, о чем я. Вонь такая, хоть топор вешай. В ней хочется прорубить дыру, чтобы подышать. Жаль, не получается.

Эмма сразу проскочила через ворота к свинобойне. Парень в будке только помахал ей рукой. Мне же пришлось задержаться, и, пока я не произнесла волшебного слова «Адора», он меня пускать не хотел.

«Ах да, вы – взрослая дочь Адоры. Вспомнил», – сказал он.

На его бедже значилось имя – Хосе. Я окинула его внимательным взглядом: может, у него пальцев на руках не хватает? Без нужды мексиканцам не дают таких легких должностей, как сторож или контролер. Так у нас работает производство: мексиканцы выполняют самую грязную и опасную работу, а белые еще жалуются.

Эмма поставила электромобиль рядом с пикапом и отряхнулась от дорожной пыли. Потом по-деловитому торопливо прошла мимо скотобойни, клеток со свиньями, прижимавшими к решетке мокрые розовые рыла, и подошла к большому железному сараю, в котором кормили поросят. Большую часть свиноматок оплодотворяют по многу раз, после нескольких опоросов свинья ослабевает и идет на мясо. Но пока она еще на что-то способна, ее заставляют кормить поросят, пристегивая ремнями к клетке: копыта врозь, соски наружу. Свиньи – очень умные и дружелюбные животные, и это конвейерное насилие вызывает у них желание умереть.

Что с ними и происходит, когда они истощаются.

Одна лишь мысль об этих методах вызывает у меня отвращение, а наблюдение за процессом что-то меняет в психике – словно перестаешь быть человеком. Так же как если смотреть на изнасилование и молчать. Эмма стояла в дальнем конце сарая возле железной клетки для опороса. Несколько мужчин вытащили из стойла ящик с визжащими поросятами, другой ящик закинули в стойло. Я прошла вглубь сарая и встала за Эммой – так, чтобы она меня не видела. Свинья лежала на боку почти в коме, брюхо зажато между железными прутьями, ее красные, стертые до крови соски торчали, как растопыренные пальцы. Один рабочий протер маслом сосок, который кровоточил сильнее других, потом с ухмылкой дернул за него. Мужчины не обращали на Эмму внимания, будто ее присутствие здесь было вполне нормальным явлением. Она подмигнула кому-то из них, пока они укладывали в клетку другую свинью, и потом они уехали за следующей партией поросят.

В стойле поросята кишели вокруг свиньи, как муравьи на капле варенья. Они дрались за соски, которые выскакивали у них изо рта, тугие и трясущиеся, точно резиновые. У свиньи закатились глаза. Эмма сидела, скрестив ноги, и смотрела как зачарованная. Через пять минут она задвигалась и улыбнулась. Мне пора было уходить. Я пошла к машине – сначала медленно, потом бегом. Закрыв дверь, я включила погромче радио, глотнула обжигающего горло бурбона и уехала прочь, подальше от вон и визга. И этого ребенка.

Глава восьмая

Эмма. Все это время я обращала на нее мало внимания. Теперь же она заинтриговала меня по-настоящему. От того, что я увидела, у меня комок стоял в горле.

Мама утверждала, что Эмма самая популярная девочка в школе, и я этому верила. Джеки сказала, что Эмма самая вредная, и этому я тоже верила. Когда живешь с Адорой, купаясь в ее горечи, добрым быть трудно.

«Интересно, – думала я, – как же Эмма уживается с Мэриан? Жить с призраком нелегко».

Но моя сестра была умной и жила своей жизнью, уходя из дома. А с Адорой она была покладистой, милой, скромной – именно такой и надо быть, чтобы добиться маминой любви.

Но каков характер: сначала закатила скандал по поводу кукольного домика, потом дала пощечину подруге, а теперь – эта мерзость. Видимо, испытывает удовольствие при виде гадостей и любит их делать. Вдруг мне вспомнились рассказы об Энн и Натали. Эмма не похожа на Мэриан, а с ними, возможно, что-то общее у нее есть.

* * *

Вечером, ближе к ужину, я решила снова навеститься к семье Кин. Нужно было обязательно взять у них интервью: если это не получится, то Карри отстранит меня от работы. Сама бы я уехала из Уинд-Гапа без особых терзаний, но мне было необходимо доказать, что я справлюсь с задачей, особенно теперь, когда его вера в меня колеблется. Девушка, которая украшает себя резьбой, не будет первым кандидатом для выполнения трудных заданий.

Я проехала мимо того места, где нашли тело Натали. Там грустной кучкой лежали дары – те, что Эмма побрезговала своровать: три давно погасшие маленькие свечки среди дешевых цветов в оберточной бумаге. Рядом вяло покачивался на веревке сдувшийся воздушный шарик в форме сердца.

На подъездной дороге у дома Кин стоял красный кабриолет. В пассажирском кресле сидел брат Натали и разговаривал со светловолосой девушкой, почти такой же красивой, как он. Я остановилась за ними. Они

украдкой взглянули на меня и стали делать вид, что не видят. Девушка оживленно засмеялась, поглаживая юноше затылок; на его темных волосах замелькали ее ногти, покрашенные красным лаком. Я быстро и неловко им кивнула, чего они наверняка не заметили, и прошла мимо, к двери дома.

Дверь отворила мать Натали. В доме за ее спиной было темно и тихо. Ее лицо было по-прежнему открытым; она меня не узнавала.

– Госпожа Кин, прошу прощения, что беспокою вас в столь поздний час, но мне очень нужно с вами поговорить.

– О Натали?

– Да. Можно войти?

Это был подлый ход: таким образом я намеревалась проникнуть в дом, не представившись. Карри говорит, что репортеры – точно вампиры: без приглашения они пройти к вам не могут, но если вы их впустили, то не выгоните, пока они всю кровушку из вас не высосут. Она открыла дверь.

– Как у вас приятно, прохладно! Спасибо, – сказала я. – Сегодня обещали плюс тридцать два, но мне кажется, на самом деле жарче.

– Я слышала, тридцать пять.

– Верю. Можно попросить у вас стакан воды? – Еще одна старая хитрость: если женщина окажет вам гостеприимство, то вряд ли вышвырнет вас за дверь. Еще лучше попросить бумажный носовой платок, будто у вас аллергия или насморк. Женщины любят сострадать. Как правило.

– Конечно. – Она молча посмотрела на меня, словно чувствуя, что должна знать, кто я, а спросить не решается. За последние дни к ней, наверное, пришло больше людей, чем за весь прошлый год: работники похоронного бюро, священники, полиция, медики, родственники...

Пока миссис Кин отошла на кухню, я осмотрелась по сторонам. Теперь, когда мебель расставили по местам, комната выглядела совершенно иначе. На столе, недалеко от меня, увидела фотографию детей Кин. Оба в джинсах и красных свитерах стояли, прислонившись к большому дубу. Он улыбался, так смущенно, словно делал что-то такое, о чем лучше не говорить. Натали была раза в два ниже его; ее лицо было решительно-серьезным, как с фотографии позапрошлого века.

– Как зовут вашего сына?

– Джон. Это очень милый, добрый мальчик. Я всегда им гордилась. В этом году он окончил школу.

– Значит, теперь выпускные экзамены сдают раньше. Мы-то учились до июня.

– Хм... Ну и хорошо, что каникулы теперь длиннее.

Я улыбнулась. Она улыбнулась в ответ. Я села и стала пить воду. Не могла вспомнить, что Карри советовал делать дальше, после того, как хитростью проберешься в чужой дом.

– Я ведь еще не представилась. Я Камилла Прикер, корреспондент «Чикаго дейли пост», помните? Мы на днях говорили с вами по телефону.

Улыбка стерлась с ее лица, челюсти напряглись.

– Надо было сразу это сказать.

– Я понимаю, как вам сейчас тяжело, но все же можно задать вам несколько вопросов?

– Нельзя.

– Миссис Кин, мы хотим справедливости для вашей семьи, поэтому я к вам и пришла. Чем больше мы расскажем людям...

– Тем больше газет вы продадите. Как все это гадко, как мне все это надоело! В последний раз говорю: не приходите больше сюда. И не звоните. Мне совершенно нечего вам сказать. – Она встала и нависла надо мной. На ней были те же деревянные бусы с большим красным кулоном в виде сердца, который качался у меня перед глазами, будто гипнотический маятник. – Вы паразит! – зло выпалила она. – Вы мне отвратительны. Надеюсь, однажды вы поймете, как вы мерзки. Теперь, пожалуйста, уходите.

Она прошла за мной до двери, будто поверить не могла, что я уйду, и ей надо было видеть, как я переступаю порог. Потом захлопнула за мной дверь с такой силой, что звякнул дверной звонок.

Я стояла на крыльце, красная от стыда, представляя себе, что кольцо с сердцем было бы прекрасным элементом статьи, и тут увидела, что на меня смотрит девушка из красного кабриолета. Юноша куда-то ушел.

– Вы Камилла Прикер? – спросила она.

– Да.

– Я вас помню, – сказала девушка. – Когда вы жили здесь, я была маленькой, но мы все вас знали.

– Как вас зовут?

– Мередит Уилер. Вы, наверно, меня не помните, вы были старшеклассницей, а я – совсем еще мелюзгой.

Подруга Джона Кина. Фамилия была знакомой – это фамилия одной из маминых подруг, – но саму ее я не помнила. Ах, ну да, ей было лет шесть-семь, когда я отсюда уехала. Но я не удивилась, что меня она по мнит. Младшие девочки в Уинд-Гапе фанатично следили за жизнью старших; им всегда было любопытно, кто встречается с чемпионом по футболу, кто королева школьных балов, кто пользуется наибольшим успехом.

Фаворитками менялись, как бейсбольными карточками. До сих пор помню Сиси Уят, которая была королевой школьных балов, когда я училась в средних классах. Помню, однажды она со мной поздоровалась, и потом я купила одиннадцать губных помад, пытаюсь подобрать похожую на ту, которой в тот день были накрашены ее губы.

– Я вас помню, – соврала я. – Поверить не могу, что вы уже водите машину.

Она засмеялась, – видимо, мое внимание было ей лестно.

– Вы теперь репортер?

– Да, работаю в Чикаго.

– Я попрошу Джона, чтобы он с вами поговорил. До связи!

Мередит подкрасила губы и уехала. Видимо, довольная собой («До связи!») и совсем не думая об убитых десятилетних девочках, о которых пойдет разговор.

* * *

Я позвонила в главную скобяную лавку Уинд-Гапа – ту, рядом с которой была найдена Натали. На этот раз я не представилась, а сказала, что хочу сделать ремонт в ванной, может быть поменять плитку. Так, чтобы плавно перейти на тему убийств.

– Наверно, многие сейчас заботятся о безопасности своих домов, – предположила я.

– Это верно. За последние дни у нас купили много замков с цепями и двойными засовами, – сипло ответил хозяин магазина.

– Правда? И сколько же вы продали?

– Штук тридцать-сорок.

– И полагаю, как правило, их покупают семейные люди, особенно с детьми?

– Да. Есть ведь чего бояться. Страшно, конечно. Мы собираем пожертвование семье Натали, сколько сможем... – Он помолчал. – Пойдемте, я покажу вам образцы плитки.

– Да, хорошо. Спасибо.

Теперь можно вычеркнуть одно дело из моего репортерского ежедневника – причем здесь никто меня оскорблять не стал.

* * *

Ричард назначил мне встречу в «Гриттис», так называемом семейном ресторане с салат-баром, где было все, кроме салатов. Впрочем, в конце стойки стояла мисочка с листовым салатом, блеклым и забрызганным жиром, – видимо, о нем вспомнили только в последний момент. Когда я торопливо вбежала, опоздав на двадцать минут, Ричард заигрывал с хорошенькой упитанной официанткой. Эта девушка, чье лицо было круглым, как пирожок – один из тех, что лежали на вращающейся тарелке за ее спиной, – казалось, не замечает, что я жду, перетаптываясь с ноги на ногу. По всей видимости, раздумывала, сможет ли завлечь Ричарда, и уже готовилась написать об этом в своем дневнике, когда придет домой.

– Прикер, – сказал он, не отводя взгляда от девушки, – надо же так опаздывать! Хорошо, что здесь была Джоэнн, она меня пока немножко развлекла.

Девушка хихикнула, хмуро глянула на меня, потом проводила нас за столик в углу и бросила передо мной засаленное меню. На столе оставались круги от бокала и тарелки предыдущего посетителя.

Потом официантка вернулась и протянула мне стакан воды величиной с наперсток, а Ричарду – бокал газировки с сиропом, размером с ведро.

– Вот, Ричард, я ничего не забываю – видите?

– Поэтому ты моя самая любимая официантка, Кэти.

Мило.

– Камилла, привет! Я уже слышала, что ты в Уинд-Гапе.

Эти слова мне были уже поперек горла. Вглядевшись в официантку, я узнала в ней бывшую одноклассницу. Мы с ней полгода дружили в выпускном классе, пока встречались с двумя закадычными друзьями. Моего парня звали Фил, ее – Джерри, это были заядлые спорт смены: осенью они играли в футбол, зимой занимались борьбой и круглый год устраивали гулянки в подвале у Фила. Мне вспомнилось, как мы с Кэти сидели на корточках перед домом, держась за руки, чтобы сохранить равновесие, и писали прямо за стеклянной дверью. Мы были такими пьяными, что не хотели подниматься в туалет на второй этаж, было стыдно показаться маме Фила на глаза. Помню, Кэти рассказывала, что она занималась с Джерри сексом на бильярдном столе. Вот почему стол был таким липким.

– Привет, Кэти, рада тебя видеть. Как дела?

Она всплеснула руками и посмотрела вокруг:

– Ты, наверно, сама понимаешь. К тому же ты ведь поэтому и приехала, да? Тебе привет от Бобби. Бобби Киддера.

– Ах да! Господи... – Я и забыла, что они женаты. – Как он поживает?

– По-старому. Приезжай к нам как-нибудь в гости. Если у тебя будет время. Мы живем на улице Фишер.

Я представила, как сижу в гостиной у Бобби и Кэт Киддер. Громко тикают часы, и я думаю, что сказать. Говорила бы в основном Кэти. Как всегда. Это такой человек: она скорее будет читать вслух уличные вывески, чем молчать. Бобби, если он не изменился, напротив, молчалив, но дружелюбен. Этого парня мало что интересовало; только если речь заходила об охоте, в его серо-голубых глазах загорался огонек. В школьные годы он хранил копыта всех подстреленных им оленей, парочку свежих трофеев всегда носил в карманах и при каждом удобном случае барабанил ими по любой твердой поверхности. Мне всегда казалось, что это азбука Морзе мертвых оленей, запоздалый сигнал бедствия будущей оленины.

– Ну что, ребята, будете что-нибудь заказывать?

Я попросила принести пива, в ответ на что Кэти надолго замолчала. Потом она оглянулась и посмотрела на часы на стене.

– Э-э-э-э... Вообще, до восьми вечера мы спиртное не продаем. Но я попробую, в память о добрых старых временах, принести тебе одну бутылочку, втихую, хорошо?

– Ну, мне не хотелось бы, чтобы у тебя были проблемы из-за меня.

Нелепые деспотические правила – это как раз в духе Уинд-Гапа. Если бы до пяти не продавали – куда ни шло. Так нет, кому-то обязательно надо заставить вас ждать до восьми, чтобы вы чувствовали себя виноватыми.

– Да ладно, брось. Давненько мне не приходилось делать что-то настолько интересное.

Кэти ушла воровать для меня пиво, а мы с Ричардом прошли к барной стойке и набрали себе в тарелки разной еды: стейков, кукурузной каши, картофельного пюре. Ричард также взял кусок тряского желе, которое стало таять, едва мы вернулись за столик. На подушке моего сиденья уже лежала бутылка пива, принесенная Кэти.

– Вы всегда пьете так рано?

– Это всего лишь пиво.

– Когда вы вошли, от вас уже пахло спиртным, хоть вы и жевали драже. Я думаю, «Винтергрин»?

Он улыбнулся, словно спрашивал просто так, из любопытства, вовсе и не думая меня осуждать. Бьюсь об заклад, что на допросах он был великолепен.

– Драже жевала, но спиртного не пила.

По правде сказать, поэтому я и опоздала. Уже подъехав к парковке, поняла, что должна как-то смягчить запах алкоголя; ведь не могла же я не

пропустить стаканчик, уехав из дома Кинов. Тогда я проехала несколько кварталов и зашла в круглосуточный магазин, где купила драже «Винтергрин».

– Ладно, Камилла, – сказал он мягко. – Ничего. В конце концов, это не мое дело. – Он стал есть картофельное пюре, красное от растаявшего желе, и больше ничего не говорил. Казалось, он немного смущен.

– Так что вы хотите знать об Уинд-Гапе?

Я чувствовала, что сильно его разочаровала, точно безалаберная мама, которая не сдержала обещания сводить сына на день рождения в зоопарк. Теперь, чтобы ему угодить, хотелось рассказать ему все как есть – правдиво ответить на его следующий вопрос. И тогда у меня мелькнула мысль: а не для этого ли он сначала заговорил об алкоголе? Умный коп.

Он посмотрел на меня пристальным взглядом.

– Меня интересует насилие. Оно везде совершается по-своему – у каждого города свой стиль. Как это происходит здесь: в открытую или тайно? Группировками – например, случаются ли драки в барах, бывают ли групповые изнасилования – или индивидуально, отдельными лицами? Кто чаще всего нападает? Кто страдает?

– Ну, не уверена, что смогу дать вам общий отчет.

– Расскажите о каком-нибудь случае явного насилия, который вы видели в детстве.

Как мама укусила малыша.

– Я видела, как женщина причинила боль маленькому ребенку.

– Отшлепала его? Ударила?

– Укусила.

– Понятно. Мальчика или девочку?

– Кажется, девочку.

– Это был ее ребенок?

– Нет.

– Ясно. Хорошо. Значит, было совершено насилие над ребенком женского пола отдельным лицом. Я выясню, кто это сделал.

– Я не знаю имени и фамилии той женщины. Она приехала сюда к кому-то в гости.

– А кто может знать? Если у нее здесь родственники или друзья, то это стоило бы выяснить.

Мои руки и ноги стали деревенеть. Еще немножко – и отвалятся. Я прижала пальцы к зубьям вилки. Теперь, рассказав об этом случае, я ощутила панику. Мне не приходило в голову, что Ричард станет выпрашивать подробности.

– Я думала, вас интересует общий обзор случаев насилия, – сказала я. Кровь стучала в ушах, голос прозвучал глухо. – Мне не известны никакие подробности. Это была незнакомая женщина, и я не знаю, с кем она была. Я просто предположила, что она не из Уинд-Гапа.

– А я думал, репортеры излагают факты, а не строят догадки. – Он снова улыбнулся.

– В то время я была ребенком, а не репортером.

– Камилла, извините, что я вас замучил. – Он забрал у меня вилку и положил поближе к себе, потом взял мою руку и поцеловал ее. Рукав пополз вверх, из-под него стали появляться слова «губная помада». – Простите, я не хотел вас допрашивать. Я просто играл в нехорошего копа.

– Не представляю, чтобы вы были плохим копом.

Он широко улыбнулся:

– Действительно, это только разминка. Вы на мою внешность не полагайтесь – она обманчива!

Мы выпили еще. Он покрутил в руках солонку и спросил:

– Можно вам задать еще несколько вопросов?

Я кивнула.

– Какой случай вам вспоминается во вторую очередь?

Меня замутило. Наверно, от слишком крепкого запаха тунца из моей тарелки. Я стала искать глазами Кэти, чтобы попросить еще пива.

– Это было в начальной школе. Два мальчика на перемене прижали к стене девочку и заставили ее вогнать в себя палку.

– Против воли? Силой?

– Ну... Отчасти, наверное. Они были хулиганами, которых все боялись: сказали ей это сделать – она и сделала.

– Вы это сами видели или вам кто-то рассказал?

– Они велели нам караулить. Когда учитель об этом узнал, нам пришлось извиниться.

– Перед девочкой?

– Нет, девочку тоже заставили извиниться перед классом. «Юные леди должны держать свое тело под контролем, потому что мальчикам это труднее».

– Господи. Иногда забываешь, как все было иначе не так уж много лет назад. Какими же мы были... несведущими. – Ричард что-то записал в блокнот и проглотил кусочек желе. – Что еще вы помните?

– Как-то раз шестиклассница, напившись на школьной вечеринке, занималась групповым сексом с парнями из футбольной команды. Их было четверо или пятеро, и они пустили ее по кругу. Это считается насилием?

– Конечно. Камилла, вы же сами это понимаете.

– Ну... Я просто не знала, считается ли это явным насилием или...

– Да, когда шпана насилует тринадцатилетнюю девочку, разумеется, я считаю это явным насилием.

– Как дела? – Неожиданно перед нами появилась улыбающаяся Кэти.

– Ты не могла бы стащить еще пива?

– Две бутылки, – прибавил Ричард.

– Хорошо, на этот раз только в виде одолжения Ричарду – он дает самые щедрые чаевые.

– Спасибо, Кэти, – улыбнулся Ричард.

Я наклонилась к нему через стол:

– Ричард, я же не спорю, просто пытаюсь понять, что следует считать насилием.

– Верно, а у меня складывается вполне ясное представление о том, какого рода насилие здесь происходит; именно благодаря вашему вопросу, стоит ли это считать насилием. В полицию заявили?

– Конечно нет.

– Странно, что девочку не заставили еще и извиниться за то, что она позволила себя изнасиловать. Шестиклассница! Просто ужас. – Он снова попытался взять мою руку, но я быстро спрятала ее под стол и положила на колени.

– Значит, это считается изнасилованием из-за ее возраста.

– Это изнасилование, независимо от возраста.

– А если бы я сегодня напилась, потеряла рассудок и занялась сексом с четверьмя мужиками, это тоже считалось бы насилием?

– Не знаю, как с юридической точки зрения, это зависит от многого, в том числе от вашего адвоката. Но по моральным соображениям – да.

– Вы сексист.

– Кто?

– Сексист. Как же мне надоели левые либералы, которые подвергают женщин дискриминации под видом защиты от нее.

– Уверяю вас, что ничего подобного не делаю.

– У меня есть один знакомый, который работает со мной в офисе, – очень чувствительный парень. Когда мне не дали повышения, он посоветовал возбудить иск о дискриминации. А ведь никакой дискриминации не было – просто я была посредственным репортером. А пьяных женщин не всегда насилуют: иногда они сами делают глупости. И когда говорят, что мы заслуживаем особого обращения, даже когда напиваемся, потому что мы женщины, и что о нас нужно заботиться, я

считаю такие речи оскорбительными.

Кэти принесла нам пиво, и мы молча пили, пока не осушили бутылки.

– Черт возьми, Прикер! Ладно, сдаюсь.

– Вот и славно.

– Но вы ведь понимаете, что есть нечто общее? В том, что нападают на женщин. И в отношении к нападениям.

– Но ведь ни Энн, ни Натали не были изнасилованы.

– Думаю, что для преступника вытаскивание зубов эквивалентно изнасилованию. И то и другое связано с властью – это физическое вторжение, требующее большой силы, а после выпадения каждого зуба наступает облегчение.

– Я могу написать об этом в статье?

– Если увижу хотя бы намек на этот разговор в статье под вашим именем, то больше с вами и словом не обмолвлюсь. Было бы очень жаль, потому что мне нравится с вами общаться. Ваше здоровье.

Ричард чокнулся со мной своим пустым бокалом. Я молчала.

– Кстати, позвольте мне пригласить вас куда-нибудь, – сказал он. – Просто поразвлекся. О работе говорить не будем. Мой мозг сильно нуждается в отдыхе. Можем устроить себе забаву, соответствующую этому городку.

Я удивленно подняла брови.

– Будем делать ириски? Ловить свинью, перепачканную грязью? – Он принялся загибать пальцы. – Приготовим собственное мороженое? Покатаемся по Главной улице на здешнем карликовом автомобильчике? Ах да, есть ли здесь где-нибудь старомодная фермерская ярмарка? Я бы исполнил для вас атлетический номер.

– Ваш энтузиазм, несомненно, понравится местным жителям.

– Кэти я нравлюсь.

– Потому что вы даете ей на чай.

* * *

Когда совсем уже стемнело, мы сидели в парке Гарретта на детских качелях, в которые влезли с трудом, и качались взад-вперед, поднимая клубы горячей пыли. Здесь Натали Кин в последний раз видели живой, но мы не стали об этом говорить. На другой стороне бейсбольной площадки стоял старый каменный питьевой фонтанчик, из которого непрерывно хлестала вода, – его отключат только осенью.

– Как я вижу, в ночное время здесь пьянствуют подростки, – сказал Ричард. – Викери теперь слишком занят, чтобы их разогнать.

– Так было и в те времена, когда я училась в школе. Распитием спиртного здесь никого не удивишь. Кроме хозяев ресторана «Гриттис», по всей видимости.

– Интересно увидеть вас шестнадцатилетней. Попробую догадаться: вы были богатой, умной, красивой. Как дочь проповедника из того фильма, помните? Вот что может вызвать здесь массу проблем. Представляю, как вы сидите вон там, – он показал на потрескавшиеся скамьи у бейсбольной площадки, – и пьете наперегонки с парнями.

Это отнюдь не самое страшное из того, что я делала в этом в парке. Здесь был не только мой первый поцелуй, но и минет. Сначала командир бейсбольной команды взял надо мной шефство и повел в лес. Он сказал, что если я сделаю ему приятное, то он меня поцелует. А потом не захотел меня целовать, потому что у меня во рту было «это». Первая любовь так глупа. Вскоре после этого на вечеринке футболистов со мной произошло приключение, которое так возмутило Ричарда. Той шестиклассницей, переспавшей с четырьмя парнями, была я. Острых ощущений получила тогда больше, чем за последние десять лет. При этой мысли у меня на ягодицах загорелось слово «хулиганка».

– И я в то время повеселилась, – ответила я. – В Уинд-Гапе красота и богатство далеко могут завести.

– А ум?

– Ум лучше скрывать. У меня было много друзей и подруг, но ни одного близкого человека, понимаете?

– Да, могу себе представить. А с мамой отношения не были доверительными?

– Нет, не очень. – Я была пьяна, мои щеки пылали, но откровенничать мне не хотелось.

– Почему? – Ричард отодвинул свои качели в сторону, чтобы лучше видеть меня.

– Я просто думаю, что есть женщины, неспособные быть хорошими мамами. А есть и такие, что не могут быть хорошими дочерьми.

– Она когда-нибудь причиняла вам физическую боль?

Вопрос меня смутил, особенно в связи с недавним разговором за ужином.

Ну... разве такого не было? Я была уверена, что когда-нибудь увижу во сне, как она меня царапает, кусает и щипает. Уж лучше бы было так. Мне представилось, как я задираю перед ним блузку, обнажив шрамы, и

кричу: «Да, вот! Посмотрите!» Спокойствие.

– Странный вопрос, Ричард.

– Извините, просто голос у вас был такой... грустный. Странный какой-то.

– Это признак здоровых отношений с родителями.

– Виноват. – Он рассмеялся. – Может, сменим пластинку?

– Да.

– Хорошо, давайте подумаем и выберем тему полегче... Таковую, чтобы как раз подходила для качания на качелях. – Ричард наморщил лоб, делая вид, что усиленно думает. – Ну, например: какой цвет вы любите больше всего? Какое мороженое? И какое время года?

– Синий, кофейное, зиму.

– Зиму? Ее же никто не любит.

– Мне нравится, когда рано темнеет.

– Почему?

Потому что это значит, что день подошел к концу. Я всегда вычеркиваю в календаре прошедшие дни: вот прошел 151-й день, и ничего по-настоящему страшного не случилось; 152-й – Земля все так же крутится, мир не разрушен; 153-й – я до сих пор никого не убила; 154-й – у меня по-прежнему нет лютых врагов. Иногда мне кажется, что я не буду чувствовать себя в безопасности до тех пор, пока мне не останется жить считанные дни. Еще три дня – и больше мне ни о чем беспокоиться не придется.

– Просто ночь люблю. – Я хотела что-то прибавить, сказать немного, но чуть больше, и тут напротив с грохотом остановилась битая желтая спортивная машина, и из нее вышла Эмма с подругами.

За рулем сидел паренек со светлыми длинными сальными волосами – какой автомобиль, такой и водитель. Эмма наклонилась перед его окном, дразня юношу ложбинкой в декольте. Подруги встали за ней, вызываясь подбоченья, самая высокая повернулась задом и наклонилась, делая вид, что завязывает шнурки. Прелестные движения.

Девочки подбежали к нам, Эмма преувеличенно широко размахивала руками, словно пытаясь отогнать тучу выхлопного газа. «Сексапильные штучки», – нехотя отметила я про себя. Длинные светлые волосы, лица в форме сердца, худые как спички ноги. Мини-юбки и коротенькие топики, выставяющие напоказ девственно плоские животы. И у всех настоящая грудь (кроме Джоудс, у которой, похоже, под майкой была прокладка – слишком уж высокая и твердая) – грудь полная, дрожащая, не по возрасту развитая, результат употребления в пищу молока, свинины и говядины с

ранних лет. Вот что делают гормоны, которыми пичкают домашний скот. Скоро грудь начнет расти у годовалых малюток.

– Привет, Дик, – сказала Эмма. Она сосала большой красный леденец на палочке.

– Здравствуйте, барышни.

– Камилла, привет! Ну что, ты уже прославила меня на весь свет? – спросила Эмма, играя с леденцом языком. Швейцарских косичек не было, как и платья, в котором она тогда гуляла по ферме, – оно наверняка пропиталось разнообразными запахами. Теперь на ней надета майка и юбка, едва прикрывающая зад.

– Нет еще.

У нее было персиковое лицо, без единого прыщика или морщинки, такое гладкое и беззаботное, словно она только появилась на свет. Незрелые девчонки. Мне хотелось, чтобы они ушли.

– Дик, когда ты покатаешь нас на машине? – спросила Эмма, усаживаясь перед нами прямо на грязную землю, задрав ноги так, что на мгновение стали видны ее трусики.

– Для этого пришлось бы вас арестовать. Впрочем, я могу задержать мальчиков, с которыми вы тут бегаєте. Вы еще слишком малы, чтобы встречаться со старшеклассниками.

– Это не старшеклассники, – сказала высокая девочка.

– Ага, – хихикнула Эмма. – Они вылетели из школы.

– Эмма, сколько тебе лет? – спросил Ричард.

– Тринадцать, недавно исполнилось.

– Почему столько внимания Эмме? – поинтересовалась медная блондинка. – Мы, между прочим, тоже здесь. А вы, наверное, даже не знаете наших имен.

– Камилла, вы уже знакомы с Кайли, Келси и Келси? – спросил Ричард, указывая на высокую девочку, медную блондинку и ту, которую Эмма звала...

– Джоудс, – поправила его Эмма. – У нас две Келси, поэтому одну называем по фамилии. Чтобы не путать. Верно, Джоудс?

– Можете звать меня Келси, если хотите, – отозвалась она. Видимо, ее низкое положение в иерархии было наказанием за недостаточную красоту. Или за слабый характер.

– Эмма ваша единоутробная сестра? – спросил меня Ричард. – Как-никак кое-что мне известно.

– Нет, вам известно все, – произнесла Эмма сальным тоном, хотя я в этих словах никакого второго смысла не узрела. – А у вас что, здесь

свидание? Говорят, Камилла прямо-таки гвоздь сезона. По крайней мере, раньше была.

Ричард прыснул от смеха – чуть не поперхнулся от неожиданности. У меня на ноге вспыхнуло слово «негодница».

– Это правда, Ричард. В прошлом я была ух...

– Ух, – передразнила Эмма. Подруги засмеялись. Джоудс яростно чертила палкой линии на земле. – Знали бы вы, что о ней рассказывают, Дик. Вам бы понравилось. А может, вы уже слышали.

– Барышни, нам пора. Как всегда, это было ух! – сказал Ричард и взял меня за руку, помогая подняться с качелей. Он не стал ее отпускать и, пока мы шли к машине, два раза сжал.

– Ну, разве не джентльмен? – крикнула Эмма. Все четыре подруги встали и пошли за нами. – Преступление раскрыть не может, а чтобы катать Камиллу на своей паршивой машине, так на это он время находит.

Они шли за нами по пятам, причем буквально: Эмма и Кайли старались наступить нам на пятки. На лодыжке – там, где Эмма стукнула меня сандалией, – зажглось слово «гадко». Потом она принялась крутить у меня в волосах свой обслюнявленный леденец.

– Прекрати, – процедила я сквозь зубы. Затем обернулась и схватила ее за запястье, так сильно, что почувствовала ее пульс. Помедленнее моего. Она не увернулась, а только придвинулась ближе ко мне. Я ощутила у себя на шее ее дыхание с запахом клубники.

– Ну давай же, сделай что-нибудь, – с улыбкой сказала Эмма. – Можешь убить меня прямо сейчас, Дик все равно не вычислит.

Я оттолкнула ее от себя, и мы с Ричардом продолжили путь к машине, более торопливо, чем мне хотелось бы.

Глава девятая

В девять часов я ненароком заснула и проспала крепким сном до семи утра, когда солнце уже светило вовсю. За окном шелестело сухое дерево, касаясь ветками противомоскитной сетки, будто хотело пробраться в комнату, чтобы меня утешить.

Я надела свой привычный мундир: блузку с длинными рукавами, длинную юбку – и побрела на первый этаж. В цветнике за домом работала Гейла, ее кипенно-белый халат сиял среди зелени. Она держала серебряный поднос, на который мама бросала отбракованные розы. На маме был кремовый сарафан, под цвет волос. Она осторожно шла через заросли розовых и желтых цветов с садовыми ножницами в руках. Каждый цветок придирчиво осматривала: обрывала лепестки снаружи, другие отгибала, заглядывала внутрь.

– Гейла, эти розы надо полить еще. Посмотри, что с ними творится.

Она отделила от куста бледно-красную розу, пригнула ее к земле и срезала у самого корня. Гейла держала на подносе пару десятков роз. Мне они казались нормальными.

– Камилла, мы с тобой сегодня поедем в Вудберри в магазин, – сказала мама, не глядя на меня. – Хорошо?

О нашей с ней встрече у Нэш накануне не сказала ничего. Это было бы для нее слишком прямо.

– Сегодня я относительно свободна, – сказала я. – Кстати, я не знала, что ты общаешься с семьей Нэш и дружила с Энн.

Я чувствовала себя немного виноватой за недавнюю перепалку по поводу ее привязанности к девочке. Я не слишком переживала из-за того, что обидела маму, но было весьма неприятно осознавать, что она в чем-то может быть права.

– Хм... В следующую субботу к нам с Аланом придут гости. Мы их пригласили еще до того, как узнали, что ты приедешь. Впрочем, мы об этом и не знали, пока ты не приехала.

На поднос упала еще одна роза.

– Я думала, ты была едва знакома с девочками. Я не понимала...

– В общем, это будет приятная летняя вечеринка, к нам придут очень приличные люди. Тебе нужно платье. Ты, конечно, не привезла с собой платье?

– Нет.

– Ладно, значит, сегодня и наверстаем упущенное. Ты с нами уже неделю, я думаю, пора. – Она положила на поднос последний цветок. – Гейла, можешь их выкинуть. Срежем потом для дома хороших цветов.

– Мама, я поставлю эти розы в своей комнате. Мне они нравятся.

– Они негодные.

– Мне все равно.

– Камилла, я их все осмотрела – эти цветы плохие. – Она бросила ножницы на землю и стала вырывать куст из земли.

– А для меня они хороши. Я же себе их возьму.

– Ох, посмотри. Поранилась из-за тебя.

Мама показала исколотые шипами руки: по запястьям текли густо-красные струйки. Конец разговора. Она направилась к дому, Гейла пошла за ней, я за Гейлой. Ручка двери была липкой от крови.

Алан перевязал маме руки, не скупясь на бинты, и когда на крыльце мы чуть было не споткнулись об Эмму, которая опять играла в кукольный дом, Адора, шутливо дернув ее за косичку, велела ей ехать с нами. Она послушно пошла за нами, и я все ждала, что она снова пройдетя мне по пяткам, но пока Адора была рядом, сестра этого делать, конечно, не стала.

Адора предложила мне сесть за руль ее голубого кабриолета, и мы поехали в Вудберри, в котором было целых два дорогих бутика. Она попросила меня не опускать верх машины. «А не то мы простудимся», – сказала она, заговорщицки улыбаясь Эмме. Сестра, сидевшая за мамой, состроила мне рожицу, когда я встретилась с ней взглядом в зеркале заднего вида. Она то и дело поглаживала маме волосы – так легко, что мама не чувствовала.

Когда я остановила мамин «мерседес» у ее любимого магазина, она слабым голосом попросила открыть перед ней дверь машины. Это было первое, что она сказала мне за двадцать минут. Вот как мы наверстываем упущенное. Потом я открыла ей дверь магазина, и вслед за трелью звонка послышалось приветствие продавщицы.

– Адора! – воскликнула она радостно, потом нахмурилась: – Боже мой, дорогая, что у тебя с руками?

– Случайно поранилась, честное слово. Пока выполняла кое-какую работу по дому. Сегодня схожу к врачу.

Конечно. Она к врачу побежит, даже если пальчик иголкой уколется.

– Что случилось?

– Ой, не хочу об этом говорить. Познакомься с моей дочерью, ее зовут Камилла. Приехала к нам в гости.

Продавщица взглянула на Эмму, затем нерешительно улыбнулась мне.

– Камилла? – Потом, спохватившись: – Я совсем забыла, что у тебя еще одна дочь. – Она понизила голос до шепота, словно говорила о чем-то неприличном. – Наверное, она пошла в отца, – продолжила она, вглядываясь мне в лицо, точно я кобыла, которую она собралась покупать. – Эмма так похожа на тебя, и Мэриан тоже, если судить по фотографиям. А вот она...

– Действительно, она не очень похожа на меня, – согласилась мама. – У нее и цвет волос, как у отца, и скулы. Характер тоже его.

Я впервые слышала от мамы такие подробности о своем отце. Интересно, подумала я, сколько продавщиц вот так случайно узнают о нем разные вещи? Я представила, как опрашиваю всех продавцов на юге Миссури, чтобы у меня сложилось хотя бы смутное представление об этом человеке.

Мама взъерошила мне волосы забинтованной рукой.

– Хотим купить моей душечке платье. Что-нибудь яркое. А то она все время носит черное и серое. Четвертый размер.

Продавщица, такая худая, что кости выпирали у нее под юбкой, как олени рога, принялась прокручивать круглые стояки с одеждой, набирая в охапку платья разных цветов: зеленые, голубые и розовые.

– Вот это тебе пойдет, – сказала Эмма, протягивая маме майку в золотых блестках.

– Эмма, брось, – ответила мама. – Это безвкусица.

– Я вправду похожа на отца? – не удержалась я от вопроса, чувствуя, что краснею от собственной дерзости.

– Так и знала, что этого ты не пропустишь, – сказала она, подкрашивая губы перед зеркалом на стене. Бинт у нее на руках, как ни странно, все еще оставался чистым.

– Мне просто интересно: никогда не слышала, чтобы мой характер напоминал тебе...

– Я думаю, что у тебя характер человека, очень непохожего на меня. И конечно, ты не в Алана пошла – значит, полагаю, в своего отца. Все, довольно об этом.

– Мама, я просто хотела знать...

– Камилла, полюбуйся, из-за тебя опять идет кровь. – Она показала мне руки: теперь на бинте проступили красные пятна. Мне хотелось вцепиться ей в лицо. Продавщица с охапкой платьев подскочила к нам.

– Вот это берите – не пожалеете. – Она показала бирюзовый сарафан с оголенными плечами. – А малышке ничего не хотите купить? – спросила она, кивая в сторону Эммы. – Я, может быть, подобрала бы ей что-нибудь

из одежды самых маленьких размеров.

– Эмме всего лишь тринадцать лет. Она еще мала для взрослых нарядов, – ответила мама.

– Только тринадцать, бог ты мой! Я все забываю. Она выглядит намного старше. Тебе, наверно, очень тревожно сейчас, когда в Уинд-Гапе творится такое.

Мама обняла Эмму за плечи и поцеловала в макушку.

– Иногда думаю, я этого не переживу. Хочется запереть ее где-нибудь и не выпускать.

– Угу, в подвал, как Синяя Борода своих жен, – пробурчала Эмма.

– Нет, в башню, как Рапунцель, – сказала мама. – Ну, Камилла, покажи сестре, какой ты можешь быть красивой.

Она повела меня в примерочную, молча, с торжествующим видом. Пока она сидела рядом за шторой, я стояла в комнатке с зеркальными стенами, недоуменно просматривая наряды. Платья с короткими рукавами и без рукавов, сарафаны на бретельках... Очевидно, мама решила меня наказать. Я выбрала розовое платье с рукавами три четверти и, быстро сняв блузку и юбку, надела его. Вырез оказался глубже, чем я думала: во флуоресцентном свете ламп слова у меня на груди казались распухшими, как будто под кожей черви прорыли туннели. «Плач», «молоко», «обида», «кровь».

– Камилла, покажись.

– Ох, это не подходит.

– Дай посмотреть.

На бедре запылало «унижение».

– Лучше примерю другое. – Я порылась в остальных платьях. Все такие же открытые. Снова глянула на себя в зеркало. Страшное зрелище.

– Камилла, открой дверь.

– Что там у Камиллы? – звонким голосом спросила Эмма.

– Мне эти платья не годятся.

Боковую молнию заело. На голых руках ярко горели малиновые и багровые рубцы. Даже не глядя на себя в зеркало, я видела их отражение – все мое тело было как один сплошной ожог.

– Камилла! – резко крикнула мама.

– Почему она ничего нам не показывает?

– Камилла!

– Мама, ты же видела платья и сама знаешь, почему они не подходят, – упорствовала я.

– Дай посмотреть.

– Мама, а мне можно померить? – вкрадчиво попросила Эмма.

– Камилла...

– Ладно, смотрите. – Я распахнула дверь.

Мама, чье лицо было на уровне моей шеи, поморщилась.

– О господи.

Я чувствовала на себе ее дыхание.

Она протянула забинтованную руку, будто хотела коснуться моей груди, потом уронила ее. Эмма за ее спиной скулила, как щенок.

– Посмотри, что ты с собой наделала, – сказала Адора. – Ты только посмотри!

– Я вижу.

– Ну и как, нравится? Надеюсь, ты можешь себя терпеть.

* * *

Она закрыла дверь, и я начала срывать с себя платье, но оно не расстегивалось. Тогда я стала яростно дергать ткань, пока зубцы молнии не раздвинулись и мне не удалось стянуть платье вниз. Наконец я вылезла из него, крутя бедрами, на которых от войны с застежкой остались розовые царапины. Потом я скомкала платье, заткнула им себе рот и закричала.

В зале слышался мамин ровный голос. Когда я вышла, продавщица заворачивала кружевную блузку с длинными рукавами и высоким воротником и юбку длиной до лодыжек. Эмма, глаза которой покраснели, поглядывала на меня оторопевшим взглядом, потом вышла, чтобы ждать нас у машины.

Когда мы приехали домой, я понуро поплелась за Адорой в прихожую, где в делано-небрежной позе стоял Алан, засунув руки в карманы льняных брюк. Она торопливо пробежала мимо него к лестнице.

– Как ваша поездка? – крикнул он ей вслед.

– Ужасно, – жалобным голосом отозвалась она.

На втором этаже хлопнула дверь. Алан хмуро посмотрел на меня и пошел наверх утешать маму. Эммы не было, уже куда-то убежала.

В кухне я попыталась открыть ящик со столовыми приборами. Хотела взглянуть на ножи, которыми когда-то резалась. Я не собиралась делать это сейчас, хотелось только прикоснуться к лезвию. Я уже почти почувствовала, как нож медленно прижимается к подушечкам пальцев, почти ощутила, как кожа перед порезом слегка натягивается под его острием.

Ящик открылся на пару сантиметров и застрял. Мама повесила на него замок. Я отчаянно продолжала дергать. Лезвия в ящике мягко клацали, наскальзывая друг на друга, как беспокойные серебряные рыбки. Меня бросило в жар. Я уже собиралась звонить Карри, как в дверь деликатно позвонили.

Выглянув в окно, увидела Мередит Уилер и Джона Кина, стоящих перед дверью.

Мне стало так стыдно, словно меня застали за мастурбацией.

Прикусив губу, открыла дверь. Мередит вошла и, озираясь по сторонам, принялась ахать, как все красиво, источая терпкий запах духов, которые больше подошли бы светской даме средних лет, чем юной девушке в бело-зеленом костюме чирлидера. Она перехватила мой взгляд.

– Знаю, знаю. Да, учеба закончилась. Кстати, я так одета в последний раз. У нас было собрание с младшими девочками. Передаем эстафету, так сказать. Вы ведь тоже были чирлидером?

– Да, хотя в это уже верится с трудом.

Я выступала не лучше других, но в короткой юбочке смотрелась хорошо. В то время я еще не начала резать кожу на ногах, ограничивалась торсом.

– Почему же, верю. Вы были самой красивой девушкой во всем городе. Знаете Дэна Уилера? Это мой двоюродный брат. Когда он учился на первом курсе, вы были на последнем. Он тогда все время о вас говорил – какая вы красивая, умная. И добрая. Он бы меня убил, если бы знал, что я вам это рассказала. Сейчас он живет в Спрингфилде. Не женат.

Таким слащавым тоном разговаривают девушки, с которыми мне всегда некомфортно. Безудержно болтливые и излишне откровенные, они вам расскажут о себе то, что положено знать только близким друзьям, при этом считая себя контактными и коммуникабельными.

– Это Джон, – сказала она, словно удивляясь тому, что он стоит рядом с ней.

Я впервые видела его так близко. Он был по-настоящему красив, почти по-женски, высокий и стройный, с пухлыми до неприличия губами и пронзительно-голубыми глазами. Он заправил за ухо прядь густых черных волос и улыбнулся, глядя на свою руку, которую протягивал мне, словно это была его любимая дрессированная собачка, исполняющая новый номер.

– Ну что, где будем разговаривать? – спросила Мередит.

Я боролась с соблазном спровадить девушку, сомневаясь в ее способности молчать, но чувствовала, что ему не хочется оставаться одному, и решила его не смущать.

– Ребята, располагайтесь в гостиной, – ответила я. – Пойду налью сладкого чая.

Но сначала я побежала к себе в комнату, вставила в диктофон чистую кассету и, проходя мимо маминной спальни, прижала ухо к двери. Там было тихо, только вентилятор жужжал. Может, она спит? Тогда Алан, наверное, лежит рядом с ней в обнимку или сидит на стуле перед ее туалетным столиком и просто смотрит? Уже прошло столько лет, а личная жизнь Адоры и ее мужа оставалась для меня полной загадкой. Проходя мимо комнаты Эммы, я увидела, что она сидит в кресле-качалке, как примерный ребенок, и читает книгу под названием «Греческие богини». Пока я здесь, она уже играла в Жанну д'Арк, а также вживалась в роль жены Синей Бороды и принцессы Дианы, и все это мученицы, догадалась я. Среди богинь она найдет еще более нездоровые образцы для подражания. Решила ей не мешать.

Я пошла на кухню и налила чай. Потом, отсчитав десять секунд, прижала ладонь к зубьям вилки. Это меня успокоило.

Когда я вошла в гостиную, Мередит сидела у Джона на коленях и целовала его в шею. Я с шумом поставила поднос на стол, но мое присутствие ее не смутило. Джон посмотрел на меня и деликатно вывернулся из-под нее.

– Какой ты сегодня скучный, – сказала она с недовольной гримасой.

– Ну что же, Джон, я очень рада, что вы согласились со мной побеседовать, – начала я. – Ваша мама говорить со мной не захотела.

– Да. Она почти ни с кем не хочет разговаривать, особенно с журналистами... Она очень скрытная.

– А вы можете говорить об этом без ее согласия? – спросила я. – Вам ведь восемнадцать исполнилось?

– Да, недавно. – Он чинно отпил чая, словно каждый глоток был на счету.

– Дело в том, что мне хотелось бы описать вашу сестру для наших читателей, – сказала я. – Об Энн Нэш ее отец мне рассказал, и было бы жаль, если о Натали ничего не будет сказано. Ваша мама знает, что вы говорите со мной?

– Нет. Ну и ладно. Как-нибудь переживем. – Он нервно засмеялся.

– Его мама на дух не выносит прессу, – сказала Мередит, отпивая из стакана Джона. – Для нее личное неприкосновенно. Представляете, она даже вряд ли знает, кто я, хотя мы с Джоном вместе уже целый год.

Он кивнул.

Она нахмурилась, видимо недовольная тем, что он не стал

рассказывать какие-нибудь подробности об их романе. Она убрала ноги с его колен, скрестила их и стала ковырять пальчиком диван.

– А сейчас, говорят, вы живете у родителей Мередит?

– Да, и теперь у нас есть свое жилье: старый фургон за домом, – ответила Мередит. – Моя сестричка злится: раньше она там зависала со своими подружками, такими противными. Кроме вашей сестры. Ваша – клевая девчонка. А мою вы знаете? Ее Келси зовут.

Не стоит удивляться: дочь маминой подруги так или иначе будет связана с Эммой.

– Какая Келси, высокая или маленькая? – поинтересовалась я.

– Ой, точно. В нашем городе многовато Келси. Моя сестра высокая.

– Да, я с ней знакома. Кажется, они очень дружны.

– Это правильно, – веско сказала Мередит. – Малышка Эмма руководит всеми в школе. Дурак будет тот, кто перебежит ей дорогу.

«Довольно об Эмме», – подумала я, но мне все представлялось, как она обижает младших школьников. Подростки – гнусный народ.

– Значит, Джон, вы теперь живете в фургоне. Все хорошо, обжились?

– Нормально, – ответила за него Мередит. – Собираем по знакомым помощь для него. Мама даже добыла CD-плеер.

– Вот как? – Я подчеркнуто посмотрела на Джона. Мол, пора бы и тебе высказаться, приятель. Хватит мне уже тратить время на твою подружку.

– Я просто не могу сейчас жить дома, – сказал он. – У нас у всех нервы на пределе, понимаете? К тому же повсюду остались вещи Натали, а мама никому не разрешает к ним прикасаться. В коридоре стоят ее туфли, а в ванной висит ее купальник, и мне приходится видеть его каждый день, когда принимаю душ. Это невыносимо.

– Могу себе представить.

Действительно: помню, что розовое пальтишко Мэриан висело в шкафу в прихожей до тех пор, пока я не поступила в университет. Может, и до сих пор там висит.

Я включила диктофон и подтолкнула его через стол к юноше.

– Джон, расскажите, какой была ваша сестра.

– Ох, это был славный ребенок. Она была очень умна. Просто невероятно.

– В чем это проявлялось? Она хорошо училась или просто была сообразительной?

– Ну, в школе она не так уж блистала. У нее были проблемы с дисциплиной, – ответил он. – Но думаю, это из-за того, что ей было скучно. Я считаю, она могла бы перескочить класс или два.

– Их мама боялась, что она будет слишком выделяться, – вмешалась Мередит. – Она всегда переживала, что Натали не такая, как все.

Я посмотрела на него, удивленно подняв брови.

– Верно. Мама действительно хотела, чтобы Натали была как другие дети. Сестренка была баловницей, сорвиголовой, и немножко со странностями. – Он засмеялся, глядя на свои ноги.

– Вы можете привести какой-нибудь случай для примера? – спросила я.

Истории из жизни – это то, что так нравится Карри. К тому же мне самой стало интересно.

– Как-то раз она изобрела свой язык. Конечно, это была детская игра, и получилась непонятная тарабарщина. Но она ведь и алфавит написала, что-то вроде китайских иероглифов. Даже учила меня этому языку. Точнее, пыталась. Быстро поняла, что я ее грамоту не осилю, и разочаровалась. – Он снова издал нервный смешок, такой глухой, словно шел из-под земли.

– Она любила школу?

– Ну, новенькой быть трудно, а здешние девочки... хотя, думаю, девчонки везде противные.

– Джонни! Грубиян! – Мередит игриво толкнула его.

Он никак не отреагировал.

– Кстати, Эмма... Она ведь ваша сестра?

Я кивнула.

– Она некоторое время дружила с Натали. Они вместе бегали в лесу, потом Натали приходила домой в ссадинах и прямо-таки ошалелой.

– Правда? – Вспоминая, с каким презрением она произносила имя Натали, я с трудом могла себе это представить.

– Да, они были настоящими подругами, хоть и недолго. Думаю, Эмме стало с ней скучно, ведь Натали была на несколько лет младше. Точно не знаю. Потом они из-за чего-то повздорили.

Так легко избавляться от подруг Эмма, конечно, научилась от мамы.

– Хотя ничего страшного, – сказал Джон, словно пытаясь успокоить меня. А может, себя. – Она много играла с одним мальчиком, Джеймсом Кэписи. Это сын работников фермы, примерно на год моложе, с которым больше никто не водился. Вроде бы они неплохо ладили.

– Он говорит, что последним видел Натали живой, – сказала я.

– Он врет, – заявила Мередит. – Я тоже слышала эту байку. Он всегда был выдумщиком. Его мама умирает от рака, отца у него нет. На него никто не обращает внимания. Вот он и сочиняет небылицы. Не слушайте его.

Я снова посмотрела на Джона, он пожал плечами.

– Ну это же сказка, – сказал он. – Какая-то сумасшедшая хватает Натали среди бела дня... Да как женщина могла такое сделать?

– Кто его знает... А как мужчина мог такое сделать? – прибавила Мередит. – Извращенец, по-любому. Генетический урод.

– Джон, я должна вас спросить: вас в полиции опрашивали?

– Да, вместе с родителями.

– И у вас есть алиби на обе ночи, когда произошли убийства? – Я ожидала бурной реакции, но он спокойно пил чай.

– Нет. Я катался на машине. Иногда у меня бывает нестерпимое желание уехать отсюда, понимаете? – Он метнул взгляд на Мередит, и та скривила губки. – Просто не могу привыкнуть к такому маленькому городку. Бывает, хочется куда-нибудь забрести и ненадолго потеряться. Я знаю, что тебе этого не понять, Мер.

Мередит молчала.

– Понимаю, – сказала я. – В юности я здесь чуть было не начала страдать клаустрофобией. Могу представить, каково тем, кто приехал из другого города.

– Джонни слишком благороден, – перебила меня Мередит. – Он обе ночи провел со мной. Просто не хочет меня в это впутывать. Так и напишите. – Мередит говорила отрывисто. Напряженно выпрямив спину, она раскачивалась из стороны в сторону, точно в состоянии религиозного экстаза.

– Мередит, – прошептал Джон, – не надо.

– Джон, спасибо тебе, конечно, но я не хочу, чтобы люди считали моего парня детоубийцей!

– Расскажи это в полиции, и через час они узнают правду. Мне это будет только во вред. Никто и не думает на самом деле, что сестру убил я. – Джон взял локон волос Мередит и мягко провел пальцами от корней к концам.

У меня на бедре жгуче отозвалось «щекотно». Я верила юноше. Он прилюдно плакал, рассказывал о своей сестре всякие глупости, играл с волосами своей девушки, и я ему верила. Я уже почти слышала, как Карри посмеивается над моей наивностью.

– Кстати, о случаях, – заговорила я. – Хочу спросить вас об одном. Правда ли, что, когда вы жили в Филадельфии, Натали нанесла однокласснице увечье?

Джон застыл, повернулся к Мередит, и лицо его изменилось. Его передернуло, рот перекосялся, и мне показалось, что он вот-вот бросится к двери, но потом он отклонился назад и вдохнул.

– Прекрасно. Вот почему мама ненавидит прессу, – проворчал Джон. – В то время в одной газете напечатали об этом статью. Всего несколько абзацев. Натали в ней выставили зверенышем.

– Расскажите мне, что случилось.

Он пожал плечами. Посмотрел на руки, потрогал ноготь.

– Это произошло на уроке творчества. Дети рисовали красками и вырезали аппликации. Натали была вспыльчивой, а та девочка ею командовала. У Натали в руках были ножницы. Это не было сделано предумышленно. Ей тогда было девять лет.

Мне представилось, как Натали – серьезная, как на той семейной фотографии, – вонзает ножницы в глаза маленькой девочки. На светлый акварельный рисунок капает густая кровь.

– Что потом было с девочкой?

– Левый глаз ей спасли. А правый, увы...

– Натали нацелила ножницы в оба глаза?

Он встал и навис надо мной почти так же, как его мать.

– После того происшествия Натали в течение года наблюдалась у психиатра. Несколько месяцев ее мучили ночные кошмары. Ей было девять лет. Это был несчастный случай. Мы все чувствовали себя ужасно. Папа организовал фонд помощи пострадавшей девочке. Наша семья вынуждена была уехать, чтобы Натали могла все начать с чистого листа. Так мы и оказались здесь: папа устроился на первое попавшееся место работы. Мы переехали среди ночи, точно преступники. Сюда, в этот чертов городишко.

– Ничего себе! Джон, я и не знала, что тебе тут так плохо, – пробормотала Мередит.

Тогда он заплакал, снова сев на диван и опустив голову на руки.

– Я не жалею, что приехал сюда. Мне жаль, что *она* приехала сюда, потому что здесь умерла. Мы хотели ей помочь. А она умерла. – Он издал тихий стон, и Мередит неохотно обвила его руками. – Мою сестру убили...

«Званный ужин отменяется, потому что мисс Адора плохо себя чувствует», – сообщила мне Гейла. Обращение «мисс» наверняка принято по маминому настоянию, подумала я. Мне представилась такая речь: «Гейла, лучшие слуги в лучших домах обращаются к госпоже по официальному имени. Мы ведь хотим быть лучшими». Или что-то подобное.

Не знаю, что именно послужило причиной маминого недомогания: может быть, ссора со мной, а может, с Эммой. Я слышала, как они пререкались в маминой комнате: Адора в корректных выражениях отчитывала Эмму за то, что она без спроса каталась на гольф-мобиле.

Жители Уинд-Гапа, как и обитатели всех прочих провинциальных городов, помешаны на машинах. В большинстве семей на каждого человека приходится по полтора автомобиля (половина – это либо старинная коллекционная машина, либо просто старая развалина, в зависимости от доходов владельца); к тому же имеются катера, водные мотоциклы, скутеры, тракторы, а у элиты Уинд-Гапа – гольф-мобили, на которых гоняют дети, не имеющие прав. Это незаконно, но их никто никогда не останавливает. Я поняла: после убийств мама хотела ограничить Эмму в свободе и запрещала ей кататься. На ее месте я бы так и сделала. Битых полчаса слышались ее назидания, занудные, как заезженная пластинка: «Не лги, моя девочка...» Эти слова были так знакомы, что мне даже стало стыдно, как когда-то давно. Значит, Эмма иногда попадает на лжи.

Зазвонил телефон. Чтобы не мешать Эмме получать удовольствие, я сняла трубку сама и с удивлением услышала по-чирлидерски отрывистую речь своей старой подруги Кейти Лейси. Энджи Пейпамейкер приглашает подруг на вечеринку жалости к себе, сообщила она. Будет много вина, грустный фильм, слезы, сплетни. Меня она тоже ждет. Энджи жила в районе нуворишей на окраине города, состоящем из огромных особняков. Почти как в Теннесси. Кейти говорила об этом таким тоном, что я не могла понять – то ли она завидует, то ли хвастается. Насколько я ее знаю, и то и другое понемногу. Она всегда хотела иметь то, что есть у других, даже если ей это не нужно.

Еще при встрече с Кейти и ее подругами в гостях у Кин я поняла, что мне придется сходить хотя бы на одну их вечеринку. Я стала раздумывать, поехать ли к ним или записать с кассеты на бумагу разговор с Джоном, при воспоминании о котором мне становилось грустно до слез. К тому же, как и мамыны стержовные подруги (Аннабель, Джеки и другие), эта компания могла дать мне больше полезной информации, чем десяток официальных интервью.

Когда Кейти Лейси (ныне Бракер) остановилась перед домом, я поняла, что она, как и ожидалось, стала состоятельной дамой. Кейти доехала до меня всего за пять минут (оказалось, что ее дом всего через квартал от маминого) на огромном дурацком внедорожнике – стоит такой дороже, чем дом, зато он и комфортабелен настолько же. За спиной я слышала хихиканье – в салоне работал DVD-плеер, показывая детскую передачу, хотя детей там не было. Навигатор на приборной доске передо мной давал никому не нужные указания.

Муж Кейти, Бред Бакер, учился у ее отца, и тот, выйдя на пенсию, передал бизнес ему. Они торговали сомнительным гормоном, от которого

куры с невероятной скоростью набирали вес. Мама его не покупала, говоря, что никогда не станет пользоваться препаратами, которые так грубо вмешиваются в природу. Это не значит, что она не применяла гормоны. На маминой ферме свиньям кололи химикаты до тех пор, пока бедные животные не раздувались до того, что не держались на ногах и не становились красными, как вишня. Но это происходило медленнее.

Бред Бакер был таким мужем, который жил там, где укажет Кейти, покупал тот диван, который хотела Кейти, оплодотворял Кейти по ее просьбе и ни в чем ей не перечил. Внешне он был привлекательным, если хорошенько взглядеться, а член у него был с мой палец. Это я знала по личному опыту, краткому и не очень интересному, полученному на первом курсе. Но по-видимому, малыш выполнял свои функции хорошо: Кейти была на третьем месяце беременности, ожидая третьего ребенка. Они собирались пытаться до тех пор, пока не получится мальчик. «Хотим, чтобы по дому бегал маленький шельмец».

Говори, Чикаго, обо мне! Мужа нет до сих пор, но не будем терять надежду. Говори о ней, о ее волосах и любимых витаминах, о Бреде и двух дочках, Эмме и Маккензи, о женской вспомогательной службе Уинд-Гапа и о том, какое безобразие они натворили на параде в честь дня святого Патрика. Потом вздохнем: бедные девочки... Да, давай повздыхаем вместе: бедная моя статья о девочках. Видимо, она не очень о них переживала, потому что тут же снова заговорила о женской ассоциации: какой бардак творится там с тех пор, как директором стала Бекка Харт (до замужества Муни). В наше время Бекка пользовалась средней популярностью, а вес в обществе приобрела пять лет назад, когда сошлась с Эриком Хартом, у родителей которого была небольшая машина, водяная горка и «ловушка для туристов» – ресторан с мини-гольфом в самой неприглядной части Озарка. Ситуация была не блестящей. Сегодня она придет, и я сама смогу в этом убедиться. Она просто не очень удачно устроилась в жизни.

Особняк Энджи был похож на дом, нарисованный детской рукой: он был таким простым, что почти не выглядел трехмерным. Войдя в комнату, поняла, что мне совсем не хочется там находиться. Первой я увидела Энджи; со школьной поры она сбросила фунтов десять, хотя ей это было ни к чему. Она мне сдержанно улыбнулась и продолжила раскладывать приборы для фондю. Потом я заметила Тиш, которая уже в юные годы выполняла в компании роль мамочки, той, что придерживает вам волосы, пока вас тошнит, и с которой время от времени неожиданно случались приступы плача, потому что ей не хватало любви. Мне сказали, что она вышла замуж за парня из Ньюкасла, глуповатого (это шепотом прибавила

Кейти), но зарабатывающего весьма неплохо. На шоколадном кожаном диване вальяжно лежала Мими. Хрупкая, как подросток, на удивление не выглядящая взрослой. Но казалось, кроме меня, этого никто не замечал. Все до сих пор называли ее горячей штучкой. Как подтверждение такой репутации, на ее пальце сиял огромный бриллиант – подарок Джоуи Йохансена, симпатичного долговязого парня, который на третьем курсе стал полузащитником и тогда вдруг попросил, чтобы его звали Джоу-Ха (честно говоря, это все, что я о нем помню). Бедняжка Бекка сидела среди них напряженно, словно чего-то ожидая, и выглядела нелепо в наряде, почти до смеха похожем на наряд хозяйки дома (может, Энджи возила Бекку с собой в магазин?). Она широко улыбалась всем, кто встречался с ней взглядом, но никто с ней не заговаривал.

Мы смотрели фильм «На пляже».

Когда Энджи включила свет, Тиш рыдала.

– Я вернулась на работу, – завывая, объявила она, прижав к глазам пальцы с кораллово-розовыми ногтями. Энджи налила вина и погладила ей колено, глядя на нее с преувеличенным участием.

– Господи, милая, зачем? – прошептала Кейти. Даже шепот у нее был девичьим и каким-то щелкающим. Словно тысяча мышек грызет печенье.

– Пока Тайлер ходила в детский сад, мне казалось, что я хочу работать, – ответила Тиш, продолжая рыдать. – Думала, мне нужна какая-то цель.

Последнее слово она выплюнула, как будто оно было ядовитым.

– Цель у тебя есть, – сказала Энджи. – Не позволяй обществу учить тебя, как растить детей. Из-за всяких феминисток, – она посмотрела на меня, – ты не должна чувствовать вину за то, чего у них быть не может.

– Она права, Тиш, она абсолютно права, – не выдержала Бекка. – Феминизм подразумевает, что женщины сами выбирают то, что хотят.

Женщины с сомнением смотрели на Бекку, когда вдруг послышались всхлипывания из угла, где сидела Мими, и все обернулись к ней, включая Энджи, которая разливала вино.

– Стив больше не хочет детей, – сквозь слезы пожаловалась она.

– Почему? – картинно возмутилась Кейти.

– Говорит, трех достаточно.

– Кому достаточно, ему или тебе? – резко спросила Кейти.

– Я так ему и сказала. Девочку хочу. Дочку.

Женщины погладили ее по голове. Кейти погладила ее живот.

– А я хочу сына, – всхлипнула она, выразительно глядя на фотографию трехлетнего сына Энджи на каминной полке.

Тиш и Мими продолжили ныть и жаловаться между собой: «Я скучаю по малышам... Всегда мечтала о доме, полном детей, – это все, чего я хочу... Что плохого в том, чтобы просто быть мамой?» Мне было их жаль, – казалось, они страдают искренне, и, конечно, я могла только посочувствовать тому, что жизнь у них сложилась не так, как они хотели. Покивала, пошептала сочувственные слова, а потом, больше не найдя что сказать, убежала на кухню резать сыр, чтобы им не мешать. Этот ритуал был мне знаком со школьных лет, и я знала, что такие разговоры в любой момент могут принять дурной оборот. Вскоре Бекка пришла ко мне на кухню и стала мыть посуду.

– И так почти каждую неделю, – сказала она, выкатив глаза, как будто это все еще ее удивляет, а не раздражает.

– Наверно, им нужна эмоциональная разрядка, – предположила я.

Она надеялась, что я скажу что-нибудь еще. Знакомое чувство. Когда хорошая цитата на подходе, я бываю готова залезть человеку в рот и силой сорвать ее у него с языка.

– Я и знать не знала, насколько плохо живу, пока не стала ходить на сиделки к Энджи, – прошептала Бекка, доставая чистый нож, чтобы отрезать швейцарского сыра. Сыра у нас было столько, что им можно было бы накормить до отвала весь Уинд-Гап.

– А, ну бывает, что из-за конфликтов человек ведет поверхностную жизнь, но сам при этом поверхностным не становится.

– Это верно, – ответила Бекка. – С вами, девочками, в школе так все и было? – спросила она.

– Ох, почти, когда мы не пакостили друг другу.

– Кажется, я рада, что была такой неудачницей, – сказала она и засмеялась. – Интересно, почему сейчас я не могу не быть такой нахальной, как тогда?

Я засмеялась в ответ и налила ей вина. У меня слегка кружилась голова от необыкновенного чувства, что я как будто бы снова очутилась в юности.

Когда мы вошли в гостиную, все еще хихикая, все женщины плакали. И все сразу повернули головы и уставились на нас с таким ужасом, словно мы вдруг сошли с портрета Викторианской эпохи.

– Я рада, что вы так весело проводите время, – язвительно сказала Кейти.

– При том, что сейчас происходит в городе, – прибавила Энджи. Очевидно, они развили эту тему.

– Что творится в этом мире? За что убили девочек? – плакала Мими. –

Бедняжки.

– И еще вытащили у них зубы – просто уму непостижимо, – ужаснулась Кейти.

– Жаль, что над ними так издевались при жизни, – рыдала Энджи. – Почему девочки бывают так жестоки друг к другу?

– Одноклассницы их дразнили? – спросила Бекка.

– Как-то раз после уроков они зажали Натали в туалете и... обрезали ей волосы, – сквозь слезы пояснила Мими. Ее лицо распухло и покрылось пятнами. На блузке темнели разводы от туши.

– Они заставили Энн... снять трусы перед мальчиками, – сказала Энджи.

– Дети всегда их допекали, потому что они были немного не такие, как все, – добавила Кейти, осторожно промокая глаза рукавом.

– Какие дети? – спросила Бекка.

– Узнай у Камиллы, она ведь это дело расследует, – буркнула Кейти, подняв подбородок, – это выражение ее лица было мне знакомо со школьных лет. Оно означало, что она чувствует себя правой, нападая на вас. – Ты ведь знаешь, какая дрянь твоя сестра, правда, Камилла?

– Дети иногда жестоки оттого, что сами несчастны.

– Так ты защищаешь ее? – спросила Кейти, сердито сверкнув на меня глазами.

Я чувствовала, как меня пытаются втянуть в политику Уинд-Гапа, и меня охватила тревога. На ноге запульсировало «свара».

– Ох, Кейти, я ее не настолько знаю, чтобы защищать или обвинять, – сказала я с деланой осторожностью.

– Ты хоть раз всплакнула по девочкам? – спросила Энджи.

Теперь подруги сбились в кучу и сверлили меня глазами.

– У Камиллы нет детей, – напомнила Кейти благоговейным тоном. – Не думаю, что она может испытывать ту же боль, что и мы.

– Мне девочек очень жаль, – сказала я, но это прозвучало так же искусственно, как тост «Миру – мир!» из уст участницы конкурса красоты. Мне действительно было их жаль, но казалось, что вслух это звучит как дешевый фарс.

– Не хочу показаться жестокой, – заговорила Тиш, – но думаю, что, пока у тебя нет детей, твое сердце работает не на полную мощь. Его часть как будто отключена.

– Согласна, – сказала Кейти. – Я женщиной себя по чувствовала только тогда, когда у меня в животе зашевелилась Маккензи. Вы знаете, верующие и ученые ведут сейчас много дебатов, но, по-моему, что касается детей, все

сходятся во мнении. В Библии сказано: «Плодитесь и размножайтесь», а что до науки – ну, все сводится к тому, что женщины на то и существуют, чтобы рожать детей.

– Вот в чем наша сила, – чуть слышно пробормотала Бекка.

* * *

Домой меня отвезла Бекка – Кейти решила остаться на ночь у Энджи. Наверно, утром за ее доченьками присмотрит няня. Бекка пошутила по поводу одержимости иных мамаш, и я в ответ хрипло посмеялась. «Тебе шутить легко – у тебя двое детей». Мне было очень грустно.

Я надела чистую ночную рубашку и села в кровать, распрямив спину.

– Больше сегодня пить не буду, – прошептала я. Потом погладила себя по щеке, расслабила плечи и сказала: – Моя хорошая.

Мне хотелось что-нибудь вырезать: на бедре уже зудело «сладкая», над коленом – «гадкая». Не хватало слова «бесплодная». Такой я и была, никому не нужным пустоцветом. Мое лоно было пустым, как гнездо погибшей птицы.

Бедные убитые девочки... «Что творится в этом мире?» – плакала Мими. Хотя эти слова настолько банальны, что записывать их смысла не было, именно это я чувствовала сейчас. Что-то было ненормальным, прямо здесь, совершенно ненормальным. Я представила, как Боб Нэш сидит на кровати Энн и пытается вспомнить их последний разговор. Как мать Натали заливается слезами, уткнувшись лицом в старую футболку своей девочки. Представила, как я сама, в тринадцать лет, в отчаянии рыдаю на полу в комнате покойной сестры, держа в руках ее туфельку в цветочек.

А потом Эмму, которой сейчас тоже тринадцать. Девочка-женщина с прекрасным телом, терзаемая желанием быть малышкой, по которой скорбит мама. Маму – как она плачет по Мэриан. И как кусает ребенка. Представила, как Эмма, утверждая власть над слабыми, вместе со своими подружками со смехом обрезает волосы Натали; как кудри девочки падают на пол. Мое тело кричало, сердце колотилось так, что гудело в ушах. Я закрыла глаза, обхватила себя руками и заплакала.

* * *

Десять минут я рыдала в подушку, потом начала успокаиваться, и в

голове стали появляться земные мысли: интервью с Джоном Кином – выбрать то, что я смогу процитировать в статье; квартплата – заплатить на следующей неделе, когда вернусь в Чикаго; вынести мусор – из корзины у кровати несет кислятиной, там преет яблоко.

– Камилла! – послышался за дверью голос Эммы.

Я застегнула воротник, опустила рукава и открыла дверь. Эмма вошла: розовая ночная рубашка в цветочек, светлые волосы, рассыпавшиеся по плечам, босые ноги. Милашка, да и только.

– Ты плакала, – с легким изумлением сказала она.

– Немного.

– Из-за нее?

Последнее слово прозвучало веско, тяжело, и мне представилось, что оно упало в подушку, как увесистый круглый камень, и оставило глубокую ямку.

– Отчасти.

– Я тоже. – Ее взгляд скользил по краям моей одежды, воротнику и рукавам. Надеялась увидеть мои шрамы. – Не знала, что ты режешься, – сказала она наконец.

– Я больше этого не делаю.

– Это хорошо, я считаю. – Она в нерешительности заерзала на кровати. – Камилла, у тебя бывает такое чувство, что должно произойти что-то плохое? При этом сделать ты не можешь ничего – остается только ждать.

– Приступы тревоги? – Я не могла отвести взгляд от ее кожи, гладкой и смуглой, как кофе с молоком.

– Нет, не то, – протянула она разочарованно, как будто я не смогла разгадать простую загадку. – Ну и ладно, я все равно хочу кое-что тебе подарить.

Она вручила мне маленький бумажный сверток и попросила развернуть осторожно. Я развернула: там был аккуратно скрученный косяк.

– Это лучше, чем водка, которую ты пьешь, – сказала Эмма, автоматически занимая оборонительную позицию. – Ты много пьешь. Это лучше. От этого ты не будешь такой грустной.

– Эмма, правда...

– Можно, я еще раз посмотрю на твои порезы? – Она застенчиво улыбнулась.

– Нет.

Молчание. Я подняла руку, в которой держала косяк.

– Эмма, и я думаю, тебе не следует...

– Это подарок: хочешь – бери, хочешь – нет. Я просто хотела сделать тебе приятное.

Она нахмурилась и скрутила в трубочку уголок своей рубашки.

– Спасибо. Мне приятно, что ты обо мне заботишься.

– А знаешь, я ведь могу быть хорошей! – сказала она, все еще хмурясь. Казалось, она вот-вот заплачет.

– Знаю. Хотя не понимаю, почему ты решила быть хорошей со мной именно сейчас.

– У меня не всегда это получается. А сейчас получилось. Мне проще, когда все спят и в доме тихо.

Она протянула руку, которая, как бабочка, затрепетала перед моим лицом. Потом уронила руку, погладила мне колено и ушла.

Глава десятая

«Мне жаль, что она приехала сюда, потому что здесь она умерла, – со слезами сказал Джон Кин, восемнадцати лет, о своей сестре Натали, десяти лет. – Мою сестру убили...»

Четырнадцатого мая, в городе Уинд-Гап штата Миссури, между зданиями салона красоты «Стрижка и завивка» и скобяной лавки «У Бифти», было обнаружено тело Натали Кин, зажатое в узком проеме в сидячем положении. Это второй ребенок, убитый в городе за последние девять месяцев: в августе прошлого года в местной реке было найдено тело Энн Нэш, девять лет. Обе девочки скончались от удушья, и у обеих убийца выдернул зубы.

«Сестренка иногда вела себя как настоящая сорвиголова», – сказал Джон Кин, тихо плача.

Джон Кин, который недавно окончил школу и который два года назад приехал сюда с семьей из Филадельфии, охарактеризовал сестру как девочку умную и одаренную богатым воображением. Однажды она даже изобрела свой язык, включая алфавит.

«Но Натали была еще маленькой, и получилась какая-то китайская грамота», – прибавил Кин, грустно смеясь.

Китайской грамотой это дело остается и до сих пор: полицейские чиновники Уинд-Гапа, а также Ричард Уиллис, следователь по убийствам, приехавший из Канзас-Сити, признают, что улики мало. «Мы не исключаем никаких возможностей, – сказал Уиллис. – Убийца может быть как городским, так и приезжим, и мы тщательно работаем над обеими версиями».

Полиция отказывается комментировать показания мальчика, возможного свидетеля, который заявляет, что видел, как Натали похитила женщина. Источник, близкий к полиции, считает наиболее вероятным, что убийца – мужчина, проживающий в городе. Местный врач-стоматолог, Джеймс Л. Джеллард, подтверждает это: «Выдернуть зубы нелегко, тут сила нужна». Пока полиция занимается расследованием, в мастерских Уинд-Гапа стремительно вырос спрос на кодовые замки и огнестрельное оружие. С тех пор как убили Натали, в местной скобяной лавке было продано три десятка кодовых замков, и

владелец оружейного магазина выдал более тридцати разрешений на ношение оружия. «Я думал, что у большинства местных жителей ружья уже есть, потому что многие занимаются охотой, – говорит Дэн Р. Снайя, владелец самого крупного в городе магазина огнестрельного оружия, – но, видимо, теперь вооружаются те, у кого их не было».

Одним из тех, кто увеличил свой арсенал, является отец Энн Нэш, Роберт, сорок один год. «У меня остались две дочери и сын, и я должен их защитить», – сказал он. Нэш отзывается о покойной дочери как о ребенке очень сообразительном. «Иногда я думал, что она умнее меня. Иногда она сама считала себя умнее отца». Он сказал, что его дочь была подвижной, как и Натали, которая лазила по деревьям и каталась на велосипеде, – чем она и занималась в августе прошлого года, когда ее похитили.

Отец Луи Д. Блуэлл, настоятель местной католической церкви, заметил, как убийства повлияли на местных жителей: значительно увеличилось количество посетителей на воскресных мессах и многие люди приходили к нему за духовным наставлением. «Когда случается беда, люди испытывают сильную потребность в духовной пище, – говорит он, – они хотят знать, как такое могло произойти».

Этот же вопрос интересует полицию.

Редактируя статью, Карри посмеялся над средними инициалами: «Бог мой, как же южане любят свои формальности!» Я заметила, что Миссури официально относится к Среднему Западу, а он развеселился еще больше: «А я официально мужчина среднего возраста, но поди скажи это Эйлин, когда меня скручивает артрит и ей, бедняге, приходится меня лечить».

Он вырезал почти все мое интервью с Джеймсом Кэписи. Мы выставим себя идиотами, если уделим слишком много внимания словам ребенка, особенно если полиция ему не верит. Он также вычеркнул убогую цитату госпожи Кин, ее слова о сыне: «Это очень милый, добрый мальчик». Это все, что мне удалось у нее выудить, прежде чем она выставила меня за дверь, все, чего я от нее добилась такими трудами, но Карри счел эти слова лишними, отвлекающими внимание. Наверное, он прав. Он был весьма доволен тем, что у нас наконец стал вырисовываться портрет подозреваемого, на котором сосредоточится внимание читателя, – «мужчина, проживающий в городе». Много из того, что я написала об «источнике, близком к полиции», было выдумкой, а точнее, информацией,

которую я собирала по крупицам. Все, от Ричарда до святого отца, сошлись на версии, что убийца – мужчина, проживающий в городе. Но признаваться в этом Карри я не стала.

Утром того дня, когда вышла моя статья, я лежала в постели, глядя на белый дисковый телефон, и ждала звонков с упреками. Либо позвонит мама Джона, возмущенная тем, что я подобралась к ее сыну, когда про это узнает. Либо Ричард отругает за утечку информации о том, что подозреваемый живет в городе.

Прошло несколько часов, телефон молчал, я лежала и потела все сильнее. За окном жужжали слепни, за дверью топталась Гейла, не решаясь войти ко мне в комнату. В этом доме ежедневно меняли постельное белье и полотенца, стиральная машина на подвальном этаже гудела непрерывно. Думаю, этот порядок остался еще с тех времен, когда Мэриан была жива. Белье всегда было чистым и хрустящим, чтобы мы забыли о капельницах и влажном запахе телесных выделений. В студенческом возрасте я впервые поняла, что мне нравится запах секса. Однажды утром я пришла к подруге. В коридоре мимо меня пробежал парень, со смущенной улыбкой пряча носки в карманы брюк. Подруга лежала в спальне на постели, голая и потная, высунув ногу из-под одеяла. В комнате витал чисто плотский запах, грязный и сладковатый, как в медвежьей берлоге. Этот обжитой запах людей, которые провели вместе ночь, мне до сих пор почти неведом. Запах отбеливателя был мне тогда знаком гораздо больше.

* * *

Претензия не преминула последовать, но не от кого-то из тех, про кого я думала.

– Поверить не могу, что вы даже не упомянули в статье моего имени, – возмущенно зазвенел в трубке голос Мередит Уилер. – Вы не написали ничего из того, что я вам рассказала. Как будто мы с вами не разговаривали вовсе. А между прочим, Джона к вам привела я, помните?

– Мередит, я ни разу не говорила, что буду вас цитировать, – ответила я, раздраженная ее бесцеремонностью. – Мне жаль, если вам так показалось.

Я положила под голову голубого плюшевого мишку, потом почувствовала себя виноватой и посадила его обратно в изножье кровати. С памятью о детстве надо обращаться бережно.

– Просто не понимаю, почему вы меня обошли, – продолжила она. –

Если вам надо знать, какой была Натали, то для этого нужен Джон. А раз вам нужен Джон, то и я нужна. Я его девушка. Он мне практически принадлежит, спросите кого угодно.

– Ну, статья-то не о вас с Джоном, – сказала я.

Помимо дыхания Мередит, в трубке слышалась кантри-рок баллада, а также глухие удары, чередующиеся с шипением.

– Но ведь вы же написали о других уиндгапчанах. Об этом дураке отце Блуэлле, например. А обо мне почему ничего нет? Джон очень страдает, а я всегда с ним рядом, я его поддержка и опора. Он все время плачет. Я его утешаю.

– Вот буду писать другую статью, для которой понадобится больше лиц из Уинд-Гапа, тогда возьму у вас интервью. Если вам будет что сказать по делу.

Удар. Шипение. Она гладила.

– Я многое знаю об их семье, в том числе о Натали, такого, о чем Джон и не подумает. Или не скажет.

– Ну вот и замечательно. Я с вами свяжусь. Скоро.

Я повесила трубку, чувствуя себя неловко. Потом, опустив взгляд, заметила, что во время разговора на ногу, поверх шрамов, вывела ручкой «Мередит» красивым почерком прилежной школьницы.

* * *

Эмма сидела на веранде, закутанная в розовое шелковое одеяло, с влажным полотенцем на лбу. На столе стоял серебряный поднос с чаем, тостами и лекарствами в пузырьках. Мама круговыми движениями массировала себе щеку Эмминой рукой.

– Моя маленькая, моя маленькая, – шептала Адора, покачиваясь вместе с Эммой на качелях.

Эмма, сонная, полулежала, иногда причмокивая губами, как младенец. Это была моя первая встреча с мамой после поездки в Вудберри. Я постояла рядом, но она не отводила взгляда от Эммы.

– Привет, Камилла, – наконец прошептала Эмма и слабо улыбнулась.

– Твоя сестра больна. С тех пор как ты приехала, она так переживает, что у нее поднялась температура, – сказала Адора, не переставая массировать щеку.

«Наверно, она скрежещет зубами», – подумала я. Алан сидел в гостиной на диване и смотрел на них сквозь сетчатую дверь.

– Ты должна быть добрее к ней, Камилла, она ведь еще маленькая, – проворковала мама Эмме.

Малютка страдала похмельем. Прошлой ночью, выйдя от меня, Эмма пошла к себе в комнату пить. Вот как мама с дочкой строят свои отношения. Я ушла, оставив их шептаться, чувствуя, как на колене жжет «любимица».

* * *

– Добрый день, госпожа Сенсация!

Ко мне подъехал Ричард на седане. Я шла к месту обнаружения Натали, чтобы подробнее написать о шариках и записках, которые приносили потрясенные жители. Карри просил подготовить заметку на тему «Город в трауре». В том случае, если не появится ничего нового о преступнике. Что означает: лучше бы появилось, и поскорее.

– Добрый день, Ричард.

– Отличная статья. – («Чертов Интернет», – подумала я.) – Рад, что вы нашли источник, близкий к полиции. – Он улыбался.

– Я тоже рада.

– Садитесь, есть работа. – Он открыл дверь.

– У меня своей хватает. А наше сотрудничество пока мне дало только бесполезные комментарии об отказе комментировать. Так меня скоро уволят.

– Э-э, так не годится. Значит, отвлекаться не будем, – ответил он. – Поехали. Мне нужен проводник по Уинд-Гапу. За это я отвечу на три вопроса, честно и откровенно. Не для записи, конечно, но обязательно отвечу. Поехали, Камилла. Если только вы не торопитесь на свидание с полицейским источником.

– Ричард...

– Нет, правда, не хочу быть третьим лишним. У вас, может, роман в самом разгаре. Вы с этим загадочным парнем, наверное, прекрасная пара.

– Замолчите. – Я села в машину.

Он наклонился и пристегнул меня ремнем безопасности, на мгновение застыв так близко, что его губы почти касались моих.

– Я должен позаботиться о вашей безопасности. – Он показал на воздушный шарик, качающийся в проеме, где была найдена Натали. На шарике было написано: «Поправляйся поскорей!»

– По-моему, – сказал Ричард, – этим о Уинд-Гапе сказано все.

Ричард хотел осмотреть тайные закоулки города – такие, о которых знали только местные. Это такие места, куда приходят потрахаться или покурить травку, где пьют подростки или куда люди приходит посидеть в одиночестве и поразмыслить о том, как случилось, что их жизнь покатила под откос. У каждого бывает момент, когда жизнь сходит с рельсов. У меня это произошло в день смерти Мэриан. Вторым был момент, когда я взялась за нож.

– Пока неизвестно, где убили девочек, – сказал Ричард, кладя руку на спинку моего кресла. – Место убийства не нашли. Есть, например, свалки, а там следы обнаружить трудно – слишком грязно. – Он помолчал. – Извините, слово «убийство» страшно звучит.

– Может, тогда скажем «умерщвление»?

– Ого! Камилла, это слово стоит пятьдесят центов. А в Уинд-Гапе – все семьдесят пять.

– Да уж, я забыла, какие вы все в Канзас-Сити просвещенные.

Я велела Ричарду ехать по не отмеченной на карте гравиевой дороге, и мы ехали, пока не остановились в траве по колено, милях в десяти к югу от того места, где было найдено тело Энн. Я несколько раз обмахнулась рукой, тщетно надеясь обсохнуть в сыром воздухе, одернула рукава, прилипшие к рукам. Подумала: интересно, учует ли Ричард от меня запах вчерашней выпивки? Мы вошли в лес, спустились вниз, потом снова поднялись наверх. Тополиные листья серебрились, как всегда, будто на ветру. Изредка тишину нарушал шорох пробегающего зверька или шум крыльев взлетающей птицы. Ричард уверенно шел за мной, срывая на ходу листья и медленно разрывая их на кусочки. До места мы добрались взмокшие, у меня с лица капал пот. Перед нами была старая однокомнатная школа, слегка покосившаяся, с увитыми плющом стенами.

В школе мы увидели половину классной доски, прибитую гвоздями к стене. На ней были старательно нарисованы половые органы в момент совокупления, крупным планом. Пол был усеян сухими листьями и винными бутылками, среди которых несколько ржавых пивных банок – допотопных, тех, что открывались ключом. Уцелело и несколько парт. Одна покрыта скатертью, посередине – букет засохших роз. Жалкое место для романтического ужина. Надеюсь, он все же был приятным.

– Прекрасная работа, – сказал Ричард, показывая на один рисунок. Сквозь голубую рубашку следователя, прилипшую к телу, проступал абрис

хорошо очерченного торса.

– Конечно, здесь в основном подростки собираются, – сказала я. – Но тут недалеко от реки, поэтому я подумала, что вам надо сюда прийти.

– Э-э-э, ну да. – Он молча посмотрел на меня. – Чем вы занимаетесь в Чикаго в свободное от работы время? – Он оперся о стол, взял из вазы увядшую розу и стал крошить ее листья.

– Чем занимаюсь?

– У вас есть мужчина? Наверняка есть.

– Нет. С давних пор.

Ричард стал отрывать от розы лепестки. Трудно было понять, заинтересовал ли его мой ответ. Он поднял голову и улыбнулся:

– Трудная вы, Камилла. Легко не открываетесь, заставляете меня потрудиться. Мне это нравится – вы не такая, как все. Как правило, девушки болтают без умолку. Не обижайтесь.

– Я не стараюсь быть трудной. Просто не ожидала этого вопроса, – ответила я, утверждая свою позицию. Ну что ж, поболтать о жизни, пошутить – пожалуйста, это я умею. – А у вас девушка есть? Держу пари, что есть, даже две. Блондинка и брюнетка, под цвет разных галстуков.

– Все неверно. Девушки нет, а последняя у меня была рыжей. Не подходила ни под один мой костюм. Пришлось с ней расстаться. Жаль, она была хорошей.

Вообще, такие мужчины, как Ричард, мне никогда не нравились. Шикарные мужчины – те, что от природы, а также благодаря родителям обладают всем: внешностью, обаянием, умом; возможно, и состоянием. Мне они были неинтересны: они без изюминки и, как правило, трусливы. Такие мужчины инстинктивно избегают любой ситуации, которая может причинить им неудобство. Но Ричард мне не докучал. Может быть, потому, что у него был слегка скошен набок рот, когда он улыбался. Или потому, что в работе ему приходилось сталкиваться с отвратительными вещами.

– Камилла, а вы сюда приходили в школьные годы? – тихо, почти застенчиво спросил он. Он посмотрел в сторону, и его волосы заблестели, как золото, в лучах послеполуденного солнца.

– Конечно. Здесь отличное место для непристойных делишек.

Ричард подошел ко мне, протянул то, что осталось от розы, провел пальцем по моей влажной щеке.

– Понимаю, – сказал он. – Мне впервые стало жаль, что я провел юность не в Уинд-Гапе.

– Мы с вами могли бы быть хорошими друзьями, – ответила я совершенно серьезно. Мне вдруг стало грустно, что я не водилась с такими

парнями, как Ричард: с ним мне хотя бы было интересно.

– Вы красивы... Впрочем, вы это знаете, – произнес он. – Я и раньше хотел вам это сказать, но, по-моему, вы бы и слушать не стали. Так что я подумал...

Он поднял мне подбородок и поцеловал в губы, сначала осторожно, потом, видя, что я не сопротивляюсь, схватил меня в объятия и жадно впился в рот. Это был мой первый поцелуй за последние три года. Я провела руками по его спине, вдоль которой посыпались остатки розы. Потом, отвернув от его шеи воротник рубашки, ответила на поцелуй.

– Ты самая красивая девушка из всех, кого я видел, – сказал он, проводя пальцем вдоль моей щеки. – Когда я впервые тебя увидел, то не мог ни о чем больше думать до конца дня. Тогда Викери отправил меня домой, – проговорил он со смехом.

– Я тоже думаю, что ты очень красив, – ответила я, беря его за руки, чтобы он меня не щупал. Моя блузка была тонкой, и я не хотела, чтобы он обнаружил шрамы.

– Также очень красив? И все? – Он засмеялся. – Ну и ну, Камилла, а ты, похоже, и вправду совсем не романтична!

– Просто это все для меня неожиданно. Знаешь, я не думаю, что из нас получится хорошая пара.

– Кошмарная будет пара. – Он поцеловал меня в мочку уха.

– Кстати, ты не хотел бы осмотреть школу?

– Мисс Прикер, я обыскал ее через неделю после того, как сюда приехал. Я просто хотел прогуляться с вами.

Как оказалось, Ричард обыскал еще два местечка, которые я хотела ему показать. В заброшенной охотничьей хижине в южной части леса была найдена клетчатая лента для волос, но никто из родителей девочек ее не опознал. На отвесном берегу Миссури в восточной части города, где можно сидеть и смотреть на реку, текущую далеко внизу, обнаружили отпечаток детской кроссовки, но такой обуви у девочек не было. На траве обнаружены засохшие капли крови, но ее группа не соответствовала ни одной крови убитых. Снова я оказалась бесполезной. Но Ричарда, казалось, это не заботит. Мы поехали на берег, прихватив с собой шесть бутылок пива, а там сели на солнце и стали смотреть на реку, которая лениво извивалась внизу серебристой змеей.

Когда Мэриан еще могла вставать с постели, это было одно из ее любимых мест. На мгновение я почувствовала на спине тяжесть детского тела, горячее дыхание и тихий смех в ухо, худенькие руки, обвивающие мои плечи.

– Куда бы ты отвела девочку, чтобы ее задушить? – спросил Ричард.
– К себе в машину или домой, – ответила я, вздрогнув от неожиданности.
– А чтобы выдернуть зубы?
– Туда, где можно потом смыть с себя кровь. В подвал. В ванную. К этому моменту девочки были уже мертвы?
– Это один из трех вопросов?
– Конечно.
– Да, они обе были мертвы.
– С момента смерти прошло достаточно долгое время для того, чтобы кровотечения не было?

Баржа на реке стала отклоняться от курса; на борту появились мужчины с шестами и начали ее разворачивать в нужном направлении.

– У Натали была кровь. Ей зубы извлекли сразу после того, как задушили.

Мне представилось, как Натали Кин бросили в ванну. Девочка лежит, карие глаза неподвижно смотрят в пустоту. Потом ей вытаскивают зубы. По подбородку течет кровь. Клещи. В женской руке.

– Ты веришь Джеймсу Кэписи?

– Я правда не знаю, Камилла, честное слово. Ребенок до смерти напуган. Его мать звонит нам и просит приставить к нему охрану. Он боится, что эта женщина придет за ним. Я устроил ему небольшой допрос с пристрастием, сказал, что он лжет, чтобы посмотреть, не откажется ли он от своих слов. Не отказался. – Ричард повернулся ко мне. – Вот что я тебе скажу: Джеймс Кэписи верит в то, что говорит. Но я не понимаю, как это может быть правдой. Это не подходит ни под один известный мне профиль преступника. Что-то здесь не то. Так мне чутье подсказывает. Ты же с ним разговаривала, что думаешь сама?

– Согласна. Его мать смертельно больна; он, вероятно, живет в страхе и проецирует его – на кого-то или на что-то, не знаю. А что ты думаешь про Джона Кина?

– В общем, возраст подходящий, родственник одной из жертв, горюет так сильно, что можно заподозрить неладное.

– Все-таки убита его сестра.

– Да, но... я сам мужчина и уверяю тебя, что молодой парень скорее покончит с собой, чем станет плакать в общественном месте. А он рыдал на глазах у всего города.

Ричард протрубил в пустую пивную бутылку, отвечая на гудок проплывающего мимо буксира.

Когда Ричард отвозил меня домой, светила луна и цикады звенели, как в джунглях. Их ритмичному стрекоту вторила пульсация у меня между ног, где я позволила ему потрогать. Расстегнув молнию брюк, я направила его руку к ложбинке и держала ее там, чтобы он не нащупал выпуклые рубцы повсюду на моем теле. Мы довели друг друга до экстаза, как юнцы (между тем у меня на стопе колотилось слово «малыш», розовое и твердое). Я была липкой, и от меня пахло сексом, когда, открыв дверь, я увидела маму, сидящую на нижней ступеньке лестницы с графином «Амаретто сауэр».

Мама уже надела розовую ночную сорочку с детскими рукавами фонариком и атласным бантиком на воротнике. На руках – снова кипенно-белый бинт, наверняка уже ненужный. Без единого пятнышка, хотя она была сильно навеселе. Когда я вошла, она слегка покачнулась, точно призрак, раздумывающий, не пора ли исчезнуть. Решила остаться.

– Камилла, присядь. – Она поманила белой, как облако, рукой. – Нет, сначала возьми на кухне бокал. Ты же можешь выпить с мамой. С родной мамой.

«Ничего хорошего из этого не выйдет», – подумала я, пока шла за бокалом. Но где-то на задворках сознания блуждала мысль: наконец-то побуду с ней наедине! Детское желание, которое никак не исчезнет из памяти. Ладно, пройдет.

Мама налила мне полный бокал «Амаретто», беспечно, но не пролив ни капли. Но мне, чтобы донести его до рта и не расплескать, пришлось постараться. Глядя на меня, она слегка усмехнулась. Прислонившись к колонне лестницы, подогнула под себя ноги и отпила из бокала.

– Думаю, я все-таки поняла, почему не люблю тебя, – сказала она.

Я это знала, но такое признание прозвучало из ее уст впервые. Я попыталась убедить себя, что заинтригована, как ученый, совершающий открытие, но в горле встал комок, и стало трудно дышать.

– Ты похожа на мою мать Джойю. Такая же сухая, холодная и невыносимо горделивая. Меня мать тоже никогда не любила. Но если вы, девочки, не будете меня любить, то и я вас не буду.

На меня нахлынула волна ярости.

– Я никогда не говорила, что не люблю тебя, что за вздор ты несешь! Какой-то бред сивой кобылы! Ты сама никогда меня не любила, даже когда я была ребенком. От тебя всегда исходил только холод, так что не сваливай вину на меня.

Я принялась с силой тереть ладонь о край ступени. Мать, глядя на это, криво улыбнулась, и я перестала.

– Ты никогда не была ласковой. Только и знала, что упрямиться и своевольничать. Помню, как-то вас фотографировали в школе, когда тебе было лет шесть или семь и я хотела накрутить тебе волосы на бигуди. А ты мне назло обрезала себе волосы ножницами для ткани.

Я такого не припоминала. Зато помнила, что это рассказывали про Энн.

– Мама, мне так не кажется.

– Упрямица. Как и те девчонки. Я ведь пыталась с ними сблизиться – с теми, которых убили.

– Сблизиться? То есть?

– Они были похожи на тебя, тоже носились повсюду как оголтелые. Как дикие зверьки. Маленькие, хорошенькие зверьки. Я думала, что если познакомлюсь с ними ближе, то буду лучше понимать тебя. Если бы я смогла к ним привязаться, то, может быть, полюбила бы и тебя. Но я не смогла.

– Да, конечно не смогла.

Дедушкины часы пробили одиннадцать. Интересно, сколько раз мама слышала этот бой, пока здесь росла.

– Когда я была беременна тобой – ведь совсем еще юной была, намного моложе, чем ты сейчас, – я надеялась, что ты меня спасешь. Думала, ты будешь меня любить. И тогда мама наконец меня полюбит. Зря надеялась.

Мамин голос взмыл ввысь, непокорно, как легкий платок, сорвавшийся с плеч на ветру.

– Я же была совсем еще крошкой.

– Ты уже с самого начала меня не слушалась, отказывалась есть. Словно наказывала меня за то, что я тебя родила. Из-за тебя я чувствовала себя душой. Несмышленной, как дитя.

– Так ты и была еще почти ребенком.

– И вот теперь ты вернулась домой, а я только и думаю: «Почему Мэриан, а не она?»

Моя ярость переросла в глухое отчаяние. Я нащупала на полу железную скобу, скрепляющую доски. Вонзила ее под ноготь. Эту женщину я бы оплакивать не стала.

– Мама, я и сама не рада, что меня прислали сюда, если тебе от этого легче.

– Как же ты отвратительна.

– Вся в тебя.

Вдруг она вскочила и схватила меня за плечи. Потом дотянулась до моей спины и пальцем очертила на ней круг – в том месте, где не было шрамов.

– Вот единственное место, которое ты оставила чистым, – прошептала она.

От нее пахло мускусом; ее дыхание было сладким и теплым, как пар над весенним родником.

– Да.

– Однажды я вырежу здесь свое имя. – Она встряхнула меня за плечи, отпустила и ушла, оставив на лестнице наедине с графином недопитого теплого «Амаретто».

* * *

Я допила «Амаретто», заснула и увидела страшный, мерзкий сон. Мать вспорола мне живот, раздвинула в стороны плоть и стала выкладывать на кровать органы. Она их брала по одному, вышивала на каждом свои инициалы и бросала обратно в меня вперемежку с множеством забытых вещей: ярко-оранжевым резиновым шариком, который мне попался в автомате с жевательной резинкой, когда мне было десять лет; фиолетовыми шерстяными чулками, которые я носила в двенадцать лет; дешевым кольцом из желтого металла, подаренным одним мальчиком на первом курсе. Видя все эти предметы, я чувствовала облегчение: теперь они не потеряются.

* * *

Я проснулась за полдень, в растерянности и страхе. Чтобы немного успокоиться, отхлебнула из фляги водки, но меня тут же замутило, и я побежала в ванную, где, помимо водки, из меня вышел вчерашний «Амаретто».

Раздевшись догола, я легла в ванну, чувствуя на спине приятную прохладу фарфора. Не вставая, включила воду и стала ждать, пока она не накроет меня всю, залившись в уши, пока наконец не раздастся последний булькающий звук, как от ушедшего под воду судна. Хватит ли мне когда-нибудь воли дожидаться, пока вода накроет мне лицо, и утонуть с

открытыми глазами? Ведь достаточно просто удержаться под водой, не подниматься на несколько сантиметров – и все.

Вода захлестнула мне глаза, залилась в нос, потом накрыла меня целиком. Я представила, как выгляжу сверху: исполосованное тело и неподвижное лицо, проглядывающее сквозь пленку воды. Тело не успокаивалось, крича: «Корсаж», «грязный», «зануда», «вдова». Желудок и горло конвульсивно сжимались, отчаянно пытаюсь втянуть воздух. «Палец», «шлюха», «пустой». Потерпеть бы еще чуть-чуть. Так и умереть – это же просто. «Бутон», «цветок», «красивый».

Я рывком поднялась над водой и глотнула воздуха. Тяжело задышала, подняв голову к потолку.

«Спокойно, спокойно, – говорила я себе, – спокойно, моя милая, все будет хорошо».

Погладила себя по щеке, утешая ласковыми словами, как маленькую, – как же это жалко, – но наконец мое дыхание пришло в норму.

Потом вспышка паники. Я дотянулась до спины и нащупала кружок, где не было вырезано ни одного слова. Он оставался таким же гладким, как всегда.

* * *

Над городом низко висели черные тучи, из-под которых выглядывало солнце, окрасив все вокруг в противный желтый цвет, так что казалось, мы под лампой, точно букашки. Я еще не оправилась после стычки с мамой, и слабый свет солнца был под стать моему состоянию. Но сегодня надо ехать к Мередит Уилер, чтобы взять у нее интервью о семье Кин. Не будучи уверенной, что от него будет толк, и надеясь записать хотя бы какую-то цитату. Это было необходимо, ведь я не общалась ни с кем из семьи Кин с тех пор, как вышла моя последняя статья. По правде говоря, теперь, когда Джон жил за домом Мередит, я могла проникнуть к нему только через нее. Она наверняка этому рада.

Сначала я отправилась пешком на Главную улицу, где со вчерашнего дня стояла моя машина, – я оставила ее там, когда поехала кататься с Ричардом.

Я бессильно опустилась в водительское кресло. До назначенного времени оставалось полчаса с лишним. Зная, что Мередит будет долго прихорашиваться перед интервью, я предположила, что она попросит меня подождать ее в патио за домом и тогда есть надежда встретить Джона. Но

оказалось, что дома ее нет. За домом играла музыка, и, пройдя туда, я увидела четырех юных блондинок в ярких бикини, которые по очереди затягивались косяком, стоя с одной стороны бассейна, и Джона. Он сидел в тени с другой стороны и смотрел на них. Малышка Эмма, светловолосая и загорелая, выглядела восхитительно; от ее вчерашнего похмелья не осталось и следа. Она была яркой и аппетитной, как конфетка.

При виде ее гладкого тела я почувствовала, как мое нутро принялось завистливо ворчать. Испытывая острую по хмельную панику, я не находила сил встретиться с ними в открытую, поэтому стала подсматривать из-за угла. Меня мог заметить кто угодно, но никому до меня не было дела. Вскоре подружек Эммы разморило от мари хуаны и жары, и они распластались на одеялах, уткнувшись лицом вниз.

Эмма встала и, глядя на Джона пронизывающим взглядом, стала натираться маслом для загара. Провела ладонями по плечам, шее и, дойдя до груди, просунула руки под лифчик, по-прежнему не сводя глаз с Джона, который смотрел на нее. Джон и ухом не повел, точно ребенок, который шестой час подряд смотрит телевизор. Чем похотливее натиралась Эмма, тем бесстрастнее был он. Одна треугольная чашечка сдвинулась набок, обнажив округлую грудь. «А ведь всего тринадцать лет!» – невольно восхитилась я. Когда страдала я, то причиняла боль себе. Эмма же нападала на других. Когда мне хотелось внимания, я отдавалась парням: «Делайте со мной, что хотите, только любите меня». У Эммы даже сексуальные заигрывания имели агрессивный характер. Длинные худые ноги, тонкие запястья и высокий, нарочито детский голос – все было нацелено на потенциальную жертву, как оружие. «Делай, что я хочу, – может быть, ты мне понравишься».

– Эй, Джон, кого я тебе напоминаю? – крикнула Эмма.

– Маленькую девочку, которая плохо себя ведет и думает, что это красивее, чем есть на самом деле, – отозвался Джон.

Он сидел на краю бассейна в шортах и майке, опустив ноги в воду. Они были покрыты легким, почти как у женщины, пушком.

– Правда? Что же ты тогда все подсматриваешь за мной из своей конуры? – спросила она, указывая ногой на фургон с маленьким, точно чердачным, окошком, на котором красовались голубые занавески в клетку. – Мередит заревнует.

– Эмма, я всегда за тобой смотрю. Помни об этом.

Может быть, сестра заходила к нему без приглашения, рылась в его вещах. Или ложилась в его постель и там его ждала.

– Теперь, конечно, смотришь, – сказала она со смехом, широко

расставив ноги. На ее лицо падали тени, и оно стало казаться пятнистым и страшным.

– Настанет и твой черед, Эмма, – заметил он. – Причем скоро.

– Ну, ты герой. Понятно, – ответила сестра.

Кайли подняла голову, туманным взглядом посмотрела на нее, улыбнулась и снова легла.

– А еще терпеливый.

– Терпение тебе понадобится. – Она послала ему воздушный поцелуй.

Мне было тошно – как от маминого «Амаретто сауэр», так и от этого флирта. Мне не нравилось, что Джон Кин заигрывает с Эммой, хоть она его и провоцирует. Это всего лишь тринадцатилетняя девчонка.

– Привет! – сказала я.

Эмма обернулась и помахала мне рукой. Две подруги подняли головы, затем снова легли. Джон зачерпнул воды из бассейна, умыл лицо и только потом изобразил улыбку. Очевидно, вспоминал разговор, раздумывая, что из него я могла услышать. Я стояла напротив середины бассейна, одинаково далеко от девочек и Джона, потом направилась к юноше и остановилась в нескольких шагах от него.

– Вы читали статью? – спросила я.

Он кивнул.

– Да, спасибо, мне понравилось. Во всяком случае, то, что про Натали.

– Я пришла побеседовать с Мередит о Уинд-Гапе и, может быть, задам ей несколько вопросов о вашей сестре, – сказала я. – Не возражаете?

Он пожал плечами.

– Нет, конечно. Только она еще не пришла. Она готовила чай и заметила, что кончился сахар. Переполошилась, побежала в магазин. Даже накраситься не успела.

– Вот ужас-то.

– Для Мередит – да.

– Как вы себя чувствуете в Уинд-Гапе?

– Эх... нормально, – ответил он. Стал поглаживать себе руку. Переживает. Мне стало его жаль. – Не знаю, лучше ли где-то еще, так что мне сравнивать трудно. Понимаете?

– Вы хотите сказать: «Здесь просто невыносимо, тоска смертельная, но я не знаю, где лучше»? – предположила я.

Он повернулся и посмотрел на меня. В его голубых глазах отражался овальный бассейн.

– Именно это я и хотел сказать.

«Привыкай», – подумала я.

– Вам не хотелось бы обратиться к специалисту? – спросила я. – Думаю, что психолог мог бы оказать вам серьезную помощь.

– Ага, Джон, пусть поможет тебе справиться с кое-какими желаниями. Сдержаться, когда тебе чего-то хочется *до смерти*. Нам не надо, чтобы еще какие-нибудь девочки остались без зубов.

Эмма прыгнула в бассейн и стала плавать метрах в трех от нас.

Джон вскочил, и мне на мгновение показалось, что он сейчас бросится к ней и станет душить. Но он показал ей средний палец, беззвучно открыл и закрыл рот, потом ушел в свой домик.

– Жестоко ты с ним, – заметила я.

– Зато смешно, – сказала Кайли, проплывая мимо на ярко-розовом надувном матрасе.

– Вот ненормальный, – прибавила Келси, плывя за ней.

Джоудс сидела на одеяле, упершись подбородком в колени, и молча смотрела на фургон.

– Недавно ночью ты была со мной так мила. И вдруг такая перемена, – шепотом сказала я Эмме. – В чем дело?

Она на мгновение растерялась.

– Не знаю, – ответила она. – Жаль, что так получается. Постараюсь исправиться.

Она поплыла догонять подруг, и тут в двери показалась Мередит и капризным голосом пригласила меня войти.

* * *

Дом Уилеров показался мне знакомым: мягкий плюшевый диван, журнальный столик с моделью парусника, стильная бархатная желто-зеленая оттоманка, черно-белая фотография Эйфелевой башни, снятой под углом. Весенний каталог с товарами для дома Поттери Барн. Даже лимонно-желтые тарелки, на которых Мередит сейчас подавала глазированные пирожные с ягодами.

На ней был льняной сарафан цвета неспелого персика, волосы приспущены на уши и на затылке собраны в свободный хвост – с этой прической, требующей большой аккуратности, она, должно быть, возилась минут двадцать. Мередит вдруг показалась очень похожей на мою мать. Ее скорее можно принять за дочь Адоры, чем меня. Пока она накрывала на стол, я боролась с закипающей во мне завистью. Разлив по стаканам сладкий чай, она улыбнулась.

– Не знаю, что вам наговорила моя сестра, но могу предположить, что это была какая-нибудь гадость или пошлость, поэтому прошу прощения, – сказала она. – Впрочем, вы наверняка знаете, что заводила у них Эмма.

Она посмотрела на пирожное, но, казалось, передумала его есть. Слишком красивое.

– Думаю, вы знаете Эмму лучше, чем я, – ответила я. – Похоже, они с Джоном не...

– Бедный ребенок, вечно ей не хватает внимания, – сказала она, кладя ногу на ногу. Потом поставила ноги рядом и расправила сарафан. – Эмма боится, что иссохнет и разлетится по ветру, если к ней не будет постоянно приковано внимание, особенно мальчиков.

– За что она не любит Джона? Она намекала на то, что Натали убил он.

Я достала диктофон и включила, отчасти потому, что не хотела тратить время на пустые пересуды, а также надеясь, что она скажет о Джоне что-нибудь стоящее – то, что пригодится для статьи. Если его подозревают в первую очередь, хотя бы местные жители, то мне нужен об этом комментарий.

– Такой у Эммы характер. Не сахар. Джону нравлюсь я, а не она, вот она на него и нападает. Когда еще не пытается его увести. Как будто это возможно.

– Но, как я вижу, такие слухи ходят. Многие считают Джона виновным. Как вы думаете, почему?

Она пожала плечами, выпятила нижнюю губу, посмотрела на крутящуюся пленку диктофона.

– Вы же сами понимаете – просто он приезжий. Умный, практичный и в десять раз красивее, чем любой из местных парней. Людям хочется, чтобы убийцей был он, потому что это бы значило, что... зло не из Уинд-Гапа. Что оно пришло извне. Ешьте пирожное.

– Вы верите в его невиновность? – Я откусила пирожное, и по губам размазалась глазурь.

– Конечно. Это все досужие сплетни. И все из-за того, что он поехал покататься... Что с того, здесь многие так делают. Джону просто не повезло, поехал в неурочный час.

– А что вы можете сказать о семье Кин? В частности, о Натали? И об Энн?

– Это были прелестные, очень милые и послушные малышки. Похоже, Господь забрал к себе на небо лучших девочек Уинд-Гапа.

Слова, произнесенные заученным тоном, явно были подготовлены заранее. И улыбка была наигранной. Представляю, как она ее

репетировала: слабая будет выглядеть скупой, широкая – неприлично довольной. А вот эта – то, что нужно. Мужественная и оптимистичная.

– Мередит, я знаю, что вы о них другого мнения.

– Ну а что, по-вашему, я должна сказать? – спросила она резко.

– Правду.

– Не могу. Джон меня возненавидит.

– Я могу не называть вашего имени.

– Тогда какой смысл брать у меня интервью?

– Если вы знаете о девочках то, о чем другие не говорят, расскажите.

Полезные сведения могут отвлечь внимание от Джона.

Мередит отпила маленький глоток чая, промокнула салфеткой уголки клубничных губ.

– Но вы не могли бы все же упомянуть мое имя где-нибудь в статье?

– Могу вас процитировать в каком-нибудь другом месте.

– Я хочу, чтобы вы написали, что Бог забрал к себе лучших девочек Уинд-Гапа, – по-детски упрямо протянула Мередит. Она сжала руки и кокетливо улыбнулась.

– Нет. Этого я писать не стану. Я процитирую ваши слова о том, что Джон приезжий и поэтому люди сплетничают о нем.

– Почему вы не можете написать то, что я хочу? – Мередит напоминала нарядную, как принцесса, пятилетнюю девочку, которая капризничает, потому что ее любимая кукла не хочет пить воображаемый чай.

– Потому что это противоречит тому, что я слышала, и потому что так никто не говорит. Это звучит фальшиво.

Разговор получался на редкость жалким и не по правилам журналистской этики. Но я должна была узнать, что она хотела мне рассказать. Мередит покрутила серебряную цепочку на шее, глядя на меня изучающим взглядом.

– А знаете, вы могли бы быть моделью! – вдруг сказала она.

– Сомневаюсь, – отрезала я. Всякий раз, когда мне говорили, что я красива, я вспоминала о том безобразии, что скрывалось у меня под одеждой.

– Да, могли. В детстве я мечтала быть такой же, как вы. И потом о вас не забывала. Ну, наши мамы ведь дружат, общаются, поэтому я знала, что вы уехали в Чикаго, и воображала, что вы живете в большом особняке, с детками и мужем – крутым чуваком, допустим банкиром. Как вы все утром на кухне пьете апельсиновый сок, а потом он садится в «ягуар» и едет на работу. Но теперь догадываюсь, что я все представляла себе неправильно.

– Да, неправильно. Впрочем, звучит неплохо. – Я откусила еще кусочек пирожного. – Так расскажите мне о девочках.

– Эх, что вы все только о работе? Вы и раньше были такой – не слишком-то дружелюбной. Я знаю о вашей сестре. Что у вас была сестра и она умерла.

– Мередит, поговорим об этом потом. Я не против. Но после того, как закончим интервью. Доделаем дело, а там уже можно будет расслабиться и поболтать. – Я не собиралась задерживаться более чем на минуту после того, как она мне все расскажет.

– Хорошо... Значит, так. Я вот думаю, почему... зубы... – Она изобразила руками, как их выдергивают.

– Почему?

– Поверить не могу, что все отказываются это признавать, – сказала она.

Мередит обвела взглядом комнату.

– Я вам этого не говорила, ладно? – продолжила она. – Обе девочки, Энн и Натали, кусались.

– То есть как это – кусались?

– Как маленькие вампиры. Они были очень норовистыми. Вели себя как мальчишки. Только они не били, а кусались. Посмотрите.

Она вытянула ладонь. Под большим пальцем отчетливо виднелись три шрама, белых и блестящих на свету.

– Это мне досталось от Натали. И еще вот это. – Она откинула волосы и показала ухо, у которого не было половины мочки. – Она укусила мне руку, когда я красила ей ногти. Сказала, что ей не нравится, но я еще не закончила и попросила ее немножко потерпеть. Она хотела выдернуть руку, а я ее придержала, и тогда она впиалась в меня зубами.

– А что с ухом?

– Я осталась у них однажды на ночь, когда у меня не заводилась машина. Я спала в гостевой комнате, и вдруг – кровь по всему одеялу, ухо горит как в огне, и мне хочется убежать от боли, да разве от нее сбежишь. И Натали кричала как на пожаре. Ее вопль был еще страшнее, чем укус. Господин Кин заломил ей руки. У девочки были серьезные проблемы. Мы искали мою мочку, чтобы ее пришили на место, если возможно, но она исчезла. Наверное, Натали ее проглотила. – Мередит рассмеялась, но ее смех был больше похож на кашель. – Мне, в общем-то, жаль ее.

Ложь.

– Энн была не лучше?

– Еще хуже. В Уинд-Гапе немало людей, у которых остались следы от

ее зубов. Кстати, они есть и у вашей мамы.

– Что? – Мои ладони покрылись испариной, а в затылке похолодело.

– Ваша мама давала ей урок, и Энн что-то не понимала. Вдруг на нее нашло. Она выдрала у вашей мамы клочок волос, а потом вцепилась зубами ей в запястье. Крепко. Думаю, у нее остались швы.

В моем воображении замелькали картинки: тонкая мамина рука в детских зубах; Энн, которая по-собачьи трясет головой; пятно крови, расплывающееся на мамином рукаве; губы девочки в крови. Крик – и рука на свободе.

Рванный след, внутри которого кружок гладкой, нетронутой кожи.

Глава одиннадцатая

Я стояла в своей комнате перед телефоном. Мамы не видно, не слышно. С первого этажа доносился голос Алана. Он отчитывал Гейлу за то, что она неправильно нарезала мясо.

– Вроде бы мелочи, но учти такую вещь: именно от таких мелочей зависит, что у тебя получится – хороший обед или блин комом.

Гейла что-то промычала в знак согласия. Даже «ага» и «угу» она произносила с провинциальным акцентом.

Я позвонила Ричарду на мобильный – такой телефон в Уинд-Гапе редкость. Впрочем, что уж мне язвить: сама из Чикаго, а сотового нет. Просто мне никогда не хочется быть настолько досягаемой.

– Следователь Уиллис.

В трубке было слышно, как кого-то вызывают по громкоговорителю.

– Ты занят, следователь? – Я покраснела, чувствуя, что игривый тон, как и флирт на рабочем месте, – это глупость.

– Привет, – сдержанно ответил он. – Я сейчас заканчиваю кое-какие дела. перезвоню попозже, хорошо?

– Конечно, перезвони на номер...

– У меня твой номер определился.

– Да неужели?

– Честное слово.

* * *

Ричард перезвонил через двадцать минут.

– Извини, я был в больнице в Вудберри, вместе с Викери.

– Напали на след?

– Возможно.

– Дашь комментарий?

– Прошлой ночью я отлично провел время.

За последние несколько минут я раз двадцать написала у себя на ноге: «Ричард – коп – Ричард – коп», теперь заставила себя остановиться: безудержно хотелось обвести эти слова каким-нибудь острым предметом.

– Я тоже. Послушай, мне надо срочно кое о чем тебя спросить – только чтобы ты ответил. Конфиденциально. И еще нужен комментарий для

следующей статьи.

– Хорошо, Камилла, постараюсь тебе помочь. Что ты хочешь спросить?

– Давай встретимся в том паршивом баре, где мы с тобой сидели в первый раз? Для этого нужна личная встреча. К тому же мне просто необходимо выбраться из дома, а еще – да, признаюсь честно: выпить хочу.

В баре «Сенсорс» я сначала встретила своих бывших одноклассников – трех хороших ребят. Один из них когда-то прославился, получив на ярмарке штата наградной значок за то, что вырастил самую толстую свинью, отвратительно жирную свиноматку, из которой сочилось молоко. Вполне стереотипный провинциал – наверняка понравился бы Ричарду. Мы мило пообщались; они оплатили мне две первые порции виски и показали фотографии своих детей, которых на всех было восемь. Другой, Джейсон Тернбоу, остался таким же светлоголовым и круглолицым, как в детстве. Пока мы говорили, этот розовощекий малый с круглыми голубыми глазами, высунув кончик языка, то и дело пялился на мою грудь. Перестал лишь тогда, когда я достала диктофон и задала вопрос об убийствах. Теперь его вниманием всецело завладели крутящиеся колесики диктофона. Люди всегда входили в раж при виде своих имен в прессе. А как же, это ведь доказательство их существования. Я представляла, как из пачки газет вылетают духи и начинают лихорадочно спорить, показывая друг другу свои имена на страницах: «Смотри, вот я! Я же говорил тебе, что я живу! Говорил же – существую!»

– Кто бы мог подумать, когда мы учились в школе, что однажды будем тут сидеть и говорить об убийствах, произошедших в Уинд-Гапе! – восхитился Томми Ринджер, ныне темноволосый дяденька с бородой.

– С ума сойти! А я вот, например, и знать тогда не мог, что буду работать в супермаркете, – сказал Рон Леард, добродушный малый с мышинным лицом и по-медвежьи басистым голосом.

Все трое засветились от неуместной гражданской гордости. В Уинд-Гапе совершено чудовищное злодеяние, а они этому как будто рады. Можно дальше работать в супермаркете, аптеке, инкубаторе. А когда они умрут, эти события будут значиться в списке их свершений – наряду с женитьбой и рождением детей. Вернее, это то, что просто с ними случилось. А еще точнее – то, что случилось в их городе. Я не могла полностью согласиться с мнением Мередит. Некоторым людям хотелось, чтобы убийцей был уроженец Уинд-Гапа. Какой-нибудь парень, с которым они когда-то вместе ходили на рыбалку, были в одной дружине бойскаутов. Так интереснее.

Вошел Ричард, распахнув дверь, которая была легкой, хотя на вид

казалась массивной. Каждый посетитель толкал ее слишком сильно, поэтому она то и дело ударялась о стену, словно расставляя в разговоре точки, когда ей заблагорассудится.

Ричард направился ко мне, перекидывая куртку через плечо, и трое мужчин охнули.

– Так вот это кто...

– Я фигею, парень.

– Алкоголь разрушает клетки мозга. Побереги их для дела, старина. Они тебе нужны.

Я спрыгнула с табуретки, облизала губы и улыбнулась.

– Ладно, ребята, мне пора работать. Буду брать интервью. Спасибо за угощение.

– Возвращайся, когда тебе станет скучно, – сказал Джейсон.

Ричард улыбнулся ему, сквозь зубы пробормотав «идиот».

Я залпом выпила третий стакан бурбона и попросила официантку побыстрее принести нам еще виски. Когда стаканы стояли перед нами, я осталась сидеть, подперев голову руками и думая, что же меня и в самом деле тянет говорить «все только о работе». Я заметила у Ричарда шрам над бровью и маленькую ямочку на подбородке. Под столом он дважды погладил мою ногу своей.

– Ну, мисс Сенсация, что у тебя стряслось?

– Послушай, мне нужно кое-что узнать. Очень нужно. Если ты не можешь мне сказать – значит не можешь, но, пожалуйста, подумай хорошенько.

Он кивнул.

– Думая о том, кто совершил эти убийства, ты представляешь себе кого-то конкретного? – спросила я.

– Да, нескольких человек.

– Мужчин или женщин?

– Камилла, почему ты спрашиваешь об этом именно сейчас и с такой настойчивостью?

– Мне просто нужно знать.

Ричард помолчал, отпил из стакана, потер щетинистый подбородок.

– У этих убийств не женский почерк. – Он снова погладил мою ногу. – Но все-таки в чем дело? Скажи как есть.

– Не знаю, я просто извелась. Уже понять не могу, на что направить силы.

– Давай помогу.

– Ты знаешь, что девочки прославились из-за того, что кусались?

– Мне рассказывали в школе, что был скандал в связи с тем, что Энн убила у соседней птицу, – ответил он. – А за Натали следили строже, из-за того, что она натворила в прежней школе.

– Натали откусила у одной своей знакомой мочку уха.

– Нет. С тех пор как Натали приехала сюда, никаких жалоб на нее не поступало.

– Значит, в полицию об этом не заявляли. Ричард, я видела пострадавшего, мочка действительно откушена, и врать ему незачем. Энн тоже отличилась, кого-то покусала. Мне все чаще кажется, что девочки кого-то очень разозлили. Похоже, их истребили. Как бешеных животных. Может быть, поэтому и зубы выдрали.

– Давай по порядку. Во-первых, кого укусила каждая из них?

– Этого я сказать не могу.

– Камилла, я сюда не дурака валять пришел, черт побери! Скажи.

– Нет. – Его гнев меня удивил. Я думала, он засмеется и скажет, что я особенно хороша, когда не повинуюсь.

– Это же убийство, черт возьми! Если ты что-то знаешь, то должна мне сказать.

– Так делай свою работу.

– Камилла, я пытаюсь, но от тебя помощи нет – мы только тратим время.

– Вот теперь тебе понятно, что это такое? – по-детски беспомощно пробормотала я.

– Ладно, – он потер глаза, – день был утомительным, так что... спокойной ночи. Надеюсь, что я тебе помог.

Ричард встал и подтолкнул мне свой недопитый стакан виски.

– Мне нужен официальный комментарий.

– Потом. Мне надо подумать о том, как быть дальше. Может быть, ты была права и ничего хорошего у нас с тобой не выйдет.

Он ушел; одноклассники тут же позвали меня к себе за стол. Я покачала головой, допила бурбон, потом склонилась над блокнотом и писала до тех пор, пока они не ушли. В блокноте осталось: «ненавижу этот город – ненавижу этот город», и так на двадцати страницах.

* * *

Дома на этот раз меня ждал Алан. Он сидел на викторианском диванчике из белой парчи и черного ореха, одетый в белые слаксы и

шелковую рубашку, на ногах изящные белые шелковые тапочки. Если бы я видела его на фотографии, то стала бы гадать, из какой эпохи этот фронт: может, из начала прошлого века? Или из пятидесятых годов? Так нет, это просто богатый бездельник двадцать первого века, который никогда в жизни не работал, часто пил и время от времени удовлетворял жену.

В отсутствие мамы мы с Аланом разговаривали очень редко. Помню, в детстве я как-то раз налетела на него, когда бежала по коридору, и тогда он неловко нагнулся ко мне и спросил: «Эй, надеюсь, ты не ушиблась?» Мы жили в одном доме уже более пяти лет, и это все, что он удосужился мне сказать. «Нет, не беспокойтесь», – был мой ответ.

Правда, теперь, по всей видимости, Алан решил взять на себя такой нелегкий труд, как разговор со мной. Сразу, без обиняков, только вместо вступления похлопал диван рядом с собой. Он держал на коленях тарелку с крупными серебристыми сардинами, запах от которых чувствовался даже в коридоре.

– Камилла, – сказал он, вонзая маленькую вилку в рыбий хвост, – ты довела свою мать до болезни. Я буду вынужден попросить тебя уехать, если так будет продолжаться дальше.

– Довела до болезни? Каким образом?

– Ты все время терзаешь ее и мучаешь, напоминая ей о Мэриан. Нельзя же рассуждать о том, во что со временем превращается погребенное тело, говоря с матерью умершего ребенка! Может быть, ты воспринимаешь это спокойно, Адора – нет.

По его груди скатился кусочек рыбы, оставив на рубашке несколько жирных пятен величиной с пуговицу.

– Нельзя говорить с ней о телах убитых девочек или о том, сколько крови вышло у них изо рта, когда им выдрали зубы, или сколько времени понадобилось на то, чтобы их задушить.

– Алан, я никогда ничего подобного маме не говорила. Даже близкого к этому. Ей-богу, просто не понимаю, о чем речь.

Я чувствовала себя такой усталой, на возмущение просто не оставалось сил.

– Камилла, не надо. Я знаю, что у вас с мамой очень натянутые отношения. Знаю, насколько ты всегда завидовала чужому благополучию. Вообще, ты и вправду очень похожа на мать Адоры. Она следила в доме за всеми, как... старая, злая ведьма. Слыша смех, выходила из себя от ярости. Единственный раз, когда она улыбнулась, это тогда, когда ты отказалась брать у Адоры грудь. Отворачивалась от соска.

Это слово на масляных губах Алана вызвало у меня жжение в теле.

«Тварь», «сука», «гондон», – закричало тело в ответ.

– Конечно, ты об этом узнал от Адоры, – сказала я.

Он кивнул, блаженно сжав губы.

– Значит, Адора поведала тебе все эти ужасы, которые якобы я говорила ей о Мэриан и убитых девочках.

– Точно, – ответил он, чеканя каждый слог.

– Адора – лгунья. Надо быть идиотом, чтобы до сих пор об этом не знать.

– У Адоры была трудная жизнь.

Я выдавила смешок. Алана ничем не проймешь.

– Когда она была маленькой, мать ночью приходила к ней в комнату и щипала ее, – сказал он, с жалостью глядя на последнюю сардину. – Она говорила, что боится, как бы Адора не умерла во сне. Я думаю, она это делала просто потому, что любила причинять ей боль.

Мне сразу вспомнилось: просыпаюсь под пульсирующий звук, который доносится из комнаты Мэриан, оснащенной медицинским оборудованием, как больничная палата. Руку пронзает острая боль. Мама в воздушной ночной рубашке, склонившись надо мной, спрашивает, все ли у меня в порядке. Целует покрасневшее место на руке и велит спать.

– Я просто думаю, что ты должна это знать, – сказал Алан. – Может, будешь к матери немножко добрее.

Быть добрее к маме не входило в мои планы. Мне хотелось только закончить разговор.

– Я постараюсь уехать как можно скорее.

– Это правильно, если исправиться не можешь, – ответил Алан. – Но если бы ты попыталась, то, может быть, сама почувствовала бы себя лучше. Возможно, это бы тебя исцелило. Во всяком случае, душу.

Алан подцепил вилкой последнюю мягкую сардину и целиком втянул ее в рот. Пока он жевал, мне представлялось, что у него на зубах хрустят косточки.

* * *

Стащив из кухни бокал со льдом и непочатую бутылку бурбона, я пошла в свою комнату пить. Алкоголь ударил в голову быстро, возможно потому, что пила без остановки. Уши стали горячими, и жжение на теле прекратилось. Я вспомнила слово, вырезанное у меня сзади на шее: «исчезни».

«Исчезну сама – вот тогда и все мои горести исчезнут», – тупо подумала я.

Исчезнут все заботы и тревоги. Были бы мы такими чудовищами, если бы не смерть Мэриан? Ведь другие семьи как-то переживают подобное. Горюют, а потом продолжают жить. Но моя сестренка до сих пор витала среди нас, эта белокурая малышка, быть может, чуть слишком милая для ее собственного блага, быть может, чуть слишком обожаемая – еще до того, как серьезно заболела. Ее любимым другом был огромный мягкий мишка по кличке Бен. Каким же воображением надо обладать, чтобы увидеть душу в набивной игрушке! Она собирала ленточки для волос и раскладывала их в алфавитном порядке по названию цветов. Сестренка была хороша и радовалась этому так заразительно, что в сердце не оставалось места для зависти, когда она хлопала ресницами или вскидывала кудрявую головку. Она называла маму мамулечкой, а Алана... черт, забыла, – может, он был Алан-Алан, о нем и вспоминать не хочется. Она всегда оставляла после себя чистую тарелку, в ее комнате был удивительный порядок, она не хотела носить ничего, кроме платьев и вязаных туфельек от «Мэри Джейнз». Она звала меня Миллой и постоянно льнула ко мне.

Я души в ней не чаяла.

Я была уже пьяной, но пить не переставала. Взяв бокал с бурбоном, крадучись прошла по коридору в комнату Мэриан. Следующая от нее дверь в спальню Эммы была закрыта уже несколько часов. Каково ей живется рядом с комнатой покойной сестры, которую она никогда не видела? Меня кольнула жалость. Мама с Аланом были в своей спальне на углу; вентилятор у них работал, но свет не горел. Центрального кондиционера в старых викторианских домах нет, а комнатные, как считает мама, испортили бы вид, поэтому летом здесь приходится потеть. Жара за тридцать, но ничего, я привычна, чувствую себя как рыба в воде.

Подушка на кровати Мэриан оставалась смятой. На постели разложена ее одежда – так, будто она на ребенке. Фиолетовое платье, белые колготки, черные блестящие туфельки. Кто это сделал – мама? Эмма? Среди многочисленной медицинской аппаратуры стояла капельница, бдительная и блестящая, неустанно сопровождавшая Мэриан в последний год жизни; реанимационная кровать, на полметра выше стандартной; рядом монитор сердечного ритма, подкладное судно. Меня передернуло от отвращения: зачем только мама все это сохранила? Эта комната была больничной и совершенно безжизненной. Любимую куклу Мэриан похоронили вместе с ней – большую тряпичную куклу с нитяными локонами, такими же

светлыми, как у ее маленькой хозяйки. Кажется, Эвелин, а может, Элеанор. Остальные стояли в ряд на этажерке, как болельщики на трибуне. Два десятка кукол с белыми фарфоровыми лицами и голубыми стеклянными глазами.

Легко представить ее здесь: вот она сидит на этой кровати, скрестив ноги, маленькая, на лице капли пота, под глазами фиолетовые круги. Тасует колоду карт, причесывает куклу или испуганно раскрашивает картинку. Я и сейчас, казалось, слышала, как она скребет мелком, нажимая на него так сильно, что рвется бумага. Вдруг она подняла голову и посмотрела на меня, тяжело и прерывисто дыша.

– Я устала умирать.

Я убежала к себе в комнату, как будто за мной гнались.

* * *

Эйлин сняла трубку после шестого гудка. Автоответчика у Карри нет, как и микроволновки, видеомонитора и посудомоечной машины. Ее голос был спокойным, но напряженным. Полагаю, после одиннадцати им звонят редко. Она сказала, что не спала, просто не слышала телефон, но, когда она пошла звать Карри, я ждала еще минуты две, прежде чем в трубке раздался его голос. Я представила, как он протирает очки об уголок пижамы, надевает старые кожаные тапочки, смотрит на светящийся циферблат будильника. Уютная картинка.

Потом я поняла, что мне вспомнился рекламный ролик круглосуточной аптеки в Чикаго.

Я звонила Карри впервые после трехдневного перерыва. Между тем в Уинд-Гапе я была уже почти две недели. При других обстоятельствах он бы звонил по три раза в день, чтобы узнать, что нового. Но он не мог себя заставить звонить мне на домашний телефон, тем более моей маме, в Миссури, штат, который в его Городе ветров считается глубоким югом. При других обстоятельствах он бы кричал в трубку, что так я ничего не заработаю, но не сегодня.

– Детка, ты в порядке? Как дела?

– В общем, пока официального комментария мне не дали, но я его получу. Полиция определенно считает, что убийца мужчина, точно из Уинд-Гапа, но ДНК у них нет, места убийств не нашли; короче говоря, улики мало. Либо преступник – гений, либо так вышло случайно. Большинство местных жителей, похоже, подозревают Джона Кина, брата Натали. Взяла

интервью у его подруги, она считает его невиновным.

– Молодец, хороший материал, но я ведь про другое... Я хотел спросить, как твои дела? Как ты там сама? Скажи, я ведь лица твоего не вижу. Только давай без лишнего героизма.

– Не очень здорово, но какая разница? – Голос прозвучал тоньше и грустнее, чем мне хотелось. – Со статьей все в порядке, и я думаю, что развязка приближается. Просто чувствую, что еще несколько дней, и... Не знаю. Девочки кусали людей. Вот что я сегодня узнала. А коп, с которым я работаю, этого даже не знал.

– Ты ему сказала? Что он на это ответил?

– Ничего.

– Черт знает что. Что ж ты, девочка моя, не взяла у него комментарий?

«Видите ли, Карри, следователь Уиллис почувствовал, что я утаиваю некоторые сведения, и надулся, как делают все мужчины, когда они не получают чего хотят от женщин, с которыми переспали».

– У меня не получилось. Но я возьму. Карри, мне нужно несколько дней на подготовку материала. Хочу добавить местного колорита, поработать над этим копом. Думаю, люди почти уверены, что публичная огласка поможет ускорить расследование. Хотя здесь нашу газету никто не читает.

Впрочем, как и там.

– Будут читать. Удели этому серьезное внимание, детка. У тебя уже почти все получается. Поднажми. Поговори со своими старыми друзьями. Может, они станут более откровенными. Все это пригодится. Знаешь, в том цикле о наводнении в Техасе, который получил Пулицеровскую премию, была статья, целиком состоявшая из рассказа одного паренька, который приехал домой во время трагедии. Отлично читается. Да и тебе самой будет приятно выпить бутылочку-другую пива в компании друзей. Сегодня, похоже, ты уже выпила?

– Немного.

– Но может, обстановка у вас там нехорошая для тебя? Для твоего здоровья. Как твое самочувствие?

На другом конце линии щелкнула зажигалка, по линолеуму шаркнул стул, крикнул Карри, садясь.

– Да вы не беспокойтесь.

– Как же не беспокоиться? Детка, ты там себя не изводи. Если чувствуешь, что тебе надо уехать, уезжай, я тебя наказывать не стану. Ты должна себя беречь. Думал, дома тебе будет лучше, но... просто иногда забываю, что не все родители добры к своим детям.

– Каждый раз, когда я сюда приезжаю... – Я умолкла, собираясь с мыслями. – Просто здесь я всегда чувствую себя плохим человеком.

Я молча сотрясалась от рыданий, пока Карри, запинаясь, что-то говорил мне в ответ. Представила, как он в растерянности машет рукой Эйлин, чтобы она помогла ему успокоить «эту девочку-ревушку». Но нет.

– О-о-ох, Камилла, – прошептал он. – Ты очень порядочный человек, один из самых честных, которых я когда-либо встречал. А ведь знаешь, в мире не так уж много порядочных людей. С тех пор как не стало моих родителей, это практически только ты и Эйлин.

– Я не порядочна.

Кончик моей ручки, глубоко впившись в кожу, выцарапывал на бедре: «ошибка», «женщина», «зубы».

– Камилла, ты порядочна. Я вижу, как ты обращаешься с людьми, даже с самым ничтожным дерьмом, которое только можно вообразить. Благодаря тебе они становятся как-то... достойнее, что ли. Понятнее. Как ты думаешь, почему я держу тебя в штате? Уж не потому, что ты прекрасный репортер.

Молчу в ответ, слезы льются рекой. «Ошибка», «женщина», «зубы».

– Смешно? Я, вообще-то, пошутил.

– Нет.

– Мой дед играл в водевилях. Но, боюсь, я его талант не унаследовал.

– Правда?

– Да-да, сразу, как сошел с корабля, приплывшего в Нью-Йорк из Ирландии. Веселый был человек, играл на четырех музыкальных инструментах...

Вновь щелкнула зажигалка. Я натянула на себя тонкое одеяло, закрыла глаза и стала слушать рассказ Карри.

Глава двенадцатая

Ричард жил в единственном в Уинд-Гапе здании городского типа, похожем на заводской корпус доме-коробке всего из четырех квартир, две из которых пустовали. Во дворе – автонавес, и на всех его опорных столбах – одна и та же надпись, сделанная красной краской из распылителя: «Остановите демократов – остановите демократов – остановите демократов», и среди этого вдруг: «Я люблю Луи».

Утро среды. Над городом все еще висит грозовая туча. Жарко, дует ветер, солнце испускает тот же гадкий тускло-желтый свет. Я постучала по двери доньшком бутылки с бурбоном. Эй, несносный, несу тебе подарок. На этот раз я была в брюках, юбку решила не надевать. В ней мои ноги оставались слишком легкодоступными для того, кто так и норовит потрогать. Если он еще будет пытаться.

Он открыл дверь, сонный, взъерошенный, в семейных трусах и футболке наизнанку. Не улыбнулся. В квартире было прохладно, это чувствовалось с порога.

– Хочешь войти или предлагаешь мне выйти? – спросил он, почесывая подбородок. Потом заметил бутылку. – А, входи. Значит, будем пьянствовать.

Беспорядок в квартире меня удивил. На стульях развешаны брюки, мусор из ведра почти вываливается, посреди коридора – нагроможденные друг на друга коробки с бумагами, которые мне пришлось обходить. Предложив мне сесть на потрескавшийся кожаный диван, Ричард принес из кухни лоток со льдом и два стакана. Щедро налил из бутылки.

– Извини, вчера я был груб, – сказал он.

– Да. У меня такое чувство, что я рассказываю тебе многое, а ты мне – ничего.

– Я занимаюсь расследованием, а ты об этом пишешь. Надо соблюдать очередность. По-моему, приоритет за мной. И есть такие вещи, которые я рассказать не могу.

– Вот и я тоже имею право защищать свои источники информации.

– Что, в свою очередь, может защитить убийцу.

– Ричард, все, что я недоговариваю, ты можешь вычислить сам. Я рассказываю почти все. Господи, ну потрудись хоть немножко!

Мы посмотрели друг на друга.

– Мне нравится, когда ты так на меня нападаешь – настоящий

репортер, – улыбнулся он и покачал головой. Потом легонько ткнул меня босой ногой. – Вообще-то, этим я и занимаюсь.

Он налил по второму стакану. Так мы вдрызг напьемся еще до полудня. Он притянул меня к себе, поцеловал в мочку уха, просунул внутрь кончик языка.

– Ну что, девушка из Уинд-Гапа, какие глупости ты тут творила? – прошептал он. – Расскажи, как у тебя это было в первый раз.

Первый – это который из четырех?.. Шестой класс, тринадцать лет... Я стала вспоминать первого, про остальных решила умолчать.

– Мне было шестнадцать, – солгала я. Подумала, что постарше все же будет приличнее. – Во время вечеринки мы с одним футболистом закрылись в ванной, и там...

Ричард завелся быстрее меня: его взгляд уже остекленел, пока он поглаживал мне соски, которые, отвердев, выступали под тканью блузки.

– Мммм... Тебе было хорошо?

Я кивнула. Помню, как притворно стонала. Но когда меня передали третьему, я все-таки получила удовольствие. Помню, мне нравилось, когда он, тяжело дыша мне в ухо, шептал: «Тебе хорошо? Тебе хорошо?»

– А со мной тебе хорошо? – прошептал Ричард.

Я кивнула, и он залез на меня. Его руки забегали по моему телу, поверх блузки, попытались расстегнуть ширинку, стянуть с меня брюки.

– Не надо, не надо. Давай так, – прошептала я. – Мне больше нравится в одежде.

– Ну давай... Я хочу тебя гладить и ласкать.

– Нет, милый, я хочу так.

Я приспустила брюки и закрыла живот полами блузки, отвлекая его внимание поцелуями. Потом помогла ему войти, и мы предались любви, оставаясь полностью одетыми, только трещина на диване царапала мне голый зад. «Дрянь», «малышка», «оргазм»! Впервые за последние десять лет в постели с мужчиной. «Дрянь», «малышка», «оргазм»! Вскоре крики моего тела заглушил его стон. И тогда мне стало хорошо. Какое наслаждение – последние ритмичные толчки...

* * *

Он лежал сзади и тяжело дышал, прижимаясь ко мне и еще не выпустив из рук воротник моей блузки. Небо за окном почернело, вот-вот разразится гроза.

– Как ты думаешь, кто это сделал? Скажи, – попросила я.

Он потрясенно посмотрел на меня. Может, ждал услышать: «Я люблю тебя»? Он с минуту потеревил мне волосы, пощекотал ухо кончиком языка. Если не позволять мужчине прикасаться к другим частям тела, то он сосредоточится на ухе. Вот что я узнала за последние десять лет. Я не давала Ричарду трогать ничего – ни грудь, ни ягодицы, ни руки, ни ноги, но он, казалось, был вполне доволен, лаская мне ухо.

– Я думаю, это Джон Кин. Парень питал к сестре сильные чувства. Похоже, нездоровые. И алиби у него нет. Возможно, он испытывает к маленьким девочкам болезненную страсть, старается ее превозмочь, потом не выдерживает и убивает их, но этого ему мало, и он, чтобы продлить себе удовольствие, выдирает им зубы. Впрочем, скоро мы его выведем на чистую воду. Сейчас проверяем, не совершал ли он чего-либо странного в Филадельфии. Возможно, семья уехала оттуда не только из-за Натали.

– Мне нужен официальный комментарий.

– Кто рассказал тебе про то, что девочки кусались, и кого они укусили? – прошептал он мне на ухо.

За окном ударил по тротуару дождь, звонко, как из лейки.

– Мередит Уилер. У нее откушена мочка уха. По ее словам, это сделала Натали.

– Так. А еще?

– Энн укусила мою маму. В запястье. Это все.

– Вот видишь, не так уж было трудно. Молодец, – прошептал он, снова глядя мне соски.

– А теперь дай мне, пожалуйста, официальный комментарий.

– Нет, – улыбнулся он. – Я хочу так.

* * *

Вскоре мы снова занялись сексом, и потом наконец Ричард дал мне скупой комментарий о том, что следствие существенно продвинулось и, возможно, предстоит арест подозреваемого. Когда он заснул, я вышла на улицу и под дождем побежала к машине. В голове вдруг мелькнуло: Эмма добилась бы от него большего, чем я.

Домой возвращаться не хотелось, я доехала до парка Гарретта и, вылезая из машины, смотрела на дождь. Завтра здесь будет полно молодежи, коротающей время долгих летних каникул. А сейчас я сидела тут одна: тело липкое, душа в растерянности. Я не могла понять, плохо ли

со мной обошлись мужчины – как Ричард, так и те парни, что лишили меня девственности, да и все прочие. Я не старалась себя защитить ни при каком конфликте. Мне нравилось злорадное изречение из Ветхого Завета – «получила по заслугам». Действительно, про женщин можно иногда так сказать.

Тишину нарушил рев машины. Возле меня остановилась знакомая желтая колымага. Рядом с водителем, вдвоем в одном кресле, сидели Эмма и Кайли. За рулем был жидковолосый парень в грязной майке и солнцезащитных очках, купленных на бензозаправке, сзади – его тощий напарник. Из салона клубился дым, к которому был примешан запах спиртного с цитрусовым ароматизатором.

– Садись к нам, поедем отрываться, – предложила Эмма.

Она показала бутылку дешевой водки с апельсиновым вкусом. Высунув язык, поймала им каплю дождя. С ее волос и майки уже капала вода.

– Спасибо, мне и здесь неплохо.

– Непохоже. Давай же, садись. В парке патруль, тебя точно задержат за вождение в нетрезвом виде. От тебя пахнет спиртным.

– Поедьте, мадемуазель, – вторила ей Кайли. – Будете следить за мальчиками, чтобы они хорошо себя вели.

Я призадумалась, куда податься. То ли домой, пить в одиночестве, то ли в бар, пить с первыми попавшимися мужиками. А может, и в самом деле поехать с этими детьми, хоть какие-нибудь интересные сплетни услышу. На часок. А потом – домой, отсыпаться. К тому же Эмма с чего-то вдруг стала такой дружелюбной. Хоть и не хотелось мне этого признавать, но меня к ней стало тянуть.

Пересела к ним в машину, и они закричали «ура!». Эмма пустила по кругу бутылку рома, по вкусу напоминающего лосьон для загара. Не попросят ли они купить спиртного, с беспокойством подумала я. Я бы купила – мне не жалко. Но, как это ни глупо, я надеялась, что им просто приятна моя компания. Снова хотелось быть популярной, что ли. Не каким-нибудь жалким изгоем. Ведь меня поддерживала самая клевая в школе девчонка. От этой мысли захотелось выскочить из машины и уйти домой. Но тут Эмма снова передала мне бутылку. Край ее горлышка был в блестящей розовой помаде.

Паренек, сидевший рядом, которого представили Ноланом, фамилии не назвав, кивнул и утер губы. Худые руки в струпьях, лицо в угрях. Метадон^[14]. Миссури занимает второе место в Юнионе по количеству наркоманов. Люди здесь скучают, а химикатов на ферме много. Во времена

моей юности метадон принимали только заядлые наркоманы, а теперь молодежь пьет его на тусовках так же свободно, как водку. Нолан все время водил пальцем по виниловой окантовке переднего сиденья, но все же успел меня разглядеть.

– Вы по возрасту как моя мама. Прикольно.

– Сомневаюсь, что мы с ней ровесницы.

– Ей тридцать три или тридцать четыре...

Значит, почти угадал.

– Как ее зовут?

– Кейзи Рейберн.

Я ее знала. Она чуть старше меня. Живет возле фабрики. Волосы, уложенные гелем, стоят торчком. Любит мексиканцев с птицебойни на границе с Арканзасом. Как-то раз на коллективном ретрите^[15] она призналась, что пыталась покончить с собой. С тех пор в школе ее прозвали Кейзи Рейзор^[16].

– Я ее не застала, – наверно, она училась раньше.

– Братан, эта дамочка слишком крута, чтобы знаться с твоей мамашей, шлюхой и наркоманкой, – сказал водитель.

– Иди к черту, – прошипел Нолан.

– Камилла, посмотри, что у нас есть. – Эмма потянулась ко мне, перегнувшись через спинку кресла и упершись задом Кайли в лицо. Она потрясла передо мной баночкой с таблетками. – Оксиконтин. Выпей, почувствуешь себя просто здорово! – Она высунула язык и положила на него таблетки, три в ряд, точно белые пуговицы, потом прожевала и запила водкой. – Попробуй.

– Спасибо, Эмма, не хочу.

Оксиконтин – вещь хорошая. Но нехорошо пить его с малолетней сестрой.

– Ну же, Милла, только одну, – медовым голосом пропела она. – Тебе станет легко. Мне вот уже весело и приятно. Тебе тоже надо.

– Эмма, да мне и так нормально. – Назвав меня Миллой, она напомнила мне о Мэриан. – Честное слово.

Она с безутешным видом отвернулась и вздохнула.

– Да брось ты, Эмма, нечего так расстраиваться, – сказала я, трогая ее за плечо.

– А вот и расстроилась.

Мне это было невмозготно. Я становилась мягкотелой, чувствуя опасную потребность угождать, как в былые времена. Да и в самом деле, от одной

таблетки не умру.

– Ладно, ладно. Давай. Только одну!

Ее лицо тут же просветлело, и она рывком повернулась ко мне:

– Высунь язык. Как на причащении. Только вместо облатки будет волшебная таблеточка.

Я высунула язык, она положила таблетку и завизжала от восторга.

– Молодец! – улыбаясь, сказала она.

Как же это слово мне сегодня надоело...

* * *

Мы остановились перед большим викторианским особняком, старым, но полностью отреставрированным и перекрашенным в нелепые голубой, розовый и зеленый цвета, что по замыслу хозяина должно было выглядеть современно и стильно. Но особняк был скорее похож на дом мороженщика, впавшего в детство. В кустах у дома парень с голым торсом избавлялся от излишков выпитого, на цветочных клумбах – вернее, на том, что от них осталось, – дрались двое мальчишек, а на детских качелях сплелась в тесных объятиях юная парочка. Нолана оставили в машине, он по-прежнему сидел и водил пальцами по окантовке сиденья. Водитель, которого звали Дэймон, запер дверь, «чтобы никто к нему не приставал».

«Как мило», – подумала я.

Оксиконтин меня взбодрил, и пока мы входили в дом, я поймала себя на том, что ожидаю увидеть молодежь своего времени: мальчиков со стрижкой ежиком, в форменных пиджаках с нашитыми буквами, девочек с химической завивкой и крупными золотыми серьгами в ушах. Почувствовать ароматы «Драккар нуар» и «Джорджио Армани».

Все это ушло. Мальчики-малолетки в широких шортах для скейтбординга и кроссовках, девочки в топиках и мини-юбках, с пирсингом в пупках – все смотрели на меня так настороженно, словно я полицейский. «Нет, хотя я сегодня с одним переспала». Я улыбнулась и кивнула им. «Ах, сколько во мне живости», – беззаботно подумала я.

В просторной столовой танцевали и пили; стол был придвинут к стене. Эмма игривой походкой прошла в круг и стала танцевать, тесно прижавшись к одному мальчику, который вскоре покраснел до корней волос. Она что-то прошептала ему на ухо. Он кивнул, Эмма от крыла бутылку с газировкой, взяла четыре банки пива, прижав их к мокрой груди, и, покачиваясь, словно с трудом их удерживает, пошла мимо компании

ребят, глядящих на нее с одобрением.

Девочки встретили ее прохладнее. По толпе пробежал язвительный шепоток, трескучий, как бенгальские огни. Но нашим юным блондинкам беспокоиться не приходилось по двум причинам. Во-первых, с ними был местный наркоторговец, которого, конечно, здесь уважали. Во-вторых, они были красивее почти всех здешних девчонок, а это значило, что мальчики выгонять их не захотят. К тому же устроителем вечеринки был парень; я видела его на фотографиях, расставленных на каминной полке в гостиной. Темноволосый юноша, приятной, но неприметной внешности. Вот он на выпускном снимке, в шапочке и мантии; рядом портрет его гордых родителей. С его мамой я была знакома: это старшая сестра одной моей школьной подруги. Мысль о том, что я в гостях у ее сына, привела меня в трепет.

– Господигосподигосподи! – протараторила брюнетка с лягушачьими глазами, в футболке с кричащей надписью «Гэп», пробегая мимо нас к подруге, тоже похожей на амфибию. – Они пришли. Все-таки пришли, представляешь!

– Черт, – ответила та. – Очень хорошо. Пойдем поздороваемся?

– Наверно, лучше подождать. Посмотрим, что будет дальше. Если Джей-Си не будет им рад, то нам с ними связываться не стоит.

– Ну да.

Я сразу поняла, о ком речь. В гостиную вошла Мередит, таща за руку Джона Кина. Кто-то из ребят кивнул ему, кто-то хлопнул по плечу. Другие нарочито отвернулись и замкнулись в своих кружках. К моему облегчению, ни Джон, ни Мередит меня не заметили. Мередит обратила взгляд на стайку худеньких кривоногих девочек, возможно приятельниц по чирлидингу, которые стояли у двери в кухню. Она с визгом подскочила к ним, оставив Джона в гостиной. Девочки встретили ее еще суше, чем парни.

– Приве-е-ет, – без улыбки протянула одна из них. – Я думала, вы не придете.

– Я считаю, что все это глупости. Все, у кого есть хоть капля ума, знают, что Джон классный парень. Не становиться же паршивыми изгоями из-за всего этого... дерьма.

– Зря вы приехали, Мередит. Джей-Си недоволен, – сказала рыжеволосая девочка, то ли подруга Джей-Си, то ли желающая ею стать.

– Я с ним поговорю, – жалобно протянула Мередит. – Дай мне с ним поговорить.

– Думаю, вам лучше уйти.

– А правда, что у Джона забрали одежду? – участливо осведомилась третья, маленькая девчушка. Заботливая мамочка – такая будет держать подруге волосы, пока ее тошнит.

– Да, но для того, чтобы исключить все подозрения. Это не значит, что у него проблемы.

– Какая разница, – сказала рыжая.

Мне она была отвратительна.

Мередит оглядела комнату в надежде увидеть кого-нибудь более дружелюбного. Заметив меня, она смутилась, потом, увидев Келси, разозлилась.

Оставив у двери Джона, который сначала делал вид, что сверяет часы, потом – что завязывает шнурки на ботинках, она подошла к нам, будто не замечая, что гул вокруг становится все громче – начинается настоящий скандал.

– Что вы здесь делаете? – В глазах стояли слезы, на лбу выступили капли пота. Казалось, вопрос не был адресован никому из нас. Может быть, она задавала его себе.

– Нас привез Дэймон, – весело ответила Эмма. Она дважды подпрыгнула на месте. – Поверить не могу, что ты сюда пришла. И совсем уж невероятно, что он отважился здесь показаться.

– Господи, ну ты и сучка. Ты же ничего не знаешь, наркоманка отмороженная. – Голос Мередит дрожал, вот-вот сорвется, как волчок, крутящийся на краю стола.

– Не хуже тебя, истеричка, – ответила Эмма. – Здорово, убийца! – Она помахала Джону, который, словно впервые ее заметив, дернулся, как от пощечины.

Он направился было к нам, но тут из другой комнаты вышел Джей-Си и отвел его в сторону. Все притихли и обернулись к ним – двум высоким парням, которые говорили о смерти и о тусовке. Там, где веселятся, смерти не место. Джей-Си похлопал Джона по спине, указывая ему на дверь. Джон кивнул Мередит и направился к выходу. Она торопливо пошла за ним, склонив голову и закрыв руками лицо. Когда Джон был на пороге, один мальчишка визгливо выкрикнул ему: «Дето убийца!» Кто-то нервно захихикал, кто-то вытаращил глаза. Мередит завизжала, как дикая кошка, обернулась, оскалив зубы, прокричала: «Черт бы вас всех побрал!» – и хлопнула дверью.

Тот же мальчишка передразнил ее, повернувшись к толпе: выпятив бедро, жеманным девичьим голосом произнес: «Черт бы вас всех побрал!» Джей-Си снова сделал музыку громче; синтезированный голос юной

поп-певицы вожделенно пел о минете.

Мне хотелось пойти за Джоном и просто его обнять. В жизни не видела более одинокого человека, а Мередит вряд ли могла его утешить. Как он будет там один, в своем фургоне? Я уже почти бросилась его догонять, но тут Эмма схватила меня за руку и увлекла по лестнице на второй этаж, в «комнату для особо важных персон», где ее подруги и два бритоголовых старшеклассника, под ее руководством, рылись в шкафу мамы Джей-Си и срывали с вешалок лучшие наряды, чтобы «свить гнездо». Когда на кровати скопилась большая куча атласа и мехов, компания забралась на нее; Эмма притянула меня к себе и достала из бюстгальтера таблетку экстази.

– Ты когда-нибудь играла в экстазную рулетку? – спросила она.

Я покачала головой.

– Передаем таблетку по кругу с языка на язык, и тот, на чьем языке она рассосется до конца, будет счастливым победителем. Это лучшее, что есть у Дэймона, так что кайф гарантирован.

– Нет, спасибо, мне достаточно, – запротестовала я. Мне хотелось согласиться, но, увидев встревоженные лица мальчиков, я передумала. Наверно, я им напоминала маму.

– Ох, Камилла, перестань, я никому не скажу, чес-слово, – заерзала Эмма, теребя ноготь. – Давай вместе со мной. Мы же сестры.

– Камилла, ну пожа-а-алуйста, – заныли вслед за ней Кайли и Келси.

Джоудс молчала, но тоже смотрела на меня.

Оксиконтин, алкоголь, недавний секс, дождливая сырость за окном, мое обезображенное надписями тело (на руке живо пульсировало «холодильник») и пренеприятные мысли о маме. Не знаю, что ударило мне в голову первым, а что вторым, но вскоре Эмма восторженно чмокнула меня в щеку – я кивнула, и понеслось: Кайли на мгновение припала ко рту первого мальчика, тот нервно передал таблетку Келси, она лизнула длинный, как у волка, язык второго парня, тот немножко повозился с Джоудс, она нерешительно повернулась к Эмме, та живо приняла таблетку и, обняв меня, перекинула ее ко мне в рот, с силой подтолкнув горячим мягким язычком так, что таблетка раскрошилась. И растаяла, как сахарная вата.

– Теперь пей побольше воды, – прошептала она мне, потом повернулась к приятелям, громко рассмеялась и едва не повалилась на подругу.

– Черт, Эмма, игра еще даже не началась, – проворчал мальчик-волк, его лицо покраснело.

– Камилла – моя гостья, – сказала Эмма с шутливым высокомерием. – И мне просто хочется немножко ее порадовать. У нее нелегкая жизнь. У нас сестра умерла, как у Джона Кина, и она горюет по ней до сих пор.

Она произнесла это тоном хозяйки дома, старающейся разговорить гостей на светской вечеринке: «Дэвид – владелец магазина тканей, Джеймс недавно вернулся из деловой поездки во Францию, а Камилла – ах да, она потеряла сестру и все никак не оправится. Кому налить еще вина?»

– Мне пора, – сказала я и вскочила так резко, что на мне осталась висеть красная атласная майка, приставшая к спине. Минут через пятнадцать я войду в транс, и мне не хотелось, чтобы это случилось здесь. Но – опять же – куда мне себя девать? Ричард выпить не прочь, но вряд ли станет потворствовать чему-то более серьезному, а одной сидеть под кайфом в своей душной комнате, ожидая, что туда вот-вот войдет мама, мне хотелось меньше всего.

– Пойдем вместе, – предложила Эмма.

Она сунула руку в лифчик, вытащила из-за подкладки таблетку, кинула ее в рот и улыбнулась приятелям широкой злорадной улыбкой. Те следили за ней с надеждой, а теперь, поняв, что им ничего не достанется, казались разочарованными, но покорно молчали.

– Милла, пойдем поплаваем! Когда экстази подействует, будет так круто! – Она улыбнулась, обнажив безупречно ровные белые зубы.

У меня не было сил сопротивляться, проще было согласиться. Мы спустились вниз и зашли на кухню (где юноши с нежными, как персик, лицами растерянно бросали на нас оценивающие взгляды: одна маловата, другая явно стара). Открыли холодильник (это слово снова отозвалось, часто дыша, как щенок при виде взрослой собаки), взяли оттуда бутылку с водой, которую на шли среди соков, запеканок, фруктов и батончиков белого хлеба. Меня вдруг растрогал этот невинный семейный холодильник со здоровой, полезной едой, который и знать не знал, что за вакханалия творится повсюду в этом доме.

– Пойдем, мне уже так весело, пора в бассейн! – безапелляционно заявила Эмма, тая меня за руку, как ребенок.

Впрочем, ребенком она и была.

– О господи, принимаю наркотики с тринадцатилетней сестрой, – прошептала я еле слышно.

Но это было сделано минут десять назад, и сейчас эта мысль вызвала во мне только счастливый трепет. У меня клевая сестра, самая популярная девочка в Уинд-Гапе, и она хочет тусоваться вместе со мной. «Эмма любит меня так же, как любила Мэриан». Я улыбнулась. Экстази уже пустил

первую волну химического оптимизма, который летал во мне, как большой воздушный шар, а потом разбился на небе, рассыпая брызги хорошего настроения. Его вкус напоминал шипучее розовое желе.

Келси и Кайли двинулись за нами к двери, но Эмма, покачиваясь, обернулась к ним и, давясь от смеха, сказала:

– Девчонки, вы не ходите. Оставайтесь здесь. Найдите кого-нибудь для Джоудс, пусть ее хорошенько оттрахают.

Келси обернулась и бросила хмурый взгляд на Джоудс, которая нервно топталась на лестнице. Кайли взглянула на руку Эммы, обвинявшую мою талию. Они посмотрели друг на друга. Келси прижалась к Эмме, положила голову ей на плечо.

– Мы не хотим оставаться здесь, мы хотим пойти с тобой, – жалобно сказала она. – Пожалуйста.

Эмма выдернула плечо, улыбнулась ей, как глупому упрямому ослику.

– Будь умницей и отвали, договорились? – отрезала Эмма. – Как же вы все мне надоели. Вы такие зануды.

Келси опешила и застыла на месте с разведенными в стороны руками. Кайли пожалала плечами, танцующей походкой вернулась в гостиную, взяла у старшего мальчика банку пива и, глядя на него, игриво облизала губы, потом обернулась, чтобы проверить, не смотрит ли Эмма. Она не смотрела.

У двери Эмма пропустила меня вперед, как галантный кавалер. Мы спустились вниз и вышли на дорожку, на которой сквозь трещины асфальта пробивались маленькие желтые цветы кислицы.

Я показала на них пальцем:

– Красиво!

Эмма подняла указательный палец:

– Мне под кайфом тоже нравится желтый цвет. Ты что-нибудь чувствуешь?

Я кивнула. Ее лицо мелькало, то пропадая в тени, то вновь возникая в свете фонарей, между тем как мы, забыв о купании, шли на автопилоте к дому Адоры. Ночь была сырой, и мне казалось, что она склонилась над нами, как женщина в мокрой сорочке. Вспомнилась больница в Иллинойсе, где я проснулась, мокрая от пота, в ушах отчаянный свист. Моя соседка по палате, чирлидер, лежит на полу багровая и дергается в судорогах, рядом бутылка моющего средства «Уиндекс». И этот комический писк. Трупный газ. Я в оторопи прыскаю со смеху, здесь, в Уинд-Гапе, как и тогда, в той несчастной палате, тем бледно-желтым утром.

Эмма вложила ладонь в мою руку:

– Что ты думаешь об... Адоре?

От этого вопроса мой наркотический экстаз чуть не погас, но тут же закружился вихрем с новой силой.

– Я думаю, что она очень несчастна, – сказала я. – И немного не в себе.

– Я слышала, как во сне она зовет Джойю, Мэриан, тебя...

– Слава богу, что мне это слышать не приходится, – ответила я, глядя руку Эммы. – Но жаль, что это слушаешь ты.

– Она обо мне заботится.

– Это здорово.

– Странно, – продолжила Эмма. – После того как она со мной познакомится, я люблю заниматься сексом.

Она задрала юбку, показав ярко-розовые трусики.

– Эмма, не позволяй этого мальчикам. Потому что это нужно только им. А тебе, в этом возрасте, – нет.

– Иногда, позволяя людям что-то делать с собой, ты на самом деле делаешь это с ними сама, – сказала Эмма, вытаскивая из кармана еще один леденец на палочке. Вишневый. – Знаешь, что я хочу сказать? Если кто-то хочет сделать тебе какую-нибудь гадость, пусть делает, ему же и будет хуже. Ты потом сможешь им управлять. Если будешь думать головой.

– Эмма, я просто... – попыталась вставить я, но она продолжала болтать.

– Мне нравится наш дом, – говорила Эмма. – Особенно ее спальня. Там отличный пол. Я как-то раз видела его фотографию в одном журнале. Там его назвали «Великолепие из слоновой кости: из прошлого в наши дни». Потому что сейчас, конечно, слоновой кости уже не достать. Жаль. Правда, очень жаль.

Она сунула леденец в рот и поймала в воздухе светлячка; потом, зажав его двумя пальцами, оторвала задок, который раздавила и растерла вокруг пальца, – получилось светящееся кольцо. Бросив умирающую букашку в траву, стала любоваться на свою руку.

– Когда ты была подростком, как я, девочки хорошо к тебе относились? – спросила она. – Меня подруги совсем не любят.

Я попыталась себе представить, как кто-то грубит Эмме – наглой, самоуверенной, иногда просто нестерпимой (как она в тот раз вела себя в парке, когда стучала мне по ногам, – ведь не всякий тринадцатилетний ребенок посмеет так дерзить взрослому!). Она заметила мое замешательство и угадала эти мысли.

– Конечно, никто меня не обижает. Они делают, что скажу. Но они меня не любят. Стоит мне только оступиться, где-нибудь напортчить, как они все тут же ополчатся против меня. Иногда перед сном я сижу у себя в

комнате и записываю все, что сказала и сделала за день, – каждую мелочь. Потом ставлю себе оценки: пять за правильный шаг, два за промах, серьезный – такой, за который прямо убить себя хочется.

А я в старших классах вела учет нарядов, которые носила каждый день. Чтобы за месяц ни разу не повториться.

– Вот, например, сегодня на тусовке Дейв Рард, горячий парень из девятого класса, сказал, что вряд ли будет со мной встречаться – ведь пришлось бы ждать целый год, пока я перейду учиться к ним. Я ответила: «Ну и не надо» – и ушла. У всех были такие лица – «о-о-о-о-о!». За это мне пять. А вчера на Главной улице я споткнулась и упала, на глазах у девчонок, и они засмеялись. За это двойка. Ну, может, все-таки тройка, потому что весь оставшийся день я была врединой, довела Келси и Кайли до слез. Ну а Джоудс плачет всегда, это не в счет.

– Безопаснее внушать страх, нежели любовь, – сказала я.

– Макиавелли! – обрадованно воскликнула она, засмеялась и вприпрыжку побежала вперед – то ли в насмешку, то ли ей действительно захотелось по-детски побегать, я не могла понять.

– Откуда ты знаешь? – удивилась я.

Она мне нравилась все больше с каждой минутой. Умная девчонка – котелок варит что надо. Мне такое тоже говорили.

– Я знаю кучу того, что мне знать не положено, – ответила она, а я вприпрыжку побежала с ней рядом.

Действие экстази продолжалось – меня накрыло новой волной. При этом я хорошо понимала, что трезвой так бы себя не вела, но чувствовала такое счастье, что беспокоиться об этом не хотелось. Мои мышцы пели.

– Я, вообще-то, умнее многих наших учителей. Сдавала тест на интеллект, и он показал, что я могла бы учиться в десятом классе, но Адора считает, что мне надо быть среди ровесников. Ну и ладно. Все равно перейду в какой-нибудь старший класс. Когда уеду в Новую Англию.

Она произнесла это задумчиво, как человек, который знает регион только по фотографиям, как девочка, вынесшая из каталогов «Лиги плюща»^[17], что «умные люди едут в Новую Англию». Впрочем, судить не берусь: я тоже никогда там не была.

– Мне надо отсюда уехать, – сказала Эмма с притворной усталостью избалованной домохозяйки. – Я здесь постоянно скучаю. Вот и набрасываюсь на людей. Знаю, что иногда веду себя... странно.

– Ты про секс говоришь? – Я остановилась: в ушах ухаает, сердце танцует румбу.

В воздухе пахло ирисами, и мне казалось, я чувствую, как цветочный

аромат проходит в легкие через нос, а потом проникает в кровь. Мои вены окрасятся в фиолетовый и запахнут цветами!

– Да нет, понимаешь, просто бросаюсь на кого-нибудь. Да ты это знаешь. Я знаю, что ты знаешь. – Она взяла меня за руку и подарила чистую, милую улыбку, глядя мне ладонь, и я подумала, что это, наверное, самая мягкая и нежная ручка, которая когда-либо ко мне прикасалась. На икре ноги вдруг вздохнуло: «дура».

– Как бросаешься?

Мы почти подошли к маминому дому, а действие наркотика достигло апогея. Мне казалось, что вместо волос по моим плечам струится теплая вода, и я покачивалась из стороны в сторону под неслышную музыку. Заметив раковину улитки на краю дороги, я устремила на нее взгляд.

– Ты сама это знаешь. Знаешь, как иногда хочется сделать больно.

Она произнесла это доверительным тоном рекламного агента, предлагающего «уникальный» шампунь против перхоти.

– От скуки и клаустрофобии есть лучшие средства, чем причинение боли, – сказала я. – Ты умная девочка и сама это знаешь.

Я почувствовала, как ее пальцы проникли под манжету моего рукава и щупают шрамы. Я не стала ее останавливать.

– Эмма, ты режешься?

– Я делаю больно! – завизжала она, закружилась и выбежала на улицу, откинув голову назад и покачивая разведенными в стороны руками, как лебедь крыльями. – Мне это нравится! – крикнула она. Ее голос эхом разнесся по улице, на углу которой стоял, как часовой, мамин дом.

Эмма крутилась, пока не упала на тротуар. Серебряный браслет соскочил с ее руки и покатился по дороге, виляя, как пьяный.

Я хотела поговорить с ней серьезно, по-взрослому, но экстази снова ударил мне в голову, и, вместо этого, я схватила ее, хохочущую, в охапку и поставила на ноги – ее локоть был разбит, по руке текла кровь. Мы, шатаясь и петляя, пошли к маминому дому. Лицо Эммы было растянуто в улыбке, обнажающей крупные блестящие зубы, и я подумала, что убийце они показались бы заманчивыми. Четыре кусочка белоснежной кости, передние – точно мозаичная плитка, такие ровные, что хоть в столешницу врезай.

– Как мне с тобой хорошо! – сквозь смех сказала Эмма, горячо дыша мне в лицо сладкими алкогольными парами. – Ты мне как лучшая подруга.

– Ты мне как сестра, – отозвалась я. Кошунство? Ну и ладно.

– Я люблю тебя! – крикнула Эмма.

Мы быстро кружились, у меня тряслись щеки, и было щекотно. Я

смеялась, как дитя.

«Какое блаженство, мне никогда не было так хорошо», – подумала я.

Свет фонарей казался розовым, длинные волосы Эммы мягко касались моих плеч, на ее загорелом лице выделялись высокие скулы и светлые, крепкие яблочки на щеках. Мне захотелось их потрогать, я протянула руку, выпустив руку Эммы из своей, и, как только наш круг разомкнулся, мы на всей скорости полетели на землю.

Хрясь! Моя лодыжка хрустнула о бордюр, кровь брызнула и полилась по ноге. У Эммы на груди вздулись красные пузырьки – ободралась, пока летела по тротуару. Она посмотрела на свою грудь, подняла взгляд на меня – светло-голубые глаза сверкали огнем, – провела пальцами по кровавой паутине на груди, издала долгий пронзительный визг, а потом положила голову мне на колени, смеясь.

Она еще раз притронулась к груди – так, что на кончике пальца осталась плоская капля крови, и, прежде чем я успела возразить, вытерла ее мне о губы. Сладковатая, с привкусом железа – словно капля меда со стенки жестяной банки. Эмма подняла голову и погладила мое лицо; я не сопротивлялась.

– Я знаю, ты думаешь, что Адора любит меня больше, чем тебя, но это неправда, – сказала она. Как по сигналу, на веранде ее дома, стоящего выше на холме, зажегся свет.

– Будешь спать со мной, в моей комнате? – предложила Эмма, немного понизив голос.

Я представила, как мы лежим и шепчемся в ее постели под одеялом в горошек, а потом засыпаем в обнимку, но тут же поняла, что вижу рядом с собой не ее, а Мэриан. Бывало, она засыпала у меня под боком, сбежав со своей больничной койки. Свернется клубком, уткнувшись мне в живот, и дышит – хрипло, горячо. Утром я переносила ее к себе, пока не проснется мама. Какая глубокая драма происходила в моей душе те пять секунд, пока я несла ее по тихому дому мимо маминой комнаты, боясь, что дверь откроется, и все же почти на это надеясь. «Мама, она не больна!» – крикнула бы я ей, если бы она нас поймала. «Все в порядке, она встала с постели, потому что на самом деле здорова!» Только сейчас мне вспомнилось, как отчаянно, безоговорочно я тогда в это верила.

Впрочем, сейчас, благодаря наркотику, эти моменты вспоминались только как счастливые, и я перелистывала их в уме, как страницы детской книжки. Мэриан была вместо кролика, – верее, это был кролик, одетый как моя сестра. Я уже почти почувствовала ее мех, но тут очнулась и увидела, что это волосы Эммы, которые касаются моей ноги.

– Так что, пойдешь ко мне? – спросила она.

– Не сегодня, Эмма. Я смертельно устала и хочу спать в своей кровати.

Это было правдой. От экстази меня накрыло быстро и сильно, но теперь его действие начало проходить. Через десять минут я протрезвею, и не хотелось, чтобы Эмма была рядом, когда я вернусь в прежнее состояние.

– Тогда, можно, я переночую у тебя? – Она стояла в свете фонаря: джинсовая юбка, свисающая с бедренных косточек, рваная и перекошенная майка, возле губ пятно крови, в глазах мольба.

– Не-а. Давай каждая из нас пойдет к себе. Завтра поболтаем.

Она ничего не сказала, только повернулась и со всех ног побежала к дому, лягая себя пятками в зад, как жеребенок в мультфильме.

– Эмма, подожди! – крикнула я ей вслед. – Ладно, приходи ко мне! Не обижайся!

Я бросилась за сестрой. Смотреть на нее в темноте сквозь наркотический дурман было все равно что за кем-то следить, глядя в зеркало. Не заметила, что ее скачущий силуэт повернул назад и она бежит ко мне. На меня. Она со всего маху врезалась в меня, ударившись лбом о мою челюсть, и мы опять упали, на этот раз на тротуар. В моей голове, ударившейся о мостовую, раздался громкий треск, нижнюю челюсть свело от боли. Я недолго лежала, сжав в кулаке прядь волос Эммы; над головой, в такт моему пульсу, мигал светлячок. Потом Эмма захихикала, хватаясь за лоб и ощупывая место удара, которое уже было темно-синим, как слива.

– Черт. Подумала, что ты разбила мне лицо.

– А я – что ты разбила мне затылок, – прошептала я, садясь.

Голова кружилась. Стоило мне подняться с тротуара, как по шее потекла кровь.

– Господи, Эмма, какая же ты неугомонная.

– Я думала, тебе это нравится.

Она взяла меня за руку и рывком подняла с асфальта; я почувствовала, как кровь в голове перелилась из затылка в лоб. Потом она сняла со своей руки маленькое колечко со светло-зеленым перидотом и надела мне на палец:

– Носи. Это мой подарок.

Я покачала головой.

– Тот, кто тебе его подарил, хотел, чтобы его носила ты.

– Адора. Может, и хотела. Теперь ей все равно, поверь. Она собиралась подарить его Энн, но... что ж, Энн умерла, и оно лежало без дела. Нехорошо, да? Раньше я говорила, что она подарила его мне, хотя Адора вряд ли бы это сделала, потому что она меня ненавидит.

– Адора – тебя? Нет.

Мы пошли к дому, на яркий свет фонаря, горящего на веранде.

– Она не любит тебя, – поколебавшись, сказала Эмма.

– Верно.

– Меня тоже. Просто по-другому.

Мы поднялись по лестнице, давя на пути тутовые ягоды. В воздухе запахло детским пирогом с глазурью.

– Она стала любить тебя больше или меньше с тех пор, как умерла Мэриан? – спросила Эмма, беря меня под руку.

– Меньше.

– Значит, это не помогло.

– Что?

– Ее смерть не решила проблемы.

– Нет. Теперь давай помолчим, пока не дойдем до моей комнаты, хорошо?

Тихо ступая, мы поднялись по лестнице и пошли по коридору. Я – держась за шею, чтобы остановить кровь. Эмма за мной, то и дело замедляя шаг, – понюхала розу в вазе, улыбнулась своему отражению в зеркале. За дверью Адоры, как всегда, было тихо и темно, только вентилятор жужжал.

Закрыв за нами дверь комнаты, я стянула кроссовки, насквозь мокрые от дождя и залепленные свежескошенной травой, стерла с ноги ягодный сок. Стала снимать водолазку, но тут заметила на себе взгляд Эммы. Одернула водолазку и упала в кровать, сделав вид, что слишком устала, чтобы раздеваться. Накрывшись одеялом, я отодвинулась подальше от Эммы, пробормотав: «Спокойной ночи». Было слышно, как ее одежда упала на пол, свет погас, и она легла, свернувшись калачиком, рядом со мной, в одних трусиках. Мне хотелось плакать при мысли о том, что я не могу спать с кем-нибудь нагишом, не боясь, что из-под рукава или штанины покажется какое-нибудь слово.

– Камилла, – тихо, по-детски робко прошептала она, – ты знаешь, некоторые люди говорят, что они причиняют боль, потому что бесчувственны: пока они этого не сделают, не чувствуют ничего?

– Хм...

– А что, если наоборот? – прошептала Эмма. – Что, если делаешь больно, потому что тебе это приятно? Чувствуешь какой-то зуд – как будто внутри тебя кто-то нажал кнопку, которая не выключится до тех пор, пока ты не сделаешь больно? Что это значит?

Я притворилась, что сплю и не чувствую, как она у меня на шее очерчивает пальцем слово «исчезни», снова и снова.

* * *

Сон. Мэриан в белой ночной рубашке, мокрой от пота, к щеке прилип белокурый локон. Она берет меня за руку и пытается стянуть с постели.

«Здесь опасно, – шепчет она. – Опасно для тебя!»

Я прошу ее дать мне поспать.

Глава тринадцатая

Я проснулась в третьем часу дня; живот крутило от боли, челюсть ныла, – видимо, я скрежетала зубами все пять часов, пока спала. Проклятый наркотик. Эмме тоже было несладко – это я поняла, увидев на ее подушке маленькую горку ресниц. Я собрала их в руку и растерла пальцем. Они были твердыми от туши, и у меня на ладони осталось темно-синее пятно. Стряхнула их в блюдце на прикроватной тумбочке. Потом пошла в ванную, где меня стошнило. Я всегда отношусь к этому спокойно. Помню, когда меня рвало в детстве, мама ласково говорила, придерживая мне волосы: «Пусть из тебя выйдет вся эта дрянь, моя милая. Старайся вывести ее из себя всю, до конца». Поэтому теперь я даже радуюсь, чувствуя позывы, слабость, горечь во рту. Не стоит и удивляться – так и есть.

Вернувшись в комнату, я заперла дверь, разделась догола и снова легла в постель. Головная боль отдавала в ухо, ныли шея и спина. Живот крутило все сильнее; челюсть болела так, что рот не открыть; рану на ноге пекло огнем. Кровь шла до сих пор – вся простыня была в пятнах. С той стороны, где лежала Эмма, тоже – светлые брызги там, где грудь, темное пятно на подушке.

Сердце билось как шальное, я дышала с трудом. Знает ли мама, что случилось? Необходимо это выяснить. Видела ли она свою малышку Эмму? Что мне теперь грозит? Меня охватил панический ужас. Сейчас случится что-то страшное. Несмотря на этот параноидальный бред, я понимала: после приема наркотиков у меня в крови упал уровень серотонина, и мне все виделось в мрачных красках. Я твердила себе это, но тут же зарыдала, уткнувшись лицом в подушку. Совсем забыла об убитых девочках, дурная голова, даже ни разу не вспомнила ни об Энн, ни о Натали. И что еще хуже, я предала Мэриан, заменив ее Эммой и не пожелав с ней разговаривать во сне. Это не предвещает ничего хорошего. Я плакала, испытывая такое же чувство облегчения, очищения, как при рвоте, пока моя подушка не намокла, а лицо не распухло, как у пьяницы. Потом дернулась дверная ручка. Я постаралась успокоиться, погладив себя по щеке, в надежде, что посетитель уйдет, если я буду молчать.

– Камилла, открой.

Мамин голос, но не сердитый. Просит открыть – не требует. Уговаривает. Я молчала. Ручка дернулась еще, потом еще. Стук. Затем звук

удаляющихся шагов и тишина.

«Камилла, открой».

Вспомнилось, как мама сидит на краю моей кровати, держа передо мной ложку с сиропом, от которого исходит кислый запах. От ее лекарств мне всегда становилось хуже, чем прежде. Слабый желудок. Не настолько, как у Мэриан, но все же слабый.

Ладони покрылись испариной. «Лишь бы она больше не приходила». В голове мелькнула еще одна картинка: Карри – один из его паршивых галстуков болтается на животе – врывается в комнату, чтобы меня спасти. Уносит меня на руках в свой прокуренный «форд таурус». Эйлин гладит меня по волосам. Едем в Чикаго.

В замке повернулся ключ. Не знала, что он у мамы есть. Она вошла с самодовольным видом, подбородок, как всегда, гордо поднят, ключ свисает с руки на длинной розовой ленте. Мама была в бирюзовом сарафане, держала в руках пузырек хирургического спирта, пачку салфеток и шелковистую красную косметичку.

– Привет, моя маленькая, – сказала она и вздохнула. – Эмма рассказала, что с вами произошло. Бедные мои малышки. Она все утро просидела в туалете. Ей-богу, мясо сейчас есть опасно, кроме того, что производится у нас на ферме, – хоть и самонадеянно это звучит. Эмма говорит, это все, вероятно, от курицы?

– Наверно, – ответила я. Мне оставалось только поддержать Эмму, что бы она ни наплела. Я понимала, что сестра скорее выкрутится, чем я.

– И надо же было упасть в обморок прямо на нашей лестнице, у меня под носом, пока я спала. Какое несчастье! – продолжала Адора. – Ты видела ее синяки? Можно подумать, она с кем-то подралась.

Как только мама на это купилась? Она слишком хорошо разбиралась в болезнях и ранах, поэтому поверить этому могла только в том случае, если сама этого хотела. Теперь она приготовилась меня лечить, а я была слишком слаба и несчастна, чтобы ей противиться. Я снова заплакала, не в силах себя сдержать.

– Мне плохо, мама.

– Знаю, деточка.

Она сбросила одеяло, оголив меня целиком одним ловким движением, а когда я инстинктивно закрылась руками, она взяла их и твердо положила вдоль моих боков.

– Камилла, я должна тебя осмотреть.

Взяв меня за подбородок, мама повернула мою голову влево и вправо, оттянула вниз нижнюю губу, как будто осматривая лошадь. Потом

медленно подняла мне руки, ощупала подмышки, шею – не увеличены ли лимфоузлы. Знакомые процедуры. Она положила руку мне между ног, быстро и профессионально. Так проще определить, нет ли температуры, как она всегда говорила. Потом медленно и легко провела прохладными руками по моим ногам и вонзила палец прямо в открытую рану на лодыжке. От боли у меня в глазах вспыхнули зеленые огни, я непроизвольно подогнула ноги под себя и отвернулась от нее. Воспользовавшись моментом, она стала ощупывать мне голову, пока ее палец не уткнулся в рану на затылке.

– Потерпи еще чуть-чуть, Камилла, скоро закончим.

Намочив салфетку спиртом, она принялась тереть мне рану на ноге, и скоро из-за слез я перестала видеть. Потом она туго перевязала ногу и обрезала бинт маленькими ножницами из косметички. Кровь скоро просочилась сквозь повязку, которая стала похожа на японский флаг, – вызывающий красный круг на сплошном белом фоне. Потом она наклонила мне голову одной рукой, а другой стала натягивать волосы на затылке. Выстригала их вокруг раны. Я начала вырываться.

– Не смей, Камилла, так я тебя пораню. Ложись на место и будь умницей.

Она прижала прохладную руку к моей щеке и, удерживая мне голову на подушке, выстригала прядь за прядью – щелк-щелк-щелк, потом отпустила. Я почувствовала странный, непривычный холодок, потрогала затылок и нащупала колючую проплешину размером с детскую ладонь. Мама отвела мою руку вниз, подложила мне под бок и стала протирать рану спиртом. У меня снова сперло дыхание – боль была оглушительной.

Она повернула меня на спину и протерла руки и ноги мокрым полотенцем, словно я была прикована к постели. Ее веки покраснели – опять выдергивала себе ресницы. На щеках играл девичий румянец. Она взяла косметичку и стала перебирать тюбики и коробочки с таблетками, пока не нашла на дне маленький сероватый сверток из кусочка салфетки. Развернув его, достала ярко-голубую таблетку.

– Одну минутку, дорогая.

Ее шаги быстро застучали по лестнице, и я поняла, что она направилась на кухню. Потом те же быстрые шаги вернулись в комнату. Она держала в руке стакан молока.

– Вот, Камилла, проглоти таблетку и запей.

– Что это?

– Лекарство. Противоинфекционное и антибактериальное. Убьет любые бактерии, которые проникли к тебе с пищей.

– Что это? – повторила я.

На ее груди проступили розовые пятна, а улыбка стала мерцать, как свеча на сквозняке, то появляясь, то пропадая, быстро-быстро.

– Камилла, я твоя мать, и ты у меня дома.

Розовые стеклянные глаза. Я отвернулась от нее, и меня снова охватила паника. Вот и наказание за мою провинность.

– Камилла, открой рот.

Голос ласковый. Уговаривает. У меня под рукой замигало: «медсестра».

В детстве я часто отказывалась принимать все эти таблетки и препараты, но при этом чувствовала, что теряю ее любовь. Как же Эмма была похожа на нее, когда ластилась ко мне, упрашивая попробовать экстази! Я знала, что, если откажусь, будет только хуже. Проще согласиться. Раны, промытые спиртом, горели как в огне, и эта боль приносила такое же облегчение, как порезы. Я вспомнила, с каким довольным видом Эмма, взмокнувшая и слабая, лежала в маминых руках.

Я повернулась к маме. Она положила таблетку мне на язык, влила в рот густого молока и поцеловала в щеку.

* * *

Через несколько минут глаза застелил туман, кислый, как мое несвежее дыхание. Снилось, как мама вошла ко мне в спальню и сказала, что я больна. Она легла на меня и приложила рот к моему. Я почувствовала в горле ее дыхание. Она несколько раз меня поцеловала. Потом поднялась, с улыбкой пригладила мне волосы. И выплюнула себе в руки мои зубы.

* * *

Я проснулась в сумерках; лоб горел, голова кружилась, вдоль шеи тянулся длинный след засохшей слюны. В теле слабость. Я завернулась в тонкий халат и, вспомнив про обрезанные волосы, снова заплакала.

– Это из-за экстази, – прошептала я, поглаживая себя по щеке. – Некрасивая стрижка – не конец света; буду носить хвост.

С трудом волоча ноги, вышла в коридор. Суставы хрустели, костяшки пальцев по какой-то неведомой мне причине были распухшими. С первого этажа слышалось мамино пение. Я постучала в дверь Эммы; она жалобным

голосом откликнулась: «Входи».

* * *

Она сидела голой на полу перед своим огромным кукольным домиком, сося палец. Под глазами темные, почти фиолетовые круги, на лбу и груди – пластырь. На кровати сидела ее любимая кукла, обернутая бумагой, на которой Эмма нарисовала фломастером множество красных точек.

– Что она тебе сделала? – сонно спросила она, полуулыбаясь.

Я повернулась и показала выстриженное место на затылке.

– И еще она дала мне таблетку, от которой мне так плохо, что я едва держусь на ногах, – сказала я.

– Голубую?

Я кивнула.

– Да, это ее любимое лекарство, – пробормотала Эмма. – От него спишь, потом просыпаешься горячей, изо рта течет слюна, и тогда она приводит своих подруг, чтобы они на тебя посмотрели.

– Она так уже делала?

Я похолодела, хотя была мокрой от пота. Мои опасения сбывались: скоро случится что-то ужасное. Эмма пожала плечами:

– Мне все равно. Иногда я не глотаю таблетку, а ей говорю, что проглотила. И тогда мы обе остаемся довольны. Я играю с куклами или читаю, а когда слышу ее шаги, притворяюсь спящей.

– Эмма... – Я села на пол с ней рядом и погладила ее волосы. Мне хотелось ее приласкать. – Она часто дает тебе таблетки и другие лекарства?

– Только когда мне нездоровится.

– И что ты чувствуешь после этого?

– Иногда у меня поднимается температура, брежу. Тогда она кладет меня в ванну с прохладной водой. Иногда меня тошнит. А иногда я слабею, дрожу, чувствую усталость и хочу спать.

Все повторялось, как с Мэриан. В горле застрял комок. Я снова заплакала, встала, потом села опять. Меня тошнило. Я схватилась за голову. У нас с Эммой те же симптомы, что были у Мэриан! Что же я раньше не могла этого понять, ведь прошло уже почти двадцать лет! Мне было так стыдно, что хотелось кричать.

– Камилла, поиграй со мной в куклы.

Она не замечала моих слез либо не хотела их замечать.

– Эмма, я не могу. Мне надо работать. Притворись спящей, когда

услышишь, что мама идет.

* * *

Я натянула одежду поверх ноющих ран и посмотрела на себя в зеркало.

«Что за безумные мысли. Не сходи с ума. Но ведь я и не схожу. Мать убила Мэриан. А также Энн и Натали».

* * *

Шатаясь, я вошла в туалет, встала на колени, и меня вырвало горячей соленой водой; брызги из унитаза окропили мне лицо. Облегчившись, заметила, что не одна. За мной стояла мама.

– Бедная моя девочка, – прошептала она.

Я вздрогнула и, как была, на четвереньках, побежала от нее. У стены я остановилась и обернулась.

– Почему ты одета, дорогая? – спросила она. – Тебе нельзя выходить из дома.

– Мне надо съездить по делам. И развеяться – от свежего воздуха станет легче.

– Камилла, вернись в постель! – требовательно сказала мама, почти срываясь на крик. Она подошла к моей кровати, откинула одеяло и хлопнула по простыне. – Ложись, дорогая, будь благоразумна. Со здоровьем шутки плохи.

Я неловко вскочила на ноги, схватила ключи со стола и бросилась мимо нее за дверь.

– Мама, не могу. Я ненадолго.

Оставив Эмму играть в кукольную больницу в своей комнате, я села в машину и помчалась по дороге. На бешеной скорости машину занесло, и я погнула бампер, стукнувшись о высокой бордюры на спуске с холма – там, где начиналась улица. Толстая женщина, проходящая мимо с ребенком в коляске, укоризненно покачала головой.

* * *

Я ехала куда глаза глядят, стараясь собраться с мыслями, перебирая в уме знакомых, живущих в Уинд-Гапе. Кто-то должен был мне четко и ясно сказать, что мои подозрения на Адору необоснованны, либо их подтвердить. Надо было найти того, кто хорошо знал Адору, на чьих глазах прошло мое детство и кто мог в то время оценить обстановку взрослым взглядом, а жил здесь, пока меня не было. Вдруг я вспомнила о Джеки О'Нил, пахнувшей «Джуси фрут», пьющей и охочей до сплетен. Вспомнилось, как неожиданно тепло она обратилась ко мне на поминках. Ее слова теперь звучали как предупреждение: «Что-то совершенно ненормальное творилось...»

Именно Джеки и была теперь мне нужна – она говорила все, что придет на ум, и всю свою жизнь знала маму, которая теперь с ней знаться не желает. Ведь Джеки явно хотела мне что-то сказать.

Через несколько минут я остановилась у дома Джеки – современного особняка в стиле XIX века, похожего на дом плантатора времен до Гражданской войны. На лужайке перед домом худой как скелет паренек косил траву. Он ездил взад-вперед на газонокосилке, сгорбившись, с сигаретой в зубах, выстригая полосу за полосой. Вся его спина была в прыщах – вздутых, воспаленных и таких больших, что они были похожи на раны. Еще один подросток, сидящий на метадоне. Джеки уж могла бы ему помочь – заплатила бы двадцать долларов наркоторговцу, чтобы ему не приходилось переплачивать посреднику.

Дверь открыла женщина, оказавшаяся моей давней знакомой. Джери Шилт, на год старше меня, училась со мной в школе имени Калхуна. На ней был крахмаленный медицинский халат, в точности такой же, как у Гейлы, на щеке, по-прежнему, круглое розовое родимое пятно, которое всегда вызывало во мне жалость. При виде Джери – такой обычной, как в юности, так и сейчас, – хотелось развернуться, сесть в машину и уехать, забыв все тревоги. Глядя на ее заурядное, безыскусное лицо, я на мгновение усомнилась, что в моей среде могло происходить что-то настолько ненормальное. Как можно было такое подумать? Но я осталась.

– Привет, Камилла! Чем могу быть полезной?

По-видимому, ее совсем не интересовало, зачем я пришла. В отличие от всех других женщин Уинд-Гапа она не была любопытной. У нее, наверное, и подруг не было, не с кем сплетничать.

– Привет, Джери! Не знала, что ты здесь работаешь.

– Неудивительно – откуда бы ты могла это знать, – сказала она просто.

Сыновья Джеки – погодки; сейчас им было немного за двадцать: скажем, первому двадцать, второму двадцать один, третьему двадцать два.

Мне они запомнились крепьшами с толстыми шеями, которые всегда ходили в полиэстеровых тренировочных шортах, и у каждого на пальце был массивный памятный перстень школы имени Калхуна, золотой, с яркосиним камнем. У них были такие же, как у Джеки, необычайно круглые глаза и белоснежные зубы, выступающие вперед. Джимми, Джаред и Джонни. Они были дома, приехали на каникулы из колледжа, – по крайней мере двое из них: было слышно, как на заднем дворе играют в футбол. Джери, судя по вызывающе хмурому выражению ее лица, предпочитала держаться от них подальше.

– Я приехала, чтобы... – начала я.

– Знаю, зачем ты приехала, – сказала она ровным тоном, без осуждения, но и без одобрения. Констатируя факт. Я была очередной помехой на ее пути.

– Моя мама дружит с Джеки, и я подумала...

– Поверь, я знаю, кто у Джеки в друзьях, – ответила Джери.

Похоже, она не собиралась меня впускать, вместо этого, оглядела меня с головы до ног, потом посмотрела на машину за моей спиной.

– Джеки дружит со многими мамами твоих подруг, – прибавила она.

– Э-э... У меня ведь здесь теперь мало подруг, – с деланным огорчением сказала я. На самом деле я была этим весьма довольна, даже горда, но мне хотелось расположить ее к себе, чтобы пройти в дом, и побыстрее, пока сама не передумала. – На самом деле у меня и в те времена было их не так уж много.

– А как же Кейти Лейси? Ее мама общается с ними со всеми.

Милая Кейти Лейси, которая затащила меня на девичник, а там сама же на меня и напустилась. Наверное, разъезжает сейчас по городу в своем внедорожнике, сзади сидят ее очаровательные маленькие дочки, одетые с иголочки, – скоро будут верховодить подружками в детском саду. Научатся у своей мамы быть особенно беспощадными к некрасивым и бедным девочкам, которые будут желать лишь того, чтобы их оставили в покое. Размечтались.

– Мне стыдно, что я когда-то водилась с Кейти Лейси.

– Да ладно, ты была в общем неплохой, – сказала Джери.

Мне тут же вспомнилось, что у нее была кобыла по кличке Булка. И мы, конечно, шутили, что даже лошадь у Джери была вредной – от булок толстеют.

– Я так не думаю.

Никогда я не принимала в издевательствах активного участия, но и не пыталась вмешаться, чтобы их остановить. Всегда держалась тенью в

сторонке и нервно посмеивалась, делая вид, что веселюсь.

Джери все так же стояла в двери, теребя дешевые часы на руке, натянутая как струна, – несомненно, забылась, погрузившись в воспоминания. Неприятные.

Что же ее тогда здесь держит? Приехав сюда, я то и дело вижу знакомые лица – так много женщин проводят здесь всю жизнь, не решаясь уехать. Видимо, им хватает местного кабельного телевидения и ночного магазинчика. Все, кто здесь остался, держатся своих компаний, как и прежде. Красивые, недалекие девочки, такие как Кейти Лейси, которая жила, как и ожидалось, в реставрированном викторианском особняке в двух шагах от нас, играли в том же теннисном клубе, что и Адора, и раз в три месяца ездили за покупками в Сент-Луис. Некрасивые, которых изводили в школьные годы, такие как Джери Шилт, до сих пор прислуживали красивым, понуриив головы в ожидании новых насмешек. Чего-то им не хватало, чтобы отсюда уехать, – либо сил, либо ума, а может быть, воображения. Поэтому они остались в Уинд-Гапе, и их жизнь, с прежними невзгодами, шла по замкнутому кругу. И я теперь, с ними за компанию, увязла здесь, как в болотной трясине, и не могу выбраться.

– Пойду скажу Джеки, что ты к ней пришла.

Джери пошла к дальней лестнице в обход, через гостиную, а не напрямую через кухню, через большое окно которой ее могли бы увидеть мальчики.

Наконец она проводила меня в дом. Я вошла в комнату с аляповатым дизайном: на белых стенах – большие пятна и брызги разных цветов, как будто здесь озорничал малыш с красками; красные декоративные подушки, желто-синие занавески, ярко-зеленая ваза с красными керамическими цветами. Над каминной полкой висел забавный черно-белый портрет хозяйки: взгляд, как всегда, хищный, волосы летят по ветру, когти стыдливо спрятаны в кулаках под подбородком. Она была похожа на ухоженную, изнеженную комнатную собачку. Несмотря на болезненное состояние, я не смогла удержаться от смеха.

– Камилла, дорогая! – Джеки вошла в комнату и направилась ко мне, раскинув руки для объятий. На ней был атласный халат, в ушах – серьги кубиками. – В гости ко мне пришла! Милочка, ты выглядишь ужасно. Джери, принеси нам «Кровавой Мэри», быстро! – пролаяла она, обращаясь сначала ко мне, потом к Джери. Наверное, это был смех, но звучал он как лай.

Джери все стояла у двери, пока Джеки не хлопнула перед ней в ладоши.

– Джери, я не шучу. И не забудь на этот раз посыпать солью края бокалов. – Она повернулась ко мне. – Как трудно нынче найти хорошую прислугу! – пробормотала она с серьезным видом, даже не подозревая, что так говорят только в сериалах.

Не сомневаюсь, что Джеки смотрела телевизор непрерывно, с утра до вечера. Утром завесит шторы и садится перед ящиком, в одной руке стакан, в другой – пульт. Сначала смотрит ток-шоу, потом мыльные оперы, вслед за которыми пойдут криминальные новости, фильмы, комедийные сериалы, криминальные драмы, и напоследок перед сном – какое-нибудь кино о женщинах, которых насилуют, преследуют, предают или убивают.

Джери принесла на подносе бокалы с «Кровавой Мэри», мисочки с сельдереем, маринованными огурчиками и оливками, потом, как велела Джеки, задернула шторы и ушла. Мы с Джеки остались сидеть вдвоем в полутемной прохладной белой комнате, оборудованной кондиционером. Некоторое время мы молча смотрели друг на друга. Потом Джеки вдруг наклонилась и открыла выдвижной ящик журнального столика. В нем лежали три бутылочки лака для ногтей, потрепанная Библия и около десяти оранжевых аптечных пузырьков. Они мне напомнили о Карри и его розах, с которых в больнице срезали шипы.

– Дать тебе обезболивающее? У меня разные есть, хорошие.

– Спасибо, пожалуй, лучше поберегу мозги, – ответила я, не понимая, серьезно ли она говорит или шутит. – Большой у тебя запас, впору свою аптеку открывать.

– О да, мне крупно повезло! – сказала она, морщась, как будто коктейль стал вдруг горьким. – Оксиконтин, перкоцет, перкодан. Врач постоянно дает мне новые таблетки – все, что у него появляется. Но надо сказать, они здорово поднимают настроение.

Она высыпала на ладонь несколько белых таблеток и закинула в рот, потом улыбнулась мне.

– Чем ты больна? – спросила я, почти страхась ответа.

– О, дорогая, это очень интересный вопрос. Они же ни черта не знают. Один говорит, что у меня волчанка, другой – артрит, третий – какой-то аутоиммунный синдром, а четвертый и пятый уверяют, что все проблемы идут от головы.

– А сама что думаешь?

– Что я думаю? – Джеки округлила и без того круглые глаза. – Думаю, что, пока мне дают лекарства, я не очень-то об этом переживаю. – Она снова засмеялась. – Мне от них в самом деле хорошо.

Я не могла понять, храбрится ли она или действительно подсела на

таблетки.

– Удивительно, как Адора еще не догадалась просить таблетки у своего врача, – хитро щурясь, сказала Джеки. – Знала бы она, сколько их у меня, тогда бы постаралась. Впрочем, у нее же нет этой дурацкой волчанки. Ну, она бы что-нибудь придумала. Рак мозга, например.

Она снова отпила «Кровавой Мэри», испачкав верхнюю губу томатным соком и солью, отчего она стала казаться распухшей. Этот глоток успокоил Джеки, и она стала смотреть на меня тем же взглядом, что на поминках по Натали, как будто стараясь запомнить мое лицо.

– Господи, как же странно видеть тебя взрослой, – сказала она, глядя мне колено. – Что привело тебя ко мне, дорогая? Дома все в порядке? Может, с мамой что-то не так?

– Нет-нет, ничего такого.

Не хотелось говорить напрямик.

– Ах. – Она испуганно оправила халат дрожащей рукой. Где-то я видела такую сцену – наверное, в немом кино. Я уже жалела, что стала отнекиваться – забыла, что в Уинд-Гапе открытый интерес к сплетням только приветствуется.

– Извини, постеснялась сказать... Я действительно хотела поговорить с тобой о маме.

Джеки сразу же повеселела:

– Что, не можешь ее раскусить? То ли ангел, то ли дьявол, то ли все сразу? – Она положила под свой маленький зад зеленую атласную подушку и вытянула ноги к моим коленям. – Миленькая, помассируй, пожалуйста. Они чистые.

Она вытащила из-под дивана мешок маленьких шоколадных батончиков, какие часто дарят детям на Хеллоуин, и поставила себе на живот.

– Потом раздам. Но они такие вкусные...

Пока она блаженствовала, я решилась спросить:

– Мама всегда была... такой, как сейчас?

Я съежилась: вопрос прозвучал странно. Джеки хохотнула, как ведьма.

– Какой «такой», дорогая, – красивой? Очаровательной? Любимой? Злой? – Она пошевелила пальцами ног, разворачивая конфету. – Массируй. – Я стала тереть ее холодные стопы; подошвы оказались грубыми, как панцирь черепахи. – Адора... Значит, так. Адора была богатой, красивой, и ее родители были почти хозяевами города. Они привезли в Уинд-Гап эту чертову свиноферму, обеспечили нас сотнями рабочих мест (в то время была еще и ореховая плантация). Прикеры всем

распоряжались. Все перед ними пресмыкались.

– А как к ней относились... родители?

– Мать ее слишком опекала. Ни разу не видела, чтобы твоя бабушка Джойя улыбнулась ей или приласкала ее, но трогала она Адору постоянно. То волосы поправит, то платье одернет... Ах да, еще она делала вот что. Если Адора чем-то перемажется, то, вместо того чтобы посплюнуть палец и оттереть пятно, Джойя ее облизывала. Брала за голову и лизала ей лицо. А когда у Адоры шелушилась кожа – мы все часто обгорали на солнце, не были такими просвещенными, как ваше поколение, и защитными кремами не пользовались, – Джойя садилась рядом с твоей мамой, снимала с нее блузку и сдирала кожу длинными полосками. Это было ее любимым занятием.

– Джеки...

– Я не вру. Самой приходилось смотреть, как мою подругу, голую, так вот... чистили. И конечно, твоя мама постоянно болела. Ей то и дело ставили иглы.

– Чем болела?

– Всем понемногу. В основном из-за нервной жизни с Джойей. Видела бы ты ее длинные ногти – ненакрашенные, как у мужчины. И длинные седые волосы вдоль спины.

– А дедушка? Как он себя вел?

– Не знаю. Даже не помню, как его звали. Кажется, Герберт. А может, Герман. Его не было ни видно ни слышно. Все молчал, как Алан, ну, ты представляешь... – Она открыла еще один батончик и пошевелила пальцами ног в моих руках. – А знаешь, твое рождение могло бы погубить твою маму. – В ее голосе был упрек, как будто я не справилась с несложной задачей. – Будь на ее месте другая девушка – она бы пропала. В Уинд-Гапе забеременеть до замужества было большим позором в те времена, – продолжала Джеки, – но твоя мать всегда умела расположить к себе окружающих. Причем всех – не только мальчиков, но и девочек, их мам, учителей.

– Как ей это удавалось?

– Дорогая Камилла, красивой девушке все сойдет с рук, если она будет правильно себя вести. Ты, конечно, должна это знать сама. Вспомни о том, что для тебя за все эти годы сделали юноши и мужчины, а ведь если бы не твое прелестное лицо, ты бы не получила от них ничего. А если мальчики тебя любят, девочки тоже будут любить. Во время беременности Адора держала себя достойно, оставалась гордой, хотя было видно, что она немного страдает, и никому ничего про себя не рассказывала. Твой отец

приехал сюда один раз, в тот злополучный день, и с тех пор они больше не виделись. Твоя мама никогда об этом не говорила. С самого начала ты полностью принадлежала ей. Вот что убило Джойю: у ее дочери появилось то, к чему она подобраться уже не могла.

– Когда Джойя умерла, мама перестала болеть?

– В первое время вроде все было ничего, – сказала Джеки и отпила из бокала. – А вскоре появилась Мэриан, и тогда ей болеть стало некогда.

– Была ли мама... – К горлу подкатил комок, и я быстро запила его разбавленной водкой. – Была ли мама... хорошим человеком?

Джеки снова хохотнула. Откусила батончик, помолчала, пережевывая вязкую нугу.

– Так вот что ты хотела узнать – хороший ли она человек? – Она задумалась. – А сама как думаешь? – спросила она, передразнивая меня.

Она опять порылась в ящике, открыла три пузырька, взяла из каждого по таблетке и разложила их на тыльной стороне ладони по размеру: от самой большой до самой маленькой.

– Не знаю. Мы никогда не были близки.

– Но это же твоя мать! Ближайшая родственница! Камилла, не надо со мной играть. Меня это утомляет. Если бы ты считала, что твоя мама хороший человек, то не стала бы приходить домой к ее подруге, чтобы об этом спросить.

Джеки взяла таблетки одну за другой, по размеру, от самой большой до самой маленькой, раскрошила их на батончик и проглотила. Ее грудь была усеяна фантиками, губа по-прежнему в томатном соке, зубы в густой карамельной начинке. От тепла моих ладоней ее ноги начали потеть.

– Извини. Ты права, – сказала я. – Но как ты думаешь, может быть, она... нездорова?

Джеки перестала жевать, положила свою ладонь на мою и глубоко вздохнула.

– Дай я наконец скажу это вслух, ведь я об этом думала так долго. А мысли у меня в голове задерживаются не всегда – иногда ускользают, как рыба из рук. – Она приподнялась и сжала мне руку. – Адора губит тебя, и если ты ей этого не позволишь, тебе же будет хуже. Посмотри, что происходит с Эммой. Вспомни, что было с Мэриан.

«Да». У меня под грудью стало пощипывать «бежать».

– Значит, ты думаешь... – подсказала я.

«Скажи как есть».

– Я думаю, что она больна, причем ее болезнь заразна, – прошептала Джеки. Ее руки дрожали так, что лед в бокале зазвенел. – И еще я думаю,

что тебе, моя милая, пора уезжать.

– Извини, не хотела злоупотреблять твоим гостеприимством.

– Я имела в виду, уезжать из Уинд-Гапа. Здесь тебе оставаться опасно.

Не прошло и минуты, как я вышла из дома Джеки, оставив ее смотреть на собственное лицо, хищно улыбающееся с фотографии над каминной полкой.

Глава четырнадцатая

Я едва не упала, спускаясь с крыльца дома Джеки на дрожащих ногах. Сзади во дворе ее сыновья пели гимн футбольной команды школы имени Калхуна. Я заехала за угол, остановилась под тутовыми деревьями и опустила голову на руль.

Действительно ли моя мама много болела в детстве? А Мэриан? А Эмма, а я? Иногда я думаю, что в каждой женщине сидит болезнь, которая только и ждет подходящего момента, чтобы проявиться. За свою жизнь я знала много больных женщин. Неизлечимо, хронически больных. С расстроенным здоровьем. Конечно, мужчины тоже болеют: у них хрустят кости, болят спины, им делают операции – удаляют железы, ставят искусственное бедро. Женщины болеют иначе – они изнашиваются. Что неудивительно, если учесть, сколько через них проходит инородных тел. Тампоны и гинекологические зеркала. Пенисы, пальцы, вибраторы и прочее – между ног, в заднее отверстие, в рот. Мужчины ведь любят вставлять в женщин разные вещи? Огурцы, бананы, бутылки, бусы, фломастер, кулак. Один мужик хотел вставить в меня портативный приемник. Я отказалась.

Одна слабее другой. Что правда, а что ложь? Может быть, Эмма болела по-настоящему и нуждалась в мамином лекарстве? Или она болела от самого лекарства? От маминой ли голубой таблетки мне стало так плохо или без нее было бы только хуже?

Не осталась ли Мэриан жить, если бы у нее была другая мать?

* * *

Стоило бы позвонить Ричарду, но мне нечего было ему сказать. Страшно подумать – я оказалась права. Жить не хочется. Я проехала мимо маминого дома и двинулась на восток, к свиноферме, потом остановилась возле бара «У Хилы», здания без окон, внушающего доверие: здесь любой, кто узнает дочь хозяйки, благоразумно оставит ее в покое и даст подумать о своем.

В баре пахло свиной кровью и мочой; даже попкорн в мисочках на барной стойке пропах сырым мясом. Двое усатых хмурых мужчин в бейсбольных кепках и кожаных куртках подняли головы и тут же опустили

их к своим кружкам пива. Бармен молча налил мне бурбона. Из колонок тихо звучала песня Кэрол Кинг. Налив мне второй стакан, бармен, показав куда-то за моей спиной, спросил: «Вы не его ищете?»

В единственной в баре кабинке сидел Джон Кин, сгорбившись над своим стаканом и ковыряя расщепленный край стола. Его светлая кожа была в розовых пятнах от алкоголя, и, судя по мокрым губам и тому, как он цокал языком, я поняла, что его уже рвало. Взяв стакан, я пошла в кабинку и молча села напротив него. Он улыбнулся, взял меня за руку через стол.

– Привет, Камилла. Как дела? Вы такая миленькая, чистая. – Он посмотрел по сторонам. – А здесь... здесь так грязно.

– Я ничего, в порядке. А вы, Джон?

– О, просто прекрасно, конечно. Сестру убили, меня скоро арестуют, а моя девушка, которая липла ко мне как банный лист, все время, пока я живу в этом дрянном городишке, считает, что теперь я для нее не подарок. Хотя это меня не очень огорчает. Она хорошая, но не...

– Не очень интересная, – предположила я.

– Да. Да. Я собирался с ней расстаться еще до того, как убили Натали. А теперь не могу.

Расстался бы он с ней сейчас – и все в городе, включая Ричарда, сразу наострили бы уши. «Что это значит? Как это доказывает его вину?»

– К родителям я не вернусь, – пробормотал он. – Я скорее пойду в этот чертов лес и убью себя, чем буду жить среди вещей Натали.

– Я вас не виню.

Он взял солонку и стал посыпать солью стол.

– По-моему, вы одна это понимаете, – сказал он, – что такое потерять сестру и когда при этом от тебя еще ждут, что ты спокойно переживешь случившееся. У вас это получилось? – Он произнес фразу с такой горечью, что я бы не удивилась, если бы его язык оказался желтым.

– От такого горя оправиться невозможно, – ответила я, – оно проникает в кровь. Меня оно погубило.

Произнеся это вслух, я почувствовала облегчение.

– Почему всех удивляет то, что я горюю по Натали? – Джон уронил солонку, которая со звоном покатила по полу. Бармен бросил на него недовольный взгляд. Я подняла солонку, поставила рядом с собой, бросила две щепотки соли через плечо, на счастье для каждого из нас.

– Наверное, люди считают, что молодому легче смириться с потерей близкого, – сказала я. – Тем более вы юноша. Мальчики обычно не особо чувствительны.

Он фыркнул.

– Родители дали мне книгу о том, как пережить смерть близкого человека. Под названием «Мужчина в трауре». Там сказано, что иногда нужно отойти от моральных устоев, просто отвергнуть их. Мужчине это может помочь. Я попробовал – в течение часа внушал себе, что мне все равно. И сначала действительно мне было все равно, но очень недолго. Я сидел в своем фургоне у Мередит и думал... о всякой ерунде. Просто смотрел из окна на кусочек голубого неба и твердил: «Все нормально, все в порядке, все хорошо». Как мальчишка. А потом, когда перестал, понял, что мне уже никогда не будет ни нормально, ни хорошо. Даже если поймут того, кто это сделал. Не знаю, почему все говорят, что нам станет легче, когда кого-то арестуют. А теперь, похоже, этим кем-то стану я. – Он хрипло рассмеялся и покачал головой. – Какой абсурд.

Потом неожиданно спросил:

– Давайте выпьем еще, вместе?

Он качался, уже сильно пьяный, но я не стану мешать товарищу по несчастью впадать в забытие. В некоторых случаях это желание наиболее оправданно. Всегда считала, что надо обладать жестким сердцем, чтобы трезво и ясно смотреть на вещи. Я выпила еще один стакан у барной стойки, чтобы догнать Джона, потом вернулась с двумя стаканами бурбона. Себе взяла двойной.

– Похоже, что убийца выбрал в Уинд-Гапе двух девочек с характером и их истребил, – сказал Джон, отпил виски. – Как ты думаешь, наши сестры могли бы дружить?

Представить себе, что они обе живы, при этом Мэриан не становится старше...

– Нет, – сказала я и вдруг засмеялась.

Он тоже засмеялся.

– Значит, твоя покойная сестра слишком хороша для моей?

Мы снова рассмеялись, но скоро помрачнели опять. Я уже начала пьянеть.

– Я не убивал Натали, – прошептал он.

– Знаю.

Он взял мою руку в свою, накрыл ее другой.

– У нее были ногти покрашены. Когда ее нашли. Убийца покрасил ей ногти, – пробормотал он.

– Может быть, она сама.

– Натали этого не любила. Она даже причесывалась с боем.

Несколько минут мы молчали. После Кэрол Кинг запела Карли Саймон. Хороший репертуар в баре для мясников.

– Ты такая красивая, – сказал Джон.

– Ты тоже.

* * *

На парковке Джон стал возиться с ключами и с легкостью отдал их мне, когда я сказала, что для водителя он слишком набрался. Хотя сама была не намного лучше. В голове стоял туман. Я повезла его к дому Мередит, но, когда мы почти приехали, он покачал головой и попросил отвезти его в мотель за городом. Тот самый, в котором я остановилась по пути сюда, готовясь к нелегкой встрече с Уинд-Гапом.

Мы ехали с опущенными стеклами, и в салон машины врвался теплый ночной воздух. Футболка прилипла к груди Джона, мои длинные рукава колыхались на ветру. Не считая густой шевелюры на голове, Джон был совершенно безволосым. Даже на руках был только легкий пушок. Он казался почти голым, беззащитным.

Я оплатила Джону ночь в гостинице, потому что у него не было кредитной карточки, открыла ему дверь комнаты № 9, уложила на кровать, принесла теплой воды в пластиковом стаканчике. Он покачал головой, глядя на свои ноги.

– Джон, попей, тебе это нужно.

Он осушил стакан одним глотком и поставил его на край кровати – он упал на пол и укатился. Схватил меня за руку. Я попыталась ее выдернуть – скорее инстинктивно, чем по какой бы то ни было другой причине, – но он сжал сильнее.

– Я заметил это раньше, несколько дней назад, – сказал Джон, проводя по букве «й» слова «жалкий», показавшейся из-под рукава моей водолазки. Он поднял другую руку и погладил мое лицо. – Можно посмотреть?

– Нет, – сказала я и снова попыталась выдернуть руку.

– Камилла, дай посмотреть. – Он не отпускал.

– Нет, Джон. Я никому это не показываю.

– Но я хочу посмотреть.

Он закатал рукав и сощурил глаза, пытаясь разобрать слова. Я не сопротивлялась, сама не понимая почему. У него было приятное, задумчивое лицо. Я устала, день был трудный. И еще мне до чертиков надоело прятаться. Более десяти лет только об этом и думаю. Вечно боюсь, что из-под одежды покажется какой-нибудь шрам, с кем бы я ни общалась – с подругой, с интервьюируемым, с кассиршей в супермаркете. Пусть Джон

смотрит. Пожалуйста, пусть смотрит. Мне так хочется забыться – значит, нечего прятаться.

Он закатал мне второй рукав, и вот мои руки перед ним – совершенно голые. Так непривычно, что дух захватывает.

– Этого до сих пор никто не видел?

Я покачала головой.

– Как долго ты это делала, Камилла?

– Долго.

Он оглядел мои руки, задрал рукава еще выше. Поцеловал меня в середину слова «усталость».

– Это я сейчас и чувствую, – сказал он, проводя пальцами по шрамам. По коже забегали мурашки. – Дай мне все посмотреть.

Он снял с меня водолазку. Я сидела как послушный ребенок. Развязал шнурки, снял с меня кроссовки, носки, стянул брюки. Оставшись в лифчике и трусиках, я задрожала – от кондиционера было холодно. Джон приоткрыл одеяло и жестом пригласил меня лечь. Я забралась в постель, дрожа и от холода, и от жара.

Он поднял мои руки, распрямил ноги, повернул меня на спину, читая вслух слова, гневные и бессмысленные: «печь», «тошно», «замок». Потом разделся сам, будто чтобы быть со мной на равных, скомкав, бросил одежду на пол и продолжил читать: «булочка», «злой», «клубок», «щетка». Быстрым движением пальцев расстегнул спереди лифчик и снял его. «Цветок», «дозировка», «бутылка», «соль». Джон был возбужден. Он стал целовать соски – я никому не позволяла этого делать с тех пор, как стала резаться всерьез. Четырнадцать лет назад. Он гладил меня всю – спину, грудь, бедра, плечи, и я покорялась его рукам. Губы на губах, на шее, на сосках, между ног и опять на губах. Вкус моего тела на его языке. Слова стали не нужны. С меня как будто спали злые чары.

Он вошел в меня, и я забилась в экстазе – быстро, сильно, потом опять. Когда он задрожал в сладких судорогах, я почувствовала на плече его слезы. Мы заснули в объятиях друг друга (он – положив руку мне под голову, я – перекинув одну ногу через его ноги; а может, наоборот), и только один раз на мне прожужжало слово: «предзнаменование». Хорошее или плохое, кто знает. Я предпочла думать о хорошем. Глупая.

* * *

Утром за окном листья на деревьях зеленели в рассветных лучах

солнца, покачиваясь на ветру, словно множество маленьких ладошек. Я пошла голой к раковине налить нам воды в единственный стакан – во рту было сухо, мы оба страдали от похмелья, – и, когда слабый свет солнца скользнул по моим шрамам, слова ожили и загудели опять. Ремиссия кончилась. Посмотрев на себя, я непроизвольно скривила губы от отвращения и, прежде чем вернуться в постель, обернулась полотенцем.

Джон отпил из стакана, влил мне в рот воды, прижал мою голову к своей груди, потом залпом осушил стакан. Его рука потянулась к полотенцу на моих бедрах, но я лишь обернулась им плотнее. Оно было таким же жестким, как и кухонное, которым я прикрыла грудь. Я покачала головой.

– Что такое? – прошептал он мне на ухо.

– Неумолимый утренний свет, – шепотом ответила я. – Пора отбросить иллюзии.

– Какие иллюзии?

– Что может получиться что-то хорошее, – сказала я и поцеловала его в щеку.

– Давай с этим подождем, – сказал он и прижал меня к себе.

Тонкие, безволосые руки. Совсем еще мальчик, думала я, но в его руках мне было хорошо, я чувствовала себя защищенной, красивой и чистой. Я прижала лицо к его шее и вдохнула: запах спиртного и другой, острый, лосьона для бритья, наверное голубого цвета. Открыв глаза, я увидела красные мигающие огни полицейской машины за окном.

Бум-бум-бум. Дверь загремела так, словно ее вот-вот снесут с петель.

– Камилла Прикер, откройте. Начальник полиции Викери.

Мы бросились поднимать одежду с пола; глаза Джона округлились от испуга. Лязг пряжки, шорох ткани – суетливый, виноватый шум. За дверью слышно все, сейчас нас раскусят. Я набросила на кровать покрывало, пригладила волосы и, когда Джон встал за мной в делано-небрежной позе, просунув пальцы в петли брюк, открыла дверь.

Ричард. Отглаженная белая рубашка, новый полосатый галстук, улыбка, которая стерлась с его лица, как только он увидел Джона. Рядом Викери, трет усы, как будто в них завелись вши, глядя то на Джона, то на меня, потом повернулся к Ричарду.

Ричард ничего не сказал, только сверкнул на меня сердитым взглядом, скрестил руки на груди и сделал глубокий вдох. В комнате наверняка пахло сексом.

– Ну, похоже, с вами все в порядке, – сказал он. Выдавил из себя усмешку. Но я видела, что ему не до смеха: его шея над воротником была красной, как у сердитого персонажа из мультфильма. – Как дела, Джон?

Все нормально?

– Спасибо, хорошо, – ответил Джон и встал рядом со мной.

– Мисс Прикер, несколько часов назад нам позвонила ваша мама и сказала, что вы не пришли ночевать, – пробормотал Викери. – Сказала, вы немного приболели, кажется упали. Она очень волновалась. Очень. Сейчас такое происходит, что осторожность лишней быть не может. Полагаю, она обрадуется, узнав, что вы... здесь.

Если это вопрос, то я на него отвечать не собираюсь. Перед Ричардом мне оправдываться придется, а Викери обойдется как-нибудь.

– Я сама позвоню маме. Спасибо, что позаботились о моей безопасности.

Ричард посмотрел себе на ноги, прикусил губу – за все время нашего знакомства я впервые видела его смущенным. У меня внутри все оборвалось. Он сделал выдох, долгий и сильный, как порыв ветра, поставил руки на бедра, посмотрел на меня, потом на Джона. Словно мы школьники, которых застигли за хулиганством.

– Пойдемте, Джон, мы отвезем вас домой, – предложил Ричард.

– Спасибо, господин Уиллис, меня Камилла отвезет.

– Сколько тебе лет, сынок? – спросил Викери.

– Ему восемнадцать, – ответил за него Ричард.

– Ну вот и славно тогда. Доброго вам дня, – сказал Викери, сквозь зубы хохотнул в сторону Ричарда и еле слышно пробормотал: «Ночь у вас уже была хороша».

– Ричард, я потом позвоню, – сказала я.

Сев в машину, он поднял руку и слабо помахал мне.

* * *

В машине мы с Джоном в основном молчали. Я везла его домой, к его родителям, где он хотел немного поспать в комнате для отдыха на подвальном этаже. Он напевал отрывок джазовой песни пятидесятых годов, постукивая пальцами по дверной ручке.

– Как ты думаешь, будут ли плохие последствия? – наконец спросил он.

– Для тебя, наверное, нет. Это как раз доказывает, что ты нормальный американский парень со здоровым интересом к женщинам и случайному сексу.

– Это не было случайным. Я это воспринимаю иначе. А ты?

– Ладно. Слово неподходящее. Допустим, все наоборот, – сказала я. – Но я на десять с лишним лет старше тебя и пишу о преступлении, которое... Словом, тут столкновение интересов. За такие вещи увольняли лучших репортеров, чем я.

В лучах утреннего солнца наверняка было хорошо видно морщинки в уголках моих глаз. Я чувствовала себя совсем не молодой. Между тем Джон, несмотря на приличное количество выпитого ночью и всего несколько часов сна, выглядел свежим как огурчик.

– Прошлой ночью... ты спасла меня. То, что между нами было, спасло. Если бы ты со мной не осталась, я бы сделал что-нибудь плохое. Я в этом уверен, Камилла.

– Я тоже с тобой почувствовала себя защищенной, – сказала я искренне, но эти слова почему-то прозвучали лицемерно, как ласковые увещевания моей мамы.

* * *

Я высадила Джона в квартале от дома его родителей. На прощание он попытался меня поцеловать, но я увернулась, и его губы лишь коснулись моего подбородка. «Никто не докажет, что между нами что-то было», – подумала я.

Я развернулась и поехала на Главную улицу, где остановилась напротив полицейского участка. Один фонарь еще горел. 5:47 утра. Секретаря в вестибюле не было, поэтому я нажала на звонок для ночных вызовов. Со стены, прямо мне на плечо, брызнул освежитель воздуха. Лимонный. Я позвонила еще раз, и в узком застекленном окошке тяжелой двери, ведущей к кабинетам, показался Ричард. Он стоял, глядя на меня, и казалось, что он сейчас развернется и уйдет – мне даже почти этого хотелось, – но потом он открыл дверь и вышел в вестибюль.

– Ну, Камилла, с чего начнем? – Он сел на мягкий стул, обхватил голову руками. Галстук повис у него между ног.

– Ричард, все было не так, как тебе показалось, – сказала я. – Знаю, что это звучит избито, но это правда.

«Отрицай, отрицай, отрицай».

– Камилла, мы с тобой занимались сексом всего лишь сорок восемь часов назад, и вот я вижу тебя в гостиничном номере с главным подозреваемым по делу об убийстве детей. Это плохо, даже если все не так, как кажется.

– Ричард, он не убивал. Я совершенно точно знаю, что это сделал не он.

– Правда? Об этом вы и говорили, пока трахались?

«Злится, это хорошо. С гневом я справлюсь. Это лучше, чем когда он в отчаянии хватается за голову».

– Ричард, ничего подобного не было. Я нашла его в баре «У Хилы» пьяным, в стельку пьяным, и испугалась, как бы он действительно что-нибудь с собой не наделал. Я отвезла его в гостиницу и осталась, чтобы дать ему выговориться. Мне ведь он нужен для статьи. И знаешь, что я выяснила? Твое расследование погубило этого мальчика, Ричард. И, что еще хуже, я думаю, что ты на самом деле и не веришь, что это сделал он.

Лишь последняя фраза была полностью правдивой, и я это поняла, только когда произнесла ее вслух. Ричард – умный парень, отличный коп, чрезвычайно амбициозный, он расследовал первое крупное дело, и все население города возмущенно вопило, требуя ареста, а ведь он работал не покладая рук. Если были бы какие-то улики против Джона, то он бы уже давно его арестовал.

– Камилла, что бы ты ни думала, но ты знаешь о следствии не все.

– Ричард, уверяю тебя, я никогда и не думала, что знаю все. Я все время чувствовала себя посторонним человеком, совершенно бесполезным. Даже став моим любовником, ты продолжал играть в молчанку. Ни одного секрета не выдал.

– Так тебя это бесит до сих пор? Я думал, ты большая девочка.

Тишина. Шипение лимонного освежителя. Было еле слышно, как тикают большие серебряные часы на руке у Ричарда.

– Позволь доказать, что я могу еще на что-то согдиться, – попросила я.

Старая привычка: мне вдруг отчаянно захотелось подчиниться, сделать ему приятное, чтобы снова ему понравиться. Прошлой ночью мне было так спокойно, всего несколько минут, до тех пор, пока Ричард, явившись на порог гостиничного номера, не нарушил этот покой. Мне хотелось ощутить его снова.

Я опустила на колени и начала расстегивать ему брюки. На мгновение он положил руку мне на затылок. Потом вдруг грубо схватил за плечо.

– Господи, Камилла, что ты делаешь? – Он ослабил хватку, поняв, что надавил слишком сильно, и поднял меня на ноги.

– Просто хочу, чтобы между нами все наладилось. – Я теребила пуговицу на его рубашке, не смея поднять глаза.

– Так ничего не наладится, Камилла, пойми. – Он сухо поцеловал меня

в губы. – Запомни это, пока мы не зашли дальше. Точка.

И он попросил меня уйти.

* * *

Я худо-бедно проспала несколько быстролетных часов на заднем сиденье машины. Пытаться выспаться в таких условиях – все равно что стоять перед поездом, проносющимся мимо, и стараться прочесть вывеску, мелькающую между вагонами. Я проснулась липкой от пота и в дурном настроении. Купила в магазине «ФаСтоп» зубную щетку, пасту, а также лосьон и лак для волос – самые сильно пахнущие из всех, что смогла найти. Почистив зубы над раковиной на бензозаправке, я натерла лосьоном подмышки и промежность и хорошенько побрызгала лаком волосы. В результате за мной тянулся шлейф запахов пота, секса, клубники и алоэ.

Мне совсем не хотелось видиться с мамой, и, вместо того чтобы ехать домой, я решила поработать. Дурная идея: можно подумать, я буду дальше писать эту статью. Как будто теперь все это не полетит в тартарары. Вспомнилась Кейти Лейси, о которой мы недавно говорили с Джери Шилт, и я отправилась к ней. Она была в родительском совете обоих классов начальной школы, где учились Энн и Натали. Мама тоже раньше в нем состояла; эта деятельность была в почете, и ею могли заниматься только неработающие женщины. Состояла она в том, чтобы два раза в неделю приходить в классы помогать учителям организовывать уроки рисования, ручного труда, музыки, а по четвергам для девочек – уроки шитья. Во всяком случае, так было в мое время. Сейчас, возможно, шитье заменили на что-то более современное и подходящее как для девочек, так и для мальчиков – пользование компьютером или приготовление блюд в микроволновой печи.

Как и моя мама, Кейти жила на вершине большого холма. Я стала подниматься по узкой врезанной лестнице, по краям которой росли подсолнухи. На холме стояла катальпа, тонкая и элегантная, справа от нее, точно кавалер, – толстый тенистый дуб. Еще не было и десяти утра, а Кейти, стройная и смуглая, загорала на «вдовой площадке» на крыше дома. Рядом работал вентилятор. Загорать, не чувствуя жары, – это прекрасно. Осталось придумать, как не схлопотать рак. Или хотя бы морщины. Кейти заметила меня, пока я поднималась, увидев, что на ее сочно-зеленом газоне маячит тень, портя вид, и приложила ко лбу руку козырьком, что бы с двенадцатиметровой высоты разглядеть, кто идет.

– Кто там? – крикнула она.

В школе она была натуральной пшеничной блондинкой, сейчас ее волосы, собранные в высокий хвост, были платиновыми с медным отливом.

– Кейти, привет! Это Камилла.

– Ками-и-и-и-илла! Ох господи! Сейчас спущусь.

Не ожидала, что Кейти так мне обрадуется, ведь в последний раз, когда мы с ней виделись на вечеринке у Энджи, она на меня накричала. Впрочем, ее гнев всегда исчезал так же быстро, как и появлялся, будто легкий ветерок.

Она подскочила к входной двери; ярко-голубые глаза на загорелом лице казались еще ярче. Темно-смуглые, худые, как у девочки, руки напомнили мне французские сигариллы, которые некоторое время курил Алан. Дело было зимой, и мама прогнала его в комнату на подвальном этаже, которую стала почтительно называть курительной комнатой Алана. Но вскоре Алан бросил сигариллы и пристрастился к портвейну.

Кейти набросила на плечи, поверх бикини, неоновую-розовую майку – такие в конце восьмидесятых привозили с острова Южный Падре. Девочки, отдохавшие там во время весенних каникул, подбирали их на пляже после конкурса мокрых маек, на память. Кейти обвила меня шоколадными руками и повела в дом.

Здесь кондиционера тоже не было, как и у моей мамы. Впрочем, один комнатный был, в большой спальне. Дети, значит, обходятся – парятся, но терпят. Впрочем, нельзя сказать, что их не баловали. Все восточное крыло дома выглядело как игровая комната – желтый пластмассовый дом, горка, стильная лошадь-качалка. Но похоже, что во все это никто никогда не играл. На стене большими буквами разных цветов написано: «Маккензи. Эмма». Ниже фотографии улыбающихся белокурых девочек, курносых, с прозрачными глазами – хорошенькие глупышки. Ни одного портрета крупным планом – на всех снимках видно, кто в чем одет. Розовый комбинезон в ромашках, красные платья с панталончиками в горошек, нарядные весенние шляпки, туфельки «Мэри Джейнз». Прелестные детки – воистину прелестные наряды. Вот и готов слоган для местного магазина детской одежды.

Кейти Лейси Бракер, казалось, вовсе не интересовало, зачем я приехала к ней домой этим утром пятницы. Она заговорила о книге, которую сейчас читает, биография какой-то знаменитости, а также о детских конкурсах красоты. Похоже, с тех пор как убили Джонбенет, они навеки опозорены. «Маккензи мечтает стать моделью». Что ж, она красива, как мать, так кто ж ее осудит? «Вот как? Камилла, спасибо, это очень мило

с твоей стороны. Никогда не думала, что ты считаешь меня красивой». Да что ты, конечно считаю, не говори глупостей. «Выпьешь что-нибудь?» С удовольствием. «Только спиртного мы не держим». Ну что ты, я об этом и не думала. «Может, сладкого чая?» Обожаю сладкий чай, в Чикаго его не пьют. Как я соскучилась по региональным вкусоностям! Видела бы ты, как там делают ветчину. Как хорошо дома!

Кейти принесла хрустальный кувшин с чаем. Странно: я ведь видела из гостиной, она доставала из холодильника другой кувшин, большой, литра на четыре. Рисуетса. Впрочем, я ведь тоже не слишком с ней откровенна. Надушилась, чтобы скрыть свое естественное состояние под синтезированными ароматами растений. И не только алоэ и клубники – от плеча еще немного пахло лимонным освежителем воздуха.

– Чудесный чай, Кейти. Ей-богу, я могу пить сладкий чай на завтрак, обед и ужин.

– А как в Чикаго делают ветчину? – Она подогнула ноги под себя и наклонилась ко мне. Помню, в школьные годы, бывало, посмотрит таким же серьезным взглядом, словно заучивает код к сейфу.

Ветчину не ем с детства – с тех пор, как впервые пришла на свиноферму, чтобы ознакомиться с семейным бизнесом. И хотя в тот день скот не забивали, я потом ночами не могла заснуть – достаточно было увидеть сотни свиней в клетках, таких тесных, что им и развернуться было негде, и почувствовать эту вонь – сладкий запах горловой крови и дерьма. Снова вспомнилось, с каким интересом смотрела на эти клетки Эмма.

– В нее мало добавляют тростникового сахара.

– Хм... Кстати, о ветчине, может, угостить тебя сэндвичем или чем-то еще? Ветчина у меня с фермы твоей мамы, говядину брала у Диконов, курицу – у Ковеев. А индейку – на «Постной кухне».

Кейти была таким человеком, который скорее весь день будет возиться со всякой ерундой – чистить плитку на кухне зубной щеткой, прочищать зубочисткой стык между паркетными досками, – чем говорить на какую-либо щекотливую тему. Но по крайней мере, она не пила. И все же мне удалось повернуть разговор к теме убитых девочек. Пообещав нигде не упоминать ее имени, я включила диктофон. Девочки были милыми, славными, просто прелестными. Обычная сладкоголосая демагогия. Потом: «С Энн как-то был один инцидент, в день шитья». Значит, день шитья не отменили. Пожалуй, это приятно. «Она воткнула иглу в щеку Натали. Думаю, она целилась в глаз, знаешь, как Натали – той девочке, в Огайо». В Филадельфии. «Сначала они сидели рядом друг с другом, тихо и мило. Они не были подругами, учились в разных классах, но в день шитья классы

объединяют. Энн шила, что-то напевая себе под нос, – ну просто маленькая мамочка. А потом вдруг эта выходка».

– Натали сильно пострадала?

– Хм, не очень. Мы с Рей Уайтскавер – она теперь учитель второго класса, ее девичья фамилия Литтл, она училась в то же время, что и мы, на несколько лет нас моложе. Литтл, но совсем не маленькая! По крайней мере, тогда не была – сейчас она несколько фунтов сбросила... Так вот, мы с Рей оттащили Энн; у Натали торчала игла из щеки, всего сантиметрах в двух от глаза. Она не плакала, не кричала. Только сопела, как сердитая лошадь.

Я представила, как Энн, с ее неровной стрижкой, трудится над шитьем, вспоминая ту историю с ножницами – жестокую выходку, которой Натали себя заклемила. Недолго думая, она со всей силы запускает в нее иглу, которая, неожиданно легко войдя в щеку, ударяется о кость. Представила, как игла торчит из щеки Натали, точно гарпун.

– Энн это сделала без видимых причин?

– Мне насчет этих девочек ясно одно: им не надо было причин, чтобы на кого-нибудь наброситься.

– Другие девочки их дразнили? Возможно, они были напуганы или раздражены?

– Ха-ха! – рассмеялась Кейти, искренне удивившись, но смех получился невероятно четким. Похоже на то, как если кошка, глядя вам в глаза, отчетливо скажет «мяу».

– Ну, я бы не сказала, что они летели в школу, как на крыльях, – произнесла Кейти. – Но об этом лучше поговори со своей сестренкой.

– Я знаю, что Эмма их донимала...

– Да поможет нам Бог, когда она перейдет в десятый класс.

Я молчала, надеясь, что Кейти Лейси Бракер расскажет о моей сестре побольше. Ничего хорошего, полагаю. Неудивительно, что она так обрадовалась моему приходу.

– А помнишь, как мы в школе устанавливали свои законы? То, что нравилось нам, нравилось всем, а тот, кто впал к нам в немилость, становился всеобщим врагом, – сказала она мечтательным тоном сказочника, словно представляя страну мороженого и веселых кроликов.

Я молча кивнула. Помню, как жестоко я обошлась с Лиэнн, не в меру серьезной девочкой, с которой дружила с начальной школы, когда она стала слишком беспокоиться о моем душевном здоровье, предположив, что у меня депрессия. И однажды утром, когда она прибежала в школу пораньше, чтобы поговорить со мной до уроков, я ее намеренно унизила. Как сейчас

помню: под мышкой связка книг, нелепая ситцевая юбка, голова опущена всякий раз, когда она со мной говорит. Я повернулась к ней спиной и, обращаясь к другим девочкам, посмеялась над ее монашским прикидом. Девочки это подхватили и всю неделю ее дразнили. Последние два года обучения в школе она в столовой держалась поближе к учителям. Достаточно было бы сказать одно слово, чтобы все насмешки прекратились, но я этого не делала. Мне надо было ее отстранить.

– Твоя сестра похожа на нас, но в три раза хуже. У нее еще более гадкий характер.

– Как он проявляется?

Кейти достала мягкую пачку сигарет из выдвигного ящика придиванного столика и прикурила от длинной каминной спички. Все так же курит, и до сих пор по секрету.

– Подружки Эммы – эти светловолосые девчушки, уже грудастые, – под ее руководством подчинили себе всю школу. Серьезно, это плохо. Иногда бывает смешно, но в основном плохо. Они каждый день заставляют одну толстую девочку приносить им обед и не отпускают до тех пор, пока она не съест что-нибудь без помощи рук, уткнувшись лицом в тарелку. – Кейти наморщила нос, но больше беспокойства не выразила ничем. – Другую девочку они прижали к стенке и заставили задрать футболку перед мальчиками, чтобы показать, что она безгрудая, при этом говоря непотребные слова. Ходит слух, что они взяли с собой на тусовку Ронну Дил – свою прежнюю подругу, с которой рассорились, – там ее напоили и... ну, скажем, подарили нескольким старшим мальчикам. И стояли за дверью на карауле, пока те с ней развлекались.

– Им ведь всего тринадцать лет! – воскликнула я. Потом вспомнила, что сама творила в этом возрасте. Впервые осознала, насколько это было возмутительно рано.

– Скороспелые девочки. Но ведь и мы отрывались вовсю, когда были немногим старше. – Голос Кейти становился хриплым от табачного дыма. Она выдохнула его вверх и посмотрела на сизое облако над нами.

– Наши выходки не были настолько жестокими.

– Весьма близко к этому, Камилла.

«У тебя – да, у меня – нет».

Мы молча смотрели друг на друга, вспоминая каждая свои подвиги.

– В общем, Эмма много возилась с Энн и Натали, – сказала Кейти. – Хорошо, что твоя мама ими заинтересовалась.

– Я знаю, что мама давала Энн уроки.

– Не только. Она занималась с ними в школе, приглашала к себе

домой, кормила после уроков. Иногда она даже приходила во время перемен и сквозь изгородь смотрела, как они играют на площадке.

Представилось, как мама стоит у изгороди, держась за проволоку, и жадно смотрит. Потом – мама в белом, ослепительно-белом, держит Натали под мышкой и прикладывает палец ко рту, приказывая Джеймсу Кэписи молчать.

– Мы закончили? – спросила Кейти. – А то я уже устала от этой темы. – Она выключила диктофон. – В общем, я слышала о том, что у тебя шуры-муры с красавчиком-копом, – улыбнулась Кейти.

Из ее хвоста выбилась прядь волос. Я вспомнила, как она, покрывая лаком ногти на ногах, выводывала, не было ли у меня чего с одним баскетболистом, который был ей небезразличен. При упоминании Ричарда я постаралась не дрогнуть.

– Ох уж эти слухи, – улыбнулась я в ответ. – Одинокий мужчина, одинокая женщина... Моя жизнь вовсе не настолько интересна.

– Джон Кин так бы не сказал. – Она достала еще одну сигарету, закурила, сделала несколько затяжек, изучающе глядя на меня.

На этот раз без улыбки. Теперь мне предстояло принять одно решение из двух – последствия каждого известны наперед. Либо я расскажу ей какие-нибудь пикантные подробности, и она останется довольна. А если Кейти что-то узнает в десять часов, то к полудню об этом будет говорить весь Уинд-Гап. Либо я буду все отрицать – тогда она, вероятно, обидится и больше не захочет мне помогать. Но интервью с ней я уже записала, а на ее доброе расположение мне было начхать.

– А, тоже слухи. Люди могли бы найти себе занятие интереснее.

– Вот как? А я бы этому не удивилась. Ты ведь всегда была не прочь поразвлечься.

Я встала, приготовившись уходить. Кейти проводила меня до двери, досадливо прикусив щеку.

– Кейти, спасибо, что уделила мне время. Рада была тебя видеть.

– Я тоже, Камилла. Приятно провести тебе время в Уинд-Гапе.

Когда я стала спускаться по лестнице, Кейти меня окликнула:

– Камилла! – Обернувшись, я увидела, что она стоит, повернув стопу вовнутрь, как маленькая. Я и в старших классах замечала за ней эту привычку. – Мой тебе добрый совет: возвращайся домой и помойся. От тебя несет.

Я последовала ее совету и поехала домой. В моем воображении один за другим мелькали образы мамы, все зловещие. «Предзнаменование». Это слово снова загорелось на мне. Я представляла Джойю, худую, косматую, с длинными ногтями, обдирающую кожу с мамы. Маму, с ее пилюлями и зельями, выстригающую мне волосы. Видела Мэриан – такую, какая она сейчас, – скелет в гробу; высохшие белокурые волосы обвязаны атласной белой лентой, как увядший букет цветов. Представляла, как мама ухаживает за этими необузданными девочками. Или, по крайней мере, пыталась ухаживать. Вряд ли Натали и Энн долго это терпели. Адора ненавидела детей, которые противились необычайно настойчивой опеке. Накрасила ли она ногти Натали, прежде чем ее задушить? Или после того, как это сделала?

«Ты с ума сошла – такое думать! Ты с ума сошла – в это не верить...»

Глава пятнадцатая

На веранде стояли три розовых велосипеда с плетеными корзинами на передних крыльях и ленточками на рулях. Заглянув в одну корзинку, я увидела большой тюбик губной помады и косяк в пакетике из-под сэндвича.

Я бесшумно проскользнула в боковую дверь и, мягко ступая, поднялась на второй этаж. Эмма с подругами была в своей комнате; девочки громко хихикали, повизгивая от восторга. Я открыла дверь без стука. Грубо, но мне невыносимо было представить, как они будут метаться, шушукаться и делать передо мной невинные лица. Подружки стояли вокруг Эммы – короткие шорты и мини-юбки, голые ножки-спички. Эмма сидела на полу и возилась с кукольным домиком, рядом тюбик суперклея, волосы собраны в некое подобие прически и обвязаны широкой голубой лентой. Я поздоровалась, девочки снова взвизгнули и заулыбались, чему-то радуясь.

– Милла, привет, – невозмутимо сказала Эмма. Пластыря на ней больше не было, но она выглядела нездоровой; было похоже, что ее лихорадит. – Мы просто играем в куклы. Ну разве не красивый у меня дом? – спросила она слащавым тоном, подражая какому-нибудь ребенку из семейного шоу пятидесятых годов.

Трудно поверить, что это та же Эмма, которая два дня назад угощала меня наркотиками, та же Эмма, которая, как говорят, подкладывает подруг под старших мальчиков, смеха ради.

– Да, Камилла, разве вам не нравится домик Эммы? – эхом отозвалась медная блондинка с хриплым голосом. Все смотрели на меня, кроме Джоудс. Она вглядывалась в кукольный дом, словно хотела уменьшиться и забраться в него.

– Эмма, тебе лучше?

– Да, намного, дорогая сестра, – хихикая, ответила она. – Тебе тоже, надеюсь.

Девочки снова затряслись от смеха. Я закрыла за собой дверь, раздраженная тем, что не понимаю, над чем они смеются.

– Возьмите с собой Джоудс! – крикнула одна из них мне вслед. Джоудс была слаба для их компании.

Я включила в ванной теплую воду, хотя было жарко – так, что даже фарфоровая ванна порозовела; раздевшись догола, я села в нее, поставив

подбородок на колени, пока вода поднималась, наползая на меня. В ванной витал запах мятного мыла и сладкий душок вагины порочной женщины. Она была красной, истертой, что было приятно. Я закрыла глаза и плюхнулась в воду, потом опустила затылок, чтобы вода залилась в уши. «Одна». Я вдруг пожалела, что не вырезала это слово, – просто удивительно, почему оно до сих пор не украшало мое тело. Выстриженный Адорой кружок на голове зазудел, покрывшись мурашками, будто предлагая себя для этой цели. Повеяло прохладой, и, открыв глаза, я увидела над собой мамино лицо в обрамлении длинных светлых волос – она стояла, склонившись над ванной.

Я резко села и прикрыла грудь руками, плеснув воды на ее розовый льняной сарафан.

– Милая моя, где ты была? Я безумно волновалась. Я бы сама поехала тебя искать, но Эмме ночью было плохо.

– Что было с Эммой?

– Где ты была вчера ночью?

– Мама, что было с Эммой?!

Она протянула руку к моему лицу – я вздрогнула. Она нахмурилась и снова протянула руку, потрепала меня по щеке, пригладила мокрые волосы. Потом убрала руку с таким ошеломленным видом, словно удивляясь, что рука стала мокрой, и опасаясь, что от этого кожа испортится.

– Мне пришлось о ней позаботиться, – сказала она просто. Мои руки покрылись гусиной кожей. – Лапушка, ты замерзла? У тебя соски затвердели.

Она молча протянула мне стакан голубоватого молока.

«Выпью – и если мне станет плохо, то буду точно знать, что я не сошла с ума, а если нет – значит я мерзкая тварь».

Пока я пила молоко, мама что-то напевала, потом провела языком по нижней губе – похотливое, почти непристойное движение.

– В детстве ты никогда не была такой послушной, – сказала она. – Вечно упрячилась. Может быть, твоя душа надломилась. В хорошем смысле. Так, как было необходимо.

Она ушла, а я еще час сидела в ванне, ожидая, что со мной что-то случится. Заурчит в животе, закружится голова, поднимется температура. Сидела, боясь шелохнуться, как в самолете, когда мне кажется, что стоит сделать резкое движение – и мы штопором полетим вниз. Ничего не происходило.

Открыв дверь в свою комнату, я увидела на кровати Эмму.

– Какая ты развратница, – сказала она, лениво скрестив руки на

грудь. – Поверить не могу, что ты трахалась с детоубийцей. Ты действительно гадкая – правильно она говорит.

– Эмма, не слушай маму. Ей нельзя доверять. И не... – (Ну что, будешь все от нее глотать? Камилла, скажи ей, что думаешь.) – Не надо на меня нападать, Эмма. Мы, ближайшие родственники, слишком легко причиняем друг другу боль.

– Камилла, ну и как он в постели? Понравился тебе? – спросила она тем же делано-сладким тоном, каким говорила со мной недавно, только теперь ее невозмутимость куда-то исчезла – сестра ерзала под одеялом, взгляд слегка ошалелый, на щеках румянец.

– Эмма, я об этом говорить с тобой не хочу.

– Несколько дней назад ты была не слишком взрослой, сестра. Разве мы больше не подруги?

– Эмма, я хочу лечь.

– Что, устала после бурной ночи? Ну, погоди – дальше все будет хуже.

Она поцеловала меня в щеку, соскользнула с постели и пошла по коридору, громко клацая по полу своими большими пластиковыми сандалиями.

Через двадцать минут меня стало рвать, крутить и выворачивать наизнанку – так, что мне казалось, что желудок не выдержит и разорвется. Я села на пол возле унитаза, прислонившись к стене, в одной перекосившейся футболке. За окном щебетали синие сойки. На первом этаже мама звала Гейлу. Прошел час, а меня все рвало, зловонной зеленоватой желчью, густой, с прожилками крови.

Я кое-как оделась и почистила зубы, стараясь быть осторожной, но стоило мне ввести щетку чуть подальше, снова начала давиться рвотными спазмами.

На веранде сидел Алан, читая большую книгу в кожаном переплете, под простым заглавием «Лошади». На подлокотнике его кресла-качалки стояла оранжевая вазочка из переливчатого стекла с куском зеленого пудинга. Алан был в голубом костюме из сирсакера^[18], на голове – панамы. Он был спокоен, как камень.

– Мама знает, что ты уезжаешь?

– Я скоро вернусь.

– В последнее время ты стала к ней добрее, Камилла, и за это я тебе благодарен. Ей теперь намного лучше. Даже ее отношения с... Эммой стали более спокойными. – Он всегда произносил имя дочери с запинкой, словно оно было не совсем приличным.

– Хорошо, Алан, я рада.

– Надеюсь, что тебе самой на душе стало легче, Камилла. Человек должен нравиться себе, это важно. И потом, хорошее отношение так же заразительно, как и плохое.

– Приятного чтения, Алан. Не отвлекайся от лошадей.

– Да-да, конечно.

По дороге в Вудберри я то и дело свешивалась из окна машины над тротуаром – меня рвало желчью с небольшой примесью крови. Три раза я останавливалась; один раз, не успев открыть дверь, испачкала ее изнутри. Отмыла старой теплой клубничной газировкой из стаканчика и водкой.

* * *

Больница Святого Жозефа в Вудберри располагалась в большом кубическом здании из золотистого кирпича с рядами янтарных тонированных окон. Мэриан называла ее «вафельным домом». Приятное место. Те, кто живет западнее, ездят лечиться в Поплар-Блафф; с северной стороны – в Кейп-Жирардо. В Вудберри попадали те, кто жил неподалеку от миссурийского кладбища.

За столом справок сидела крупная женщина с круглой, как два арбуза, грудью, всем своим видом показывая, что ее лучше не беспокоить. Я встала и стала ждать. Она делала вид, что полностью погружена в чтение. Я пошла поближе. Она продолжала читать журнал, водя пальцем по каждой строчке.

– Извините, – обратилась я раздраженно-снисходительным тоном, который был противен мне самой.

У дежурной были усы, желтые прокуренные пальцы и коричневые клыки, проглядывающие из-под верхней губы. «Лицо, которое ты показываешь людям, говорит им о том, как с тобой следует обращаться», – повторяла мне мама в детстве, когда я не хотела умываться. Видно, с этой женщиной люди обращались плохо.

– Мне надо получить на руки историю болезни.

– Оставьте заявление у вашего врача.

– Моей сестры.

– Пусть сестра напишет заявление и отдаст его своему врачу. – Она перевернула страницу.

– Моя сестра умерла.

Это можно было сказать помягче, но мне хотелось добиться от нее внимания. Впрочем, оно и теперь оставалось рассеянным.

– А, примите мои соболезнования. Она здесь умерла?

Я кивнула.

– По прибытии. Ее сюда привозили много раз для экстренного лечения, и ее лечащий врач работал здесь.

– Назовите дату смерти.

– Первое мая тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года.

– Господи. Искать придется долго. Наберитесь терпения.

Через четыре часа, после двух скандалов с равнодушными медсестрами и отчаянного флирта с небритым администратором, а также трех пробежек в ванную, где меня рвало, я наконец получила историю болезни Мэриан.

Мне шлепнули на колени несколько папок: каждый год заводили новую, и чем дальше, тем они становились толще. Я пыталась разобрать каракули врачей, но не могла понять и половины написанного. Многочисленные направления на анализы и обследования, результаты анализов и обследований – совершенно бесполезных. Томография мозга и сердца; гастроскопия, при которой в желудок через гортань вводили зонд, и рентгеноскопия, перед которой Мэриан поили противной бариевой взвесью. Мониторы сердца и апноэ. Предположительные диагнозы: диабет, шум сердца, кислотный рефлюкс, болезнь печени, легочная гипертензия, депрессия, болезнь Крона, туберкулез кожи. Потом – лист розовой линованной бумаги (сразу видно, что писала женщина), прикрепленный к отчету о недельном пребывании Мэриан в больнице для обследования желудка. Почерк аккуратный, округлый, но гневный: каждое слово написано с сильным нажимом.

Я медсестра, которая ухаживала за Мэриан Креллин во время ее пребывания в больнице на истекшей неделе, а также нескольких предыдущих пребываний. Я твердо убеждена (слово «твердо» подчеркнуто дважды), что девочка не больна. Считаю, что, если бы не ее мать, она была бы совершенно здорова. Признаки болезни проявляются у девочки после посещения матери, даже когда до ее прихода она чувствовала себя хорошо. Когда Мэриан здорова, мать не проявляет к ней интереса; похоже, она ее наказывает. Мать занимается дочерью, только когда девочка больна или плачет. Я и мои коллеги-медсестры, которые не подписывают данное заявление по политическим причинам, убеждены, что Мэриан, а также ее сестру требуется отстранить от дома для дальнейшего

наблюдения.

Беверли Ван Ламм

Справедливое негодование. А уж какое могли бы выразить мы сами! Я представила себе Беверли Ван Ламм пышногрудой дамой, с пучком на голове; вот она, вынужденно оставив обессиленную Мэриан на руках у матери, решительно сжав губы, пишет это письмо в соседнем кабинете, и едва она его допишет, как Адора позовет ее на помощь.

Через час я нашла медсестру в отделении педиатрии, которое состояло из единственной палаты с четырьмя кроватями, из которых были заняты только две. На одной лежала маленькая девочка и спокойно читала книжку, на другой спал мальчик, тело вытянуто в струнку, шея в металлической шине, которая, казалось, была вкручена прямо в позвоночник.

Беверли Ван Ламм оказалась совсем не такой, как я представляла. Лет под шестьдесят, маленькая, седые волосы коротко острижены. На ней были медицинские брюки в цветочек и ярко-голубой пиджак, за ухом ручка. Когда я представилась, она, казалось, сразу меня вспомнила и не слишком удивилась, что я пришла.

– Приятно снова вас видеть через столько лет, хоть и при печальных обстоятельствах, – сказала она теплым, глубоким голосом. – Иногда мне грезится, что сюда приходит Мэриан, взрослая – с ребенком, может и не одним. Но мечтать бывает опасно.

– Я разыскала вас, прочтя ваше письмо.

Она фыркнула, надела на ручку колпачок.

– Много же пользы оно принесло. Если бы я не была такой молодой, нервной и не трепетала бы в благоговейном страхе перед местными великими докторами, я бы не ограничилась тем заявлением. Конечно, подобные обвинения в адрес матери ребенка были почти неслыханными. Меня чуть не уволили. В это никогда не хочется верить. СМПД – это как что-то из сказок братьев Гримм.

– СМПД?

– Синдром Мюнхгаузена по доверенности. Опекающий ребенка человек, как правило мать, даже почти всегда, провоцирует у ребенка болезнь, чтобы привлечь к себе внимание. Если у вас синдром Мюнхгаузена, то вы вызываете симптомы болезни у себя. При СМПД вы доводите до болезни ребенка, чтобы показать, какая вы добрая, любящая мать. Как у братьев Гримм, понимаете? Так могла бы сделать злая колдунья. Странно, что вы об этом не слышали.

– Что-то знакомое, – сказала я.

– Эта болезнь становится все более известной. И популярной. Люди любят новое и страшное. Помню, как в восьмидесятых началась эпидемия анорексии. Чем больше о ней было фильмов, тем больше девушек морили себя голодом. Впрочем, вы всегда были молодцом. Я рада.

– Со мной, в общем-то, все нормально. У меня есть еще одна сестра, которая родилась после Мэриан. Волнуюсь за нее.

– Есть повод поволноваться. Если ваша мама страдает СМПД, быть ее любимицей несладко. Вам повезло, что она не баловала вас вниманием.

По коридору в инвалидной коляске пронесся молодой мужчина в зеленом хирургическом костюме, за ним, смеясь, бежали два толстых парня, одетые как он.

– Студенты-медики, – сказала Беверли, округлив глаза.

– Врачи приняли какие-нибудь меры после вашего заявления? Стали что-то выяснять дальше?

– Для меня это было заявление, для них – кляуза завистливой бездетной медсестры. Говорю же, другие были времена. Сейчас медсестер уважают чуть больше. Самую малость. Да и, по правде говоря, Камилла, я сама не стала продвигать это дело дальше. В то время я только развелась с мужем, не могла позволить себе уволиться, и, самое главное, мне не хотелось, чтобы это было правдой. Бывает, что человеку хочется верить в свою неправоту. Когда Мэриан умерла, я три дня пила. После похорон я попыталась об этом заикнуться, спросила заведующего отделением педиатрии, читал ли он мое заявление. Он отправил меня в недельный отпуск. Считая меня истеричкой.

У меня вдруг защипало в глазах от подступающих слез, и она взяла меня за руку:

– Мне очень жаль, Камилла.

– Господи, просто зла не хватает. – По щекам катились слезы, я несколько раз смахнула их рукой, потом Беверли дала мне пачку бумажных платков. – Возмутительно, что это случилось. И то, что я так долго не могла понять причину.

– Ну, милая, это же ваша мать. Мне трудно себе представить, каково все это осознать. Но теперь, похоже, правосудие будет соблюдено. Следовательно давно ведет это дело?

– Следовательно?

– Уиллис, кажется? Красивый парень и внимательный. Сделал копии всех страниц истории болезни Мэриан и так скрупулезно меня опрашивал, что я чуть мозоль на языке не натерла. Но ничего не говорил о другой девочке. Сказал, что вы живы-здоровы. Мне кажется, он к вам

неравнодушен, – когда я упомянула ваше имя, он так застеснялся, заерзал.

Я перестала плакать, скомкала платки и бросила в мусорную корзину у кровати девочки с книгой. Она заглянула в нее с таким любопытством, как будто там было письмо. Поблагодарив Беверли, я направилась к выходу, чувствуя, что схожу с ума, и мечтая вдохнуть свежего воздуха.

Беверли догнала меня у лифта. Взяв меня за руки, сказала: «Камилла, увезите сестру из дома. Ей там оставаться опасно».

* * *

Между Вудберри и Уинд-Гапом, на пятом повороте с главной дороги, есть бар для мотоциклистов, где продают упаковки пива, не требуя документов для подтверждения возраста. Я много раз там бывала, когда училась в старших классах. Рядом с мишенью для метания дротиков есть платный телефон. Я запаслась пригоршней монет и позвонила Карри. Ответила Эйлин – голос, как всегда, мягкий и спокойный, как море в штиль. Едва назвав свое имя, я начала рыдать.

– Камилла, голубушка, что с тобой? Ты в порядке? Конечно нет, извини. Говорила же я Фрэнку, чтобы он забрал тебя оттуда после твоего последнего звонка. Что случилось?

Я продолжала рыдать, не в силах собраться с мыслями. Рядом глухо стукнул дротик, вонзившийся в мишень.

– Ты, случайно, не... ранишь себя снова? Камилла! Голубушка, ты меня пугаешь.

– Мама... – выдавила я и снова разревелась, судорожно глотая воздух. Рыдания были такими глубокими, как будто исходили из живота, и я почти согнулась пополам.

– Мама? С ней все нормально?

– Н-е-е-е-ет! – провыла я, как ребенок.

Эйлин, прикрыв трубку рукой, громким, настойчивым шепотом позвала мужа по имени, потом сказала: «Что-то случилось... страшное». Недолгое молчание, звон разбитого стекла. Видимо, Карри слишком торопливо выскочил из-за стола, опрокинув на пол бокал с виски.

– Камилла, скажи, что случилось? – заговорил он хрипло и резко, словно трясая меня за плечи.

– Карри, я знаю, кто это сделал, – сдавленно сказала я. – Знаю.

– Ну, детка, это не повод для слез. Преступник арестован?

– Нет еще. Я знаю, кто это сделал.

Стук дротика, попавшего в мишень.

– Кто? Камилла, скажи.

Я прижала трубку ко рту и прошептала:

– Моя мама.

– Кто? Камилла, говори погромче. Ты в баре?

– Это сделала моя мама! – провизжала я. Слова брызнули из меня, как искры.

В трубке затянувшееся молчание.

– Камилла, ты сейчас в расстроенных чувствах. Я сделал грубую ошибку, отправив тебя туда так скоро после... Поезжай в ближайший аэропорт и лети сюда. Одежду не бери, оставляй машину там и лети домой. Скажешь потом, сколько стоил билет, я верну тебе деньги. Тебе надо срочно вернуться домой.

– Домой, домой, домой, – повторял он, словно пытаюсь внушить мне это под гипнозом.

– У меня никогда не будет дома, – всхлипнула я и зарыдала снова. – Пойду об этом позабочусь, Карри.

Пока он уговаривал меня этого не делать, я повесила трубку.

* * *

Ричард сидел в ресторане «Гриттис». Несмотря на поздний час, он ужинал, просматривая вырезки из филадельфийской газеты – статьи о том, как Натали напала на девочку с ножницами. Я села за стол напротив него, он неохотно мне кивнул, посмотрел на жирную сырную запеканку в своей тарелке, потом поднял глаза и взгляделся в мое распухшее лицо.

– Ты в порядке?

– Я думаю, что моя мама убила Мэриан, а также Энн и Натали. И я знаю, что ты тоже так думаешь. Я только что приехала из Вудберри... Сволочь!

Горечь переросла в ярость между пятым и вторым съездом с главной дороги.

– Поверить не могу, что, заигрывая со мной, ты просто пытался получить сведения о моей матери. Какой же ты мерзавец! – запинаясь, проговорила я, дрожа крупной дрожью.

Ричард достал из бумажника десятидолларовую купюру, положил ее под тарелку, подошел ко мне и взял меня за локоть.

– Пойдем отсюда, Камилла. Здесь не место.

Поддерживая под руку, он вывел меня из двери и посадил в свою машину на переднее пассажирское сиденье.

Он молча вел машину вдоль отвесного берега, поднимая руку всякий раз, когда я пыталась что-то сказать. В конце концов я отвернулась от него и стала смотреть в окно на проносящийся мимо иссиня-зеленый лес.

Мы остановились на берегу, в том же месте, где несколько недель назад смотрели на реку. Сейчас она бурлила во тьме, и на ее поверхности клочками мелькало отражение луны, появляясь то здесь, то там, точно жучок, пробирающийся сквозь осеннюю листву.

– Теперь мой черед для избитых оправданий, – сказал Ричард, стоя ко мне в профиль. – Да, сначала ты меня интересовала как дочь Адоры. Но я тобой увлекся искренне. Так, насколько только можно увлечься таким скрытным человеком, как ты. Конечно, я понимаю почему. Сначала я хотел взять у тебя показания, но не знал, насколько близки твои отношения с матерью, и не хотел ее испугнуть. Камилла, у меня не было уверенности. Требовалось время, чтобы лучше ее узнать. Это было только подозрение. Не более. Слышал там и сям сплетни о тебе, о Мэриан, об Эмме и о вашей маме. Также правда, что женщина под профиль серийного убийцы детей не подходит. Но потом я стал видеть это иначе.

– Как? – глухим голосом спросила я.

– Благодаря тому мальчику, Джеймсу Кэписи. Я несколько раз приходил к нему одетым как та самая сказочная ведьма. Как не вспомнить Беверли и ее слова о сказках братьев Гримм. Я все же сомневаюсь, что он действительно видел твою маму. Скорее, он что-то запомнил, и от бессознательного страха ему привиделась ведьма. Я стал думать: какая женщина могла убить девочек и забрать у них зубы? Властной – ей была нужна полная власть. С извращенным инстинктом воспитания. Перед убийством за Энн и Натали... поухаживали. Родители заметили у обеих убитых девочек нечто им несвойственное. У Натали были покрашены ногти ярко-розовым лаком. У Энн были побриты ноги. У обеих на губах остались следы помады.

– А как насчет зубов?

– Для девочки улыбка – самое сильное оружие, – сказал Ричард и наконец повернулся ко мне. – А для Энн и Натали зубы были настоящим оружием. Когда ты сказала, что они кусались, я стал видеть вещи по-новому. Убийца – женщина, которая ненавидит в других женщинах силу, считая ее грубой. Она попыталась заботиться о девочках, проявить над ними власть, сделать такими, как хотелось ей. Когда они стали отказываться и сопротивляться, она пришла в ярость и захотела их убить.

Удушение и есть высшее проявление власти. Это относительно медленное убийство. Как-то раз у себя в кабинете я рисовал профиль убийцы, потом закрыл глаза и увидел лицо твоей матери. Внезапный приступ ярости, ее внимание к девочкам, к тому же алиби у нее нет ни на одну ночь убийств. Подозрение Беверли Ван Ламм в том, что Адора убила Мэриан, – это еще одно свидетельство. Но нам еще предстоит эксгумировать Мэриан, чтобы увидеть, подтвердится ли оно. Например, обнаружатся ли следы яда.

– Не надо ее трогать.

– Придется, Камилла. Ты сама понимаешь, что это не обходимо. Мы будем обращаться с ней очень бережно.

Он положил руку мне на бедро. Не на руку, не на плечо, а на бедро.

– Был ли Джон действительно под подозрением?

Он убрал руку.

– Его имя у всех на устах, с самого начала. Викери только о нем и говорит. Решил, что Натали была буйной, – значит, вероятно, и Джон такой же. К тому же он приезжий, и ты знаешь, что каждый приезжий внушает подозрение.

– У тебя есть доказательства вины моей матери, Ричард? Или это остается подозрением?

– Завтра мы получим ордер на обыск ее дома. Может быть, зубы найдем. Говорю тебе это только по дружбе. Из уважения и доверия к тебе.

– Хорошо, – сказала я. На колене зажглось: «слабость». – Мне надо увезти оттуда Эмму.

– Сегодня ничего не произойдет. Возвращайся домой и поужинай, как обычно. Веди себя как можно естественнее. Завтра возьму у тебя показания, они помогут следствию.

– Она морит нас с Эммой. Травит нас лекарствами; похоже, какими-то ядами, – меня снова затошнило.

– Камилла, почему ты ничего не сказала мне об этом раньше? Тебе бы сделали анализы. Это же ценное свидетельство! Черт.

– Спасибо за заботу, Ричард.

– Тебе когда-нибудь говорили, что ты не в меру чувствительна?

– Да, и не раз.

* * *

Гейла стояла у двери, как призрак на страже нашего дома на вершине холма. Потом она мгновенно исчезла, и, пока я ставила машину под навес,

в столовой зажегся свет.

Ветчина. Я почувствовала ее запах еще из коридора. С листовой капустой и кукурузой. Все сидели за столом, как актеры на сцене театра. Сцена первая: ужин. Во главе стола восседает мама, по бокам от нее – Алан и Эмма, напротив приготовлен прибор для меня. Гейла выдвинула стул, тоже для меня, и ушла на кухню, шурша своим медицинским халатом. Мне стало не по себе – за последнее время я видела слишком много медсестер. Внизу, как всегда, шумела стиральная машина.

– Привет, моя дорогая, как прошел день? – слишком громко спросила меня мама, перекикивая шум. – Садись, мы тебя ждем. Хотели поужинать всей семьей, ведь скоро ты уезжаешь.

– Скоро? Почему?

– Твоего дружка вот-вот арестуют, дорогая. Только не говори, что я знаю больше, чем репортер. – Она посмотрела на Алана, затем на Эмму, улыбаясь, как любезная хозяйка, подающая аперитив. Потом позвонила в колокольчик, и вошла Гейла, неся на серебряном подносе дрожащий, как студень, кусок ветчины, украшенный кусочком ананаса, сползающим набок.

– Порезь сама, Адора, – сказал Алан в ответ на ее удивленно поднятые брови.

Мамины светлые волосы заколыхались над столом, когда она склонилось с ножом над блюдом. Отрезав несколько ломтей толщиной с палец, она пустила блюдо по кругу. Когда Эмма предложила мне ветчины, я покачала головой и передала блюдо Алану.

– Значит, ветчину ты так и не ешь, – пробормотала мама. – Все никак не перерастешь это ребячество, Камилла.

– Если нелюбовь к ветчине считать ребячеством, значит нет.

– Как ты думаешь, казнят ли Джона? – спросила меня Эмма. – Отправят ли твоего голубка в камеру смертников?

Мама нарядила ее в белый сарафан с розовыми лентами и заплела ей волосы в две тугие косы. От нее исходила злость, точно зловоние.

– Смертная казнь в Миссури есть, и, конечно, за эти убийства должны казнить, если считать, что казнить человека вообще допустимо.

– А как казнят, на электрическом стуле? – поинтересовалась Эмма.

– Нет, – ответил Алан. – Давай-ка лучше ешь.

– Делают смертельную инъекцию, – прошептала мама. – Преступника усыпляют, как кошку.

Я представила, как мама лежит на каталке, пристегнутая ремнями, и любезничает с врачом, пока он не ввел ей иглу. Смерть от яда – это как раз

для нее.

– Камилла, если бы ты могла стать любым сказочным персонажем, то кем бы ты стала?

– Спящей красавицей.

Вот было бы чудесно прожить всю жизнь в сладких снах.

– А я бы хотела быть Персефоной.

– Я не знаю, кто это, – призналась я.

Гейла положила мне в тарелку капусты и свежей кукурузы. Я стала есть через силу, по зернышку – каждое жевательное движение вызывало у меня рвотный спазм.

– Это владычица мертвых, – сияя, пояснила Эмма. – Она была очень красивой. Ее похитил Аид, он увел ее в подземное царство и сделал своей женой. Ее мать рассердилась и заставила Аида вернуть дочь. Но Персефона будет с ней только шесть месяцев в году. С тех пор она проводит половину жизни с мертвыми и половину с живыми.

– Эмма, и чем тебя привлекает этот жуткий персонаж? – спросил Алан. – Иногда ты меня пугаешь.

– Мне Персефону жаль. Когда она возвращается к живым, люди ее боятся, зная о том, откуда она пришла, – пояснила Эмма. – И даже с матерью она не может быть счастлива, потому что ей придется вернуться в подземное царство. – Эмма улыбнулась Адоре, затолкала в рот большой кусок ветчины и довольно захихикала.

– Гейла, мне нужен сахар! – закричала Эмма в сторону кухни.

– Эмма, позвони в колокольчик, – посоветовала мать. Она тоже не ела.

Гейла принесла сахар и щедро посыпала ветчину и лом тики помидоров на тарелке Эммы.

– Я хочу сама, – проныла Эмма.

– Пусть Гейла посыплет, – сказала мама. – Ты меры не знаешь.

– Камилла, а ты будешь грустить, когда Джон умрет? – спросила Эмма, обсасывая кусок ветчины. – Ты больше бы грустила по Джону или по мне, если бы я умерла?

– Я ничьей смерти не желаю, – ответила я. – По-моему, в Уинд-Гапе ее уже и так было предостаточно.

– Правильно-правильно! – поддержал меня Алан. Как-то слишком весело.

– Некоторые люди должны умереть. Например, Джон, – продолжила Эмма. – Даже если он не виновен, все равно пусть лучше умрет – и так убивается по сестре.

– Следуя твоей логике, я тоже должна умереть, потому что у меня

умерла сестра и я по ней горюю, – сказала я и прожевала еще одно кукурузное зернышко. Эмма в задумчивости посмотрела на меня.

– Возможно. Но ты мне нравишься, поэтому надеюсь, что нет. А ты как думаешь? – обратилась она к Адоре.

Я заметила, что, обращаясь к ней, она никак ее не называла – ни мамой, ни даже Адорой. Как будто не знала, как ее зовут, но старалась не подавать вида.

– Мэриан умерла очень, очень давно, и я думаю, может, лучше бы и мы ушли вслед за ней, – устало сказала мама. Потом добавила бодро: – Но мы живы, и слава богу.

Она позвонила в колокольчик, пришла Гейла и стала собирать тарелки, обходя стол с усталым видом старой волчицы.

На десерт был кроваво-оранжевый шербет. Потом мама незаметно исчезла из-за стола, вернулась из буфетной с двумя узкими хрустальными бокалами и розовыми влажными глазами. У меня скрутило живот.

– Мы с Камиллой выпьем в моей спальне, – сказала она дочери и мужу, поправляя волосы перед зеркалом в серванте. Она к этому подготовилась – догадалась я, – уже надела ночную рубашку. И я пошла за ней, покорно, как когда-то в детстве.

Вот я вхожу в ее спальню, о чем так давно мечтала. На огромной кровати гора подушек, на стене большое встроенное зеркало. И знаменитый пол из слоновой кости, от которого вся комната сияет, как заснеженная поляна, залитая лунным светом. Мама сбросила подушки на пол, откинула одеяло и жестом пригласила меня в постель, потом села со мной рядом. После смерти Мэриан она столько месяцев жила в этой спальне взаперти, никогда не впуская меня, я и мечтать не смела, что когда-нибудь буду лежать здесь с мамой. Но вот я здесь, мечта сбылась, с опозданием на пятнадцать с лишним лет.

Она провела пальцами по моим волосам и дала бокал. Напиток пах печеным яблоком.

– Когда я была маленькой, мать однажды отвела меня в Северный лес и бросила там одну, – сказала Адора. – Она не казалась ни рассерженной, ни грустной. Скорее равнодушной. Похоже, просто скучала. Она ничего мне не объяснила. Вообще ни слова не сказала, только велела сесть в машину. Я была босой. Когда мы приехали в лес, она взяла меня за руку и очень уверенно повела сначала по тропинке, потом по траве, потом отпустила меня и сказала, чтобы дальше я за ней не шла. Мне было восемь лет, совсем еще кроха. Я вернулась домой, стерев себе ноги в кровь, а она только взглянула на меня, оторвавшись от вечерней газеты, и ушла к себе.

В эту спальню.

– Почему ты мне об этом рассказываешь?

– Когда ребенок с малых лет узнает, что матери он безразличен, это приводит к беде.

– Поверь, знаю это по себе, – ответила я. Она все гладила мне волосы, теребя одним пальцем выстриженный кружок.

– Я хотела тебя любить, Камилла. Но ты была неподатливой. Вот с Мэриан мне было легко.

– Довольно, мама.

– Нет. Позволь мне позаботиться о тебе, Камилла. Хочу быть нужной, всего лишь разок.

«Пусть настанет конец. Пусть всему этому настанет конец».

– Ладно, давай, – сказала я и залпом осушила бокал. Потом сняла ее руки со своей головы и мысленно приказала себе успокоиться.

– Мама, ты всегда была мне нужна. По-настоящему. А ты делала так, чтобы я нуждалась в тебе моментами, когда тебе этого хотелось самой. И я не могу простить тебе того, что ты сделала с Мэриан. Она была маленькой.

– Она навсегда останется *моей* маленькой, – сказала мать.

Глава шестнадцатая

Я заснула в духоте, при выключенном вентиляторе. Проснулась мокрой от пота и мочи. Зубы отбивали дробь, сердце стучало в ушах. Меня сразу вырвало, едва я успела схватить мусорное ведро у кровати. Горячая жидкость, в которой плавали четыре зернышка кукурузы.

Не успела я лечь в кровать, как в комнате появилась мама. Наверное, сидела в кресле в коридоре рядом с фотографией Мэриан, штопая носки. Ждала, пока мне не станет плохо.

– Пойдем, моя маленькая, в ванную, – прошептала она.

Она сняла с меня пижаму, скользнула взглядом по шее, груди, бедрам и ногам.

Когда я с маминой помощью залезла в ванну, меня снова стошнило. Теперь горячая жидкость, окатив меня, полилась в ванну. Адора схватила с вешалки полотенце, налила на него спирта и протерла меня, быстро и деловито, словно мыла окно. Я сидела в ванне, и мама лила мне на голову холодную воду, чтобы сбить температуру. Дала мне две таблетки и стакан голубоватого молока. Я все это выпила с таким же горьким чувством мщения, которое бушевало во мне во время двухдневных запоев. «Я еще не слегла. Давай продолжай, что у тебя там еще есть?» Теперь я хотела быть ее жертвой. Вернуть Мэриан то, что я ей должна.

Меня снова рвет в ванну – мама сливает воду, наливает и сливает опять. Кладет пузырь со льдом мне на плечи, другой между ног, горячую грелку прикладывает мне ко лбу, другую – к коленям. Раскрывает пинцетом рану на лодыжке, льет на нее спирт. Вода мгновенно розовеет.

«Исчезни, исчезни, исчезни», – умоляюще стонет моя шея.

Все ресницы у Адоры выщипаны, из левого глаза текут слезы, она постоянно облизывает верхнюю губу. Прежде чем потерять сознание, я подумала: «Она лечит меня, хлопчет в поте лица. Приятно. Больше никто не стал бы так обо мне заботиться. Мэриан... Завидую Мэриан».

* * *

Я очнулась в ванне, наполовину наполненной чуть теплой водой, слыша крики. Покачиваясь от слабости, я вылезла из ванны – от меня шел пар, завернулась в тонкий хлопчатобумажный халат – в ушах звенели

пронзительные крики мамы – и открыла дверь как раз в тот момент, когда в дом ворвался Ричард.

– Камилла, ты в порядке?

Воздух за его спиной рассек исступленный вопль Адоры.

И тут его рот открылся от изумления. Он повернул мне голову набок, посмотрел на испещренную шрамами шею. Раскрыл мой халат и вздрогнул.

– Господи боже... – Он нервно затрясся, от страха и смеха одновременно.

– Что это с мамой?

– Что это с тобой? Ты режешься?

– Я вырезаю слова, – пробормотала я, как будто это в корне меняло дело.

– Я вижу, что слова.

– Почему мама кричит? – Голова закружилась, и я резко села на пол.

– Камилла, ты нездорова?

Я кивнула.

– Нашли у нее что-нибудь?

Мимо моей комнаты пробежал Викери, за ним несколько офицеров. Через пару секунд, покачиваясь, прошла мама. Обхватив голову руками, она кричала, чтобы они убирались вон, чтобы имели уважение и что они очень пожалеют.

– Еще нет. Насколько ты больна?

Он потрогал мне лоб, завязал пояс моего халата, избегая смотреть мне в лицо.

Я пожала плечами, как обиженный ребенок.

– Все должны покинуть дом, Камилла. Одевайся, поедem к врачу.

– Да, тебе ведь нужно доказательство. Надеюсь, во мне еще осталось достаточно яда.

* * *

К вечеру из маминого ящика с нижним бельем были извлечены:

Восемь флаконов лекарства от малярии с заграничными этикетками – большие голубые таблетки, запрещенные к продаже, потому что часто вызывали такие побочные эффекты, как повышение температуры тела и затуманенное зрение. Токсикологический анализ показал наличие следов этого лекарства в моей крови.

Семьдесят две таблетки слабительного средства промышленной

категории, которое главным образом давали скоту для опорожнения кишечника. Следы этого средства были обнаружены у меня в крови.

Три дюжины спазмолитических таблеток, злоупотребление которыми может вызывать головокружение и тошноту. Следы их также были обнаружены у меня в крови.

Три бутылки сиропа ипекакуаны, используемого как рвотное средство в случаях отравления. И ее следы были обнаружены у меня в крови.

Сто шестьдесят одна таблетка транквилизаторов для лошадей. Их следы тоже у меня обнаружили.

Аптечка с несколькими дюжинами разных таблеток, пузырьков и шприцев, которыми Адора никогда не пользовалась. В нормальных целях.

* * *

Из маминой шляпной коробки была извлечена тетрадь в цветочек – ее дневник (он-то и будет предъявлен в суд с исковым заявлением в качестве подтверждающего документа). В нем обнаружены следующие записи:

14 сентября 1982 г.

Сегодня я решила перестать печься о Камилле и все внимание уделить Мэриан. Камилла так и не стала хорошим пациентом: в больном состоянии она только раздражается, злится, даже не дает к себе прикоснуться. Это что-то неслыханное. Она такая же злобная, как Джойя. Ненавижу ее. Мэриан такая куколка, когда болеет, – просто обожает меня и все время хочет, чтобы я была с ней. Я люблю вытирать ее слезы.

emr1

23 марта 1985 г.

Снова пришлось отвезти Мэриан в Вудберри: «с утра рвота и затрудненное дыхание». Я была в желтом костюме от St. John, но все-таки мне в нем было некомфортно – боюсь, когда я в нем, мои волосы кажутся бесцветными. Или я вся желтая, как ходячий ананас! Доктор Джеймсон мне понравился: искусный, добрый, заботлив к Мэриан, но куда не надо, не суется. По-моему, он от меня в восторге. Сказал: «Вы ангел, каждому бы ребенку такую мать». Мы немного пофлиртовали, хотя оба носим обручальные кольца. Но медсестры докучливы. Вероятно, ревнуют. Жду не дождусь, когда поедem туда опять (возможно, предстоит

операция!). Пожалуй, попрошу Гейлу испечь сладких пирожков. Медсестры любят, когда им приносят угощение к чаю. Может, перевязать банку зеленой лентой с большим бантом? Надо будет сходить в парикмахерскую, прежде чем снова возникнет необходимость ехать в Вудберри. Надеюсь, что доктор Джеймсон (Рик) будет в отделении...

emr1

10 мая 1988 г.

Мэриан умерла. Я не могла остановиться. Сбросила пять килограммов – исхудала до костей. Все невероятно добры. Люди бывают такими милыми.

Самая главная улика была найдена под подушкой парчового дивана в комнате Адоры: грязные клещи, маленькие и подходящие для женской руки. ДНК-экспертиза установила соответствие следов крови на инструменте и крови Энн и Натали.

Зубов в мамином доме не нашли. В последующие недели я представляла себе, как они могли исчезнуть: вот едет голубой кабриолет, как всегда с поднятым верхом, из окна высовывается женская рука – зубы россыпью падают в придорожные заросли, неподалеку от дороги, ведущей к Северному лесу. Вдоль реки Фолз шлепают по грязи ноги в изящных тапочках – зубы, как камешки, падают в воду. Среди розовых кустов в саду Адоры мелькает розовая ночная рубашка; руки разгребают землю – зубы похоронены, как маленькие косточки.

Но зубы не были найдены ни в одном из этих мест. Полиция их обыскала.

Глава семнадцатая

Двадцать восьмого мая Адора Креллин была арестована по подозрению в убийстве Энн Нэш, Натали Кин и Мэриан Креллин. Алан немедленно заплатил залог, чтобы она до суда жила дома, в привычных комфортных условиях. Учитывая сложившуюся ситуацию, суд предоставил опеку над Эммой мне. Через два дня я вместе с Эммой поехала на север, в Чикаго.

* * *

Эмма меня измучила. Ее то и дело охватывал страх, и ей постоянно чего-то не хватало. Она взяла в привычку метаться по квартире, как дикая кошка в клетке, расстреливая меня сердитыми вопросами: «Почему здесь так шумно?», «Как можно жить в такой маленькой квартире?», «Не опасно ли на улице?». Она также требовала от меня заверений в любви. Теперь, когда она больше не была прикована к постели по нескольку раз в месяц, ей нужно было сжечь лишнюю энергию.

В августе она страстно увлеклась женщинами-убийцами, такими как Лукреция Борджа, Лиззи Борден, а так же одна дама из Флориды, утопившая трех своих дочерей после нервного срыва. «Я думаю, это выдающиеся женщины», – с вызовом сказала Эмма. «Пытается оправдать свою мать», – пояснила мне врач. Я водила к ней Эмму два раза, а когда хотела показать ее доктору в третий раз, Эмма буквально легла на пол и завопила. Зато она целыми днями напролет занималась миниатюрным домом Адоры. «Так она по-своему справляется с теми ужасами, которые там творились», – сказала мне врач по телефону. «Тогда бы уж она, скорее всего, разломала его», – ответила я. Эмма дала мне пощечину, когда я ей принесла голубое покрывало для кровати Адоры не того оттенка. Она плюнула на пол, когда я отказалась кушать игрушечный диван из орехового дерева за 60 долларов. Я пыталась применить абсурдную «обнимательную терапию», то есть прижимать Эмму к себе, повторяя: «Я люблю тебя», пока она пыталась вывернуться. Четыре раза ей это удавалось, она обозвала меня сукой и ушла к себе, хлопнув дверью. В пятый раз мы обе рассмеялись.

* * *

Алан выделил деньги на учебу дочери, и я записала Эмму в школу Белл, всего в девяти кварталах, – двадцать две тысячи долларов в год, не считая расходов на книги и школьные принадлежности. Она быстро завела себе подруг, небольшую компанию хорошеньких девочек, которых научила томиться по всему, что связано с Миссури. Одна из ее подружек, Лили Берк, мне очень понравилась. Лили была так же умна, как Эмма, но более жизнерадостна. У нее было лицо в веснушках, крупные передние зубы и шоколадные волосы – точно такого же оттенка, как ковер в бывшей моей комнате, заметила Эмма. В общем, симпатичная девочка.

Она стала нашим постоянным гостем: помогала мне готовить обед, задавала вопросы по домашнему заданию, рассказывала истории про мальчиков. Эмма с каждым разом встречала ее все спокойнее. В октябре, когда к нам приходила Лили, она закрывалась в своей комнате, демонстративно хлопнув дверью.

* * *

Однажды ночью я проснулась и увидела Эмму, которая стояла перед моей кроватью.

– Ты больше любишь Лили, чем меня, – прошептала она.

Эмма была горячей, мокрая от пота рубашка прилипла к телу, зубы стучали. Я отвела ее в ванную, посадила на унитаз, намочила махровую салфетку прохладной водой, пахнущей металлом, протерла ей лицо. Мы посмотрели друг на друга. Серовато-голубые глаза, в точности как у Адоры. Водянистые. Как зимний пруд.

Я высыпала в ладонь две таблетки аспирина, положила их обратно в пузырек, потом достала опять. Две или одну? Дать их так легко, но не захочу ли я потом поить и поить ее лекарствами? Лечить больного ребенка... Она смотрела на меня, дрожа, и я чувствовала незримое присутствие матери.

Я дала Эмме две таблетки аспирина. От их кислого запаха мой рот наполнился слюной. Я выбросила остальные в сливное отверстие раковины.

– Теперь ты должна положить меня в ванну и помыть, – ноющим голосом потребовала она.

Я сняла с нее ночную рубашку. Ее нагота меня ошеломила: тонкие, как у маленькой, ножки, на бедре круглый рваный шрам, как половина бутылочной крышки, легкий пушок между ног, полная, соблазнительная грудь. Тринадцать лет.

Она села в ванну, уперев колени в подбородок.

– Протри меня спиртом, – прохныкала она.

– Нет, Эмма, просто расслабься.

Эмма покраснела и заплакала.

– Она так делает, – прошептала она. Плач перерос в рыдание, потом в заунывный вой.

– Мы не будем делать как она, – сказала я.

* * *

Двенадцатого октября Лили Берк исчезла по дороге домой из школы. Через четыре часа ее тело нашли возле мусорного контейнера, прислоненным к стене, в трех кварталах от нашего дома. У нее не было шести зубов: двух крупных резцов и четырех нижних.

Я позвонила в полицейский участок Уинд-Гапа и двенадцать минут ждала на линии, пока мне не сказали, что мама дома.

* * *

Я нашла их первой. Полиция тоже их обнаружила, но после меня. Я лихорадочно металась по квартире, переворачивая диванные подушки, перерывая ящики в шкафах. Эмма бегала за мной, как злая собачонка. «Эмма, что ты наделала?!» Когда я дошла до ее комнаты, она успокоилась. Стояла с горделивым видом. Я перебрала ее трусики, вытряхнула «сундучок желаний», перевернула матрас. В столе я нашла только карандаши, наклейки и стаканчик с едким запахом отбеливателя. Я выкинула из кукольного домика всю мебель, просматривая комнату за комнатой: разломала свою миниатюрную кровать с пологом, тахту Эммы, лимонно-желтый диван. И когда я выкинула из маминой комнаты большой медный полог и сломала туалетный столик, раздался вопль. Кричала Эмма, либо я сама, а может, мы обе. Пол в маминой комнате. Красивая плитка из слоновой кости. В домике Эммы они были сделаны из человеческих зубов. Пятьдесят шесть маленьких зубов, вычищенных и добела отмытых

отбеливателем, сияли на полу.

* * *

В Уинд-Гапе у Эммы были сообщницы. В обмен на более мягкое наказание, лечение в психиатрической больнице, три блондинки признались в том, что помогали Эмме убить Энн и Натали. Они подъехали к дому Энн на гольф-мобиле Адоры и уговорили ее поехать покататься. «Моя мама хочет с тобой поговорить», – сказала ей Эмма.

Девочки поехали в Северный лес, пообещав устроить что-то наподобие пикника. Они накрасили Энн, немного поиграли с ней и через несколько часов заскучили. Тогда они повели Энн к реке. Почуввав неладное, Энн бросилась бежать, но Эмма догнала ее, схватила и ударила камнем. Энн ее укусила. След от укуса в форме зубчатого полумесяца остался у Эммы на бедре – я его видела, но не поняла, откуда он взялся.

Пока подруги держали Энн, Эмма задушила ее бельевой веревкой, которую украла в сарае у соседей. Далее они час успокаивали плачущую Джоудс, и потом Эмма выдирала зубы, на что ушел еще один час. Джоудс все плакала и плакала. Потом они вчетвером отнесли тело к воде и утопили, поехали к Келси домой, помылись в фургоне и стали смотреть фильм. Они не помнили какой – все говорили разное. Но все вспомнили, что ели дыню и пили белое вино из бутылки из-под «спрайта» – на тот случай, если заглянет мама Келси.

История Джеймса Кэписи про страшную женщину была невыдуманной. Эмма тайком взяла у мамы чистую простыню, завязала ее наподобие греческого платья, убрала волосы наверх и напудрилась добела. Она была Артемидой, кровожадной богиней-охотницей. Увидев ее, Натали опешила, но Эмма ей шепнула: «Это игра. Пойдем поиграем вместе». Она привела Натали через лес к дому Келси, в тот же фургон во дворе, где подруги продержали ее полных сорок восемь часов. Там они ухаживали за ней, побрили ноги, нарядили и по очереди кормили. Между тем девочка возмущалась все громче, требуя отпустить ее домой. Четырнадцатого числа, когда было немного за полночь, Эмма задушила Натали, пока подруги ее держали. Как и в первый раз, Эмма выдрала зубы сама. Оказывается, вырвать детские зубы не так уж трудно, если хорошо нажимать на клещи. И если вам все равно, как они будут выглядеть потом. Мозаика на полу в домике Эммы была сложена из неровных, поломанных зубов, отчасти из осколков.

В четыре утра девочки поехали на гольф-мобиле Адоры на обратную сторону Главной улицы. Проем между скобяной лавкой и салоном красоты был узким, но Эмма и Келси смогли пронести через него тело Энн, за руки и ноги, и, оставив на другой стороне в сидячем положении, стали ждать, пока его найдут. Джоудс снова плакала. Позднее девочки задумались, не стоит ли ее убить, боясь, что она их выдаст. Они уже начали к этому готовиться, когда арестовали Адору.

Эмма сама убила Лили: ударила в затылок камнем, задушила голыми руками, выдрала шесть зубов и обрезала ей волосы. Все это она сделала в переулке за мусорным контейнером, возле которого оставила ее бездыханное тело. Камень, клещи и ножницы она принесла утром с собой в школу, в ярко-розовом рюкзаке, который я ей купила.

Шоколадные волосы Лили Берк Эмма вплела в ковер для моей комнаты кукольного дома.

Эпилог

Адора была признана виновной в убийстве первой степени за то, что она сделала с Мэриан. Ее адвокат готовит апелляцию, которую группа поддержки Адоры с энтузиазмом публикует на сайте freeadora.org. Алан запер дом в Уинд-Гапе и снял квартиру неподалеку от ее тюрьмы в Вандалии, штат Миссури. Он пишет ей письма в те дни, когда не может ее навестить.

Скоро было выпущено несколько дешевых книг о нашей семейке убийц; издательства завалили меня предложениями написать свою. Карри стал уговаривать меня принять одно предложение, но быстро отступил. Тем лучше для него. Джон написал мне доброе, исполненное боли письмо. Он подозревал Эмму с самого начала и переехал к Мередит отчасти для того, чтобы следить за Эммой. Что объясняло тот разговор у бассейна, который я подслушала. Эмма потешалась над его горем. Причиняла ему боль, заигрывая с ним. Через близость – как мама, когда вставляла мне в раны щипцы. Другого своего любовника из Уинд-Гапа, Ричарда, я больше никогда не видела и не слышала. Что неудивительно, если вспомнить, как он посмотрел на мое обезображенное тело.

Эмма будет сидеть в тюрьме до достижения восемнадцати лет; вполне вероятно, и дольше. Посетители к ней допускаются два раза в месяц. Один раз я к ней пришла. Мы сидели на веселой игровой площадке, обнесенной колючей проволокой. Малолетние преступницы в тюремной форме, брюках и футболках, висели на турниках и гимнастических кольцах под зорким оком толстых крикливых надзирательниц. Три девочки катались с горки. Горка была покоробленной, и они то и дело останавливались; чтобы продвинуться дальше, приходилось делать рывок. Но это, по всей видимости, не очень им мешало, потому что, скатившись, они опять поднимались по лестнице и съезжали вниз. И так все время – молча, пока я там была.

Эмме остригли волосы почти под самый корень. Вероятно, она хотела выглядеть суровее, но стрижка, напротив, придала ей загадочный вид, сделав похожей на эльфа. Я взяла ее за руку, влажную от пота, она ее тут же выдернула.

Перед нашей встречей я обещала себе не допрашивать ее об убийствах, чтобы беседа вышла как можно более непринужденной. Но вопросы посыпались из меня почти сразу. Зачем вырвала зубы? Почему

именно эти девочки, такие умные и интересные? Чем они могли ей досадить? Как она вообще могла это сделать? Последний вопрос получился менторским, словно я отчитывала ее за то, что она устроила вечеринку, пока меня не было дома.

Эмма с горечью посмотрела на трех девочек на горке и сказала, что всех здесь ненавидит – все девчонки чокнутые или глупые. И что терпеть не может стирать, ей противно трогать чужую грязную одежду. Потом замолчала, и я подумала, что она проигнорирует мои вопросы.

«Я дружила с ними некоторое время, – наконец сказала она себе под нос, низко опустив голову. – Мы вместе веселились, носились по лесу как шальные. И вместе разбойничали. Как-то раз убили кошку. А потом она (как всегда, мать осталась безымянной) заинтересовалась ими. Для меня самой больше не оставалось ничего. Я больше не могла дружить с ними втайне. Они все время приходили к нам домой. И стали расспрашивать меня о моих болезнях. Они чуть было не загубили дело, а она этого даже не поняла. – Эмма с силой потерла остриженный затылок. – И почему Энн укусила... ее? Почему ей можно было ее кусать, а мне – нет?»

Больше она ничего не хотела говорить, в ответ на все вопросы только вздыхала или откашливалась. А зубы? Она их взяла только потому, что они были ей нужны. Все в кукольном доме должно было быть великолепным, как и все другое, что любила Эмма.

Я думаю, здесь кроется большее. Энн и Натали были уничтожены потому, что Адора уделяла им внимание. Эмма видела в этом нарушение их негласного договора. Ведь она так долго позволяла матери травить себя лекарствами. «Иногда, давая людям что-то делать с собой, ты на самом деле делаешь это с ними сама». Мать доводила ее до болезни, и Эмма считала, что имеет над ней власть. Взамен она требовала исключительной любви и преданности. Привязываться к другим девочкам было недопустимо. Поэтому она убила и Лили Берк, заподозрив, что она мне нравится больше.

Можно, конечно, бесконечно строить догадки, пытаясь понять, почему Эмма это сделала, но остается факт: она любила причинять боль. В этом она мне признавалась сама. Я виню в этом мать. Ребенок, вскормленный ядом, находит утешение во зле.

* * *

В день ареста Эммы, когда дело об убийствах было полностью раскрыто, Карри и Эйлин поселились у меня. Устроились на кушетке, как

солонка и перечница. Я взяла нож, спрятала под рукавом, в ванной сняла рубашку и вонзила его поглубже в гладкий кружок на спине. Я принялась им скрести во все стороны, и скоро там не осталось живого места. Карри ворвался как раз в тот момент, когда я собиралась приступить к лицу.

Карри и Эйлин собрали мои вещи и увезли меня к себе домой, где дали мне постель и предоставили свободный угол в комнате на подвальном этаже. Все острые предметы спрятали под замок; впрочем, я и сама не очень-то старалась до них добраться.

Я учусь принимать заботу. Учусь наслаждаться родительским теплом. Я вернулась в детство – туда, где совершалось преступление. Эйлин и Карри будят меня по утрам, а вечером укладывают в постель, целуя (точнее, сам Карри дружески хлопает меня по подбородку). Я не пью ничего крепче виноградной газировки, которую любит Карри. Эйлин помогает мне купаться и иногда причесывает. Теперь меня при этом не бьет озноб, и мы считаем это хорошим признаком.

Скоро наступит двенадцатое мая – ровно год с тех пор, как я поехала в Уинд-Гап. В нынешнем году в этот день будет праздноваться День матери. Гениальное совпадение. Иногда вспоминаю ту ночь, когда я лечила Эмму, о том, как мне было приятно о ней заботиться и утешать ее. Мне снится, как я ее купаю, вытираю ей лицо. Просыпаюсь в поту, живот крутит. Мне понравилось заботиться об Эмме по собственной доброте? Или потому, что я страдаю той же болезнью, что и моя мать? Никак не могу в этом разобраться, особенно по ночам, когда просыпаются мои шрамы.

Но в последнее время склоняюсь к тому, что по доброте.

notes

Примечания

1

Район Чикаго, расположенный к югу и востоку от р. Чикаго. Значительная часть района – трущобы. Заселен в основном переселенцами с негритянского Юга и пуэрториканцами. – *Здесь и далее прим. перев.*

2

Речь идет о свободе прессы.

Рэмси, Джонбенет – победительница детских конкурсов красоты в США, убитая в возрасте шести лет. Странное имя получилось из слияния первого и второго имен ее отца, Джона Беннета Рэмси.

Теодор Рузвельт – президент США в 1901–1909 гг., славился своей страстью к охоте.

5

Площадка с перильцами на крыше дома.

Венди Дарлинг – персонаж книги Дж. Барри «Питер Пэн», девочка с короткими черными волосами, которая носит розовое платье и венок из цветов.

Великий картофельный голод случился в Ирландии в 1845–1850 гг. В результате четверть населения Ирландии либо умерла от голода, либо эмигрировала в соседние страны.

«*Be Not Afraid*» – церковный гимн Боба Даффорда (р. 1943), иезуитского священника, композитора католической литургической музыки.

9

1 фут = 30,48 см; т. е. высота дома ок. 120 см.

Обучающая чтению серия книг для детей.

Трилогия писательницы Л. Уайдлер о семье американских первопроходцев.

Коктейль на основе бурбона «The Riskey».

13

Закуска из жареного лука.

14

Лекарственный препарат; применяется в ряде стран как заместитель героина.

15

Вид духовной практики, сопровождающийся интенсивным общением.

Бритва (*англ.*).

Объединение восьми старейших привилегированных учебных заведений на северо-востоке США.

Сирсакер – легкая хлопковая ткань с жатыми полосками.